

0115

Е43 —
943

ИСТОМОЛ ЦК РАКСМ

ЮНОШЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Выпуск первый

Составили А. КИРОВ и В. ДАЛИН

Издание второе

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Москва — 1925 — Ленинград

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

Торговый Отдел Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“:
Москва, Новая Площадь, Б. Черкасский пер., д. 7, тел. 1-81-01.
Магазины: Комсомольский — Неглинный проезд, 8, тел. 4-82-45,
Пионерский — Тверская, 37.
Ленинград, проспект 25 Октября, 54.

105/5

5751

1-й отдел

Е43
943

ИСТОМОЛ ЦК РАКСМ

Комиссия по истории юндвижения в России

ЮНОШЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Выпуск первый

Издание 2-е измененное

Составили А. Киров и В. Далин

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва — 1925 — Ленинград

„Мосполиграф“
типография
школы Ф. З. У.
им. Борщевского
Москва, Б. Садовая, 23.
Главлит № 31111
Тираж 30.000 экз.

Посвящается

**Надежде Константиновне
Крупской,**

пионеру юношеского движения в России,
лучшему другу и советнику комсомольцев

Предисловие ко 2-му изданию

В настоящее издание внесен ряд изменений. Первый том сейчас охватывает только период до первого Всероссийского съезда. Отделы «В Красной армии» и «Подполье» перенесены во второй том, который будет охватывать историю РЛКСМ за годы гражданской войны, после взятия пролетариатом власти.

За счет этой передвигки значительно расширены и дополнены первые разделы. Знакомство с предшественниками нашего движения было бы недостаточным, если бы ему не сопутствовало ознакомление с условиями труда рабочей молодежи при царизме. Для выполнения этой задачи включен очерк Л. Балабанова «Из истории детского труда», И. Волошина «Первые волнения», Г. Дрязгова «На заводах в годы войны».

Этой же цели отвечают и помещаемые отрывки из воспоминаний старых партийцев о годах заводского ученичества. Они покажут теперешнему фабзавучнику, в каких условиях проходили заводскую учебу их отцы. Годы ученичества пересекаются с годами вступления в партию и тем самым будут помогать ответу на вопрос, почему не было и не могло быть самостоятельной организации рабочей молодежи при царизме.

Наконец, добавлен ряд документов, с «другой стороны баррикады» — донесения жандармов о движении молодежи.

Целый ряд значительных дополнений внесен во второй отдел.

Составители считали необходимым дать место всем статьям Н. К. Крупской, появившимся в течение мая-июня 1917 г. в «Правде» и бывшим, в значительной мере, руководящими для всего движения в тот период.

Н. К. указывает в одной из своих статей, что при правильном направлении работы — питерская организация укажет путь для всего юношеского движения России. Так оно и случилось. Мы поэтому сочли нужным возможно шире осветить историю питерской организации и значительно расширили количество отрывков из ее истории. В частности, приведены документы, касающиеся кампании за избирательное право 18-летних: статья из «Правды» — т. О. Рывкина, ряд резолюций и т. д.

Добавлены воспоминания о Москве, статьи об Урале, о Нижнем, о забастовке молодых железнодорожников в Орле

и т. д.—В разделе документов приведен ряд крайне интересных резолюций и заметок из «Правды» и «Социал-Демократа» (московского периода) 1917 г.

Соответственно новому расположению материала несколько изменен характер третьего раздела, который объединяет все связанное с участием молодежи в первых боях за власть (июльские дни, октябрь в центрах и провинции, Красная гвардия, начало 1918 г.). Этот отдел расширен по сравнению с первым изданием (включены воспоминания об июльских днях А. С. и, об октябре в Москве—М. Дугачева, несколько резолюций и т. д.), но далеко еще не полон. Участие молодежи в захвате власти, в октябрьских боях выявлено еще очень недостаточно. Несомненно, что именно этот вопрос будет интересовать сотни тысяч новых комсомольцев. Обязанность каждого члена союза—участника октября—восполнить этот пробел.

Одним из важнейших дополнений являются документы о роли Владимира Ильича в движении. К числу их относится воспоминание И. Скоринко о советах В. И. большевистскому крылу «Труда и Света» и впервые публикуемый с разрешения института В. И. Ленина «план письма к революционной молодежи» (1905 г.).

При подборе статей составители имели перед собой две задачи: основную—дать члену союза настольную книгу для чтения, которая в ярких, занимательных отрывках знакомила бы его с историей юношеского движения в России, и вторую—провести предварительную работу по сбору материалов, которые помогли бы восстановить картину движения и временно заменили бы цельную историю РЛКСМ, которой пока еще нет.

Для начинающего читателя составители рекомендуют опустить статью т. Л. Балабанова, как более трудную, и начать с чтения других статей первого отдела, более доступных. Почти все остальные отрывки (исключая, разумеется, раздела документов) будут вполне доступны для читателя, независимо от его подготовки.

I ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Очерки из истории детского и юношеского труда в русской промышленности

I

Первые шаги законодательства об охране труда. Закон 1845 г. и его странная судьба.—Мытарства молодежи по комиссиям.—Борьба „добродетельного“ Петербурга и „алчной“ Москвы.—Закон 1885 г. Реванш московских промышленников

Вся история фабрично-заводского законодательства царского правительства носит, по преимуществу, административно-полицейский характер предупреждения волнений среди рабочих. Взгляд правительства на пролетариат, как на общественную «язву», и на мастерового, как на беспокойный и преступный элемент, требовал своих предупредительных мер, которым промышленники, не могущие подняться до «высших» государственных интересов, оказывали иногда отчаянное сопротивление. Недаром изданию почти всех фабрично-заводских законов предшествовали стачки и беспорядки.

Так точно и первый закон, ограничивший труд малолетних и изданный в 1845 г., был вызван крупным волнением на большой Вознесенской бумагопрядильне, недалеко от г. Москвы, потребовавшим вмешательства вооруженной силы. Правительственное расследование выяснило жестокую эксплуатацию детского труда. На двадцати трех московских бумагопрядильнях работало 2100 детей, работавших как днем, так и ночью. Крайнее злоупотребление детским трудом вызвало закон 1845 г., запретивший ночную работу на фабриках малолетним до 12-тилетнего возраста. Однако, никаких карательных мер за нарушение этого закона установлено не было, и неудивительно, что закон этот не имел никаких практических последствий и ко времени новой постановки этого вопроса был совершенно забыт.

В 1859 г., в виду участвовавших несчастных случаев на заводах, по большей части с малолетними, в Петербурге была создана комиссия для осмотра петербургских фабрик и выработки правил для труда малолетних. Проект этой комиссии был через год напечатан.

В основном они заключались в воспрещении приема детей до 12 лет на работу, ограничении времени работ в возрасте от 12 до 16 лет и установлении инспекции для проведения этих правил в жизнь. Этот проект был передан в одну из комиссий министерства финансов, где и был погребен.

В 1870 г. по «высочайшему повелению» была организована комиссия, под председательством гр. Игнатьева, для рассмотрения всех вопросов, связанных с наймом рабочих. Комиссия окончила свою работу через год (что в те времена считалось весьма скорым).

В этот проект входило запрещение работы детям до 12 лет, ограничивалось время работы малолетним от 12 до 14 лет 8-ю часами дневной работы и 4-мя часами ночной, и несовершеннолетним от 14 до 17 лет рабочий день ограничивался 10 час. Но и этот проект не был утвержден, а передан в комиссию под председательством гр. Валуева, которая не внесла каких-нибудь существенных изменений в прежние проекты.

При рассмотрении вопроса в 1880 г. в государственном совете предложения снова не были утверждены. Мнение государственного совета было подтверждено «высочайшей волей».

Так, из года в год, откладывалось введение закона, от которого зависели жизнь и здоровье десятков тысяч детей и подростков. «Законодательное вмешательство одинаково необходимо во всех случаях, где следует предотвратить причинение преждевременной смерти, в какой бы форме ни причинялась эта смерть; и, конечно, на фабричный способ надо смотреть, как на один из самых ужасных способов причинения преждевременной смерти». Так говорил доктор Ферри по поводу затягивания проведения в жизнь законов о детском труде в английском парламенте.

Бюрократическое правительство полицейской России проявило не меньше «нежной заботливости к капиталу» (говоря словами Маркса), чем английская палата общин. Каждый год канцелярские волокиты клали новые прибыли в карманы эксплуататоров детского труда.

Каково же было отношение к труду малолетних «общественного мнения» той эпохи, общественного мнения, слагавшегося из мнения бюрократии, промышленников и служилой интеллигенции? Большинство фабрикантов, за исключением петербургских (причины их гуманности мы рассмотрим ниже), было решительно против регулирования детского труда, обра-

щаясь к принципам свободы «народного труда» (читать: свободы капитала и эксплуатации).

Изредка происходящие съезды также высказывали свое мнение. На всер. съезде торгово-промышленников в 1870 г. была вынесена резолюция о желательности охраны труда несовершеннолетних. Но и там значительное меньшинство было против резолюции. Один из них, небезызвестный сотрудник «Нового Времени» Скальковский говорил: «На Западе возможно ограничить работу малолетних, у нас нет... В России подобная мера была бы стеснительна для него—и отразилась бы тяжело на самом рабочем классе, который чрезвычайно беден».

Больше попечительства о рабочих подростках выразил съезд технических деятелей по машиностроительной промышленности (1875 г.), который ходатайствовал об издании закона о труде малолетних, а также принял резолюцию о школах при заводах, причем тут же, по привычке, попросил о правительственном пособии.

На школы съезд предлагает установить специальный налог на фабрикантов. Такая щедрость понятна, если принять во внимание, что даже официальному историку русского фабрично-заводского законодательства, Литвинову-Фалинскому, было ясно, «что такие денежные взносы, в сущности, не могут, при известных обстоятельствах, не сделаться вычетом из рабочей платы, вызывая на соответствующее понижение ее» (Литвинов.— «Фабр. Зак», стр. 37).

Пока что, в ожидании нового закона, «главные деятели промышленности» собирались погреться у субсидий и вычетов из заработной платы. Заботы о рабочих у господ буржуа совпадают с интересами собственного кармана.

Наконец, 1-го июня 1882 г. закон о труде малолетних был издан. Понадобилось, если считать с 1-й петербургской комиссии в 1859 г., двадцать три года на творчество этого закона. А между тем, результаты столь долгих трудов многочисленных комиссий с высокопоставленными председателями были весьма скромны, скромнее даже тех предложений, которые делали некоторые фабриканты. Закон определял возраст, ранее которого нельзя было поступать на работу (12 л.), и продолжительность работы, от 12 до 15 лет, в некоторых производствах—8, в других—9 часов. Что касается школ, то фабрикантам было дано лишь право их открывать.

Конечно, такой закон не мог на много улучшить положения рабочего. Гнет оставался прежним, и капитал был полным хозяином на фабриках. Неудивительно, что в конце 1884 г., в начале 1885 г. вспыхивают серьезные рабочие волнения в Московской и Владимирской губерниях, за которыми следует закон 3 июня 1885 г. о ночной работе подростков и женщин. Ему предшество-

вала ожесточенная борьба интересов петербургской и московской промышленности. Начало 80-х г.г. сопровождается промышленным застоєм, в особенности в хлопчато-бумажном производстве. На рынке чувствовалось перепроизводство товаров. Петербургские фабрики, имеющие более усовершенствованное техническое оборудование, лишь в незначительной мере пользовались трудом малолетних. Что же касается ночных работ, то они почти не прекращались. Московская мануфактурная промышленность, наоборот, работала днем и ночью, широко эксплуатируя дешевый детский труд и нагоняя на этом техническую отсталость производства. Конечно, это ставило Петербург в менее выгодные условия конкуренции.

Таким образом, петербургские мануфактуры подали свое соображение СПб градоначальнику, что для предотвращения кризиса перепроизводства необходимо сокращение производства, путем запрещения труда малетних и ночной работы. Они также указывали, «поскольку ночная работа на фабриках пагубна для нравственности рабочих».

Прошение было передано в Московский Отдел Совета Торговли и Мануфактур, который составил обширную контр-записку, где, между прочим, говорилось: «с.-петербургские фабриканты вставили, как одно из важнейших последствий предлагаемой ими меры—поднятие производительности работающих на фабриках женщин и несовершеннолетних, но это указание сделано ими для некоторого прикрытия их главной цели, имеющей далеке не филантропический характер».

Упадок нравственности, связанный с уменьшением религиозности в народе, составляет неоспоримо одно из самых прискорбных, необычайных явлений последнего времени, сознание обязанности к повиновению в рабочем классе, подстрекаемом печатью нигилистического направления, слабеет—поднятие нравственности не может ни в коем случае быть достигнуто мерами, подобно проектируемым».

Доводы для правительства оказались вескими. Снова запрашивается мнение петербургских промышленников, начинается переписка, грозящая бесконечно затянуться. Но рабочие волнения дают мощный толчок. Соображения полицейской безопасности побеждают все остальные доводы, и 3-го июня 1885 г. было постановлено воспретить ночные работы женщин и малолетних детей до 17 лет на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках.

Однако, это постановление было принято в виде опыта на три года, и оправившиеся от кризиса фабриканты повели энергичную борьбу против сдерживающих их аппетиты законов. Реакционная печать видит в них чуть ли не социализм. При посещении министром финансов Вишнеградским Нижегородской яр-

марки «всероссийское купечество» подало ему прошение об отмене стеснительных законов. И, действительно, в 1890 г. правительство, как бы почувствовавшее, что зашло слишком далеко, делает целый ряд изменений в прошлых законах.

Ночная работа малолетних была вновь дозволена в стеклянной промышленности, больше того—ночная работа подростков, запрещенная законом 1885 г., могла разрешаться «в особых случаях» губернаторами. Таким образом, все было предоставлено административному произволу.

Царское правительство вновь проявило отеческое попечение о малолетних рабочих—и о Колупаевых и Разуваевых. Положение рабочей молодежи такое убожечное законодательство не могло, конечно, облегчить.

II

Фабричный быт.—Продолжительность рабочего дня.—Количество рабочей молодежи в производстве.—Заработная плата.—Образование.—Практика законодательства.—Участие молодежи в первых стачках.

«Чем дальше на восток, тем подлее буржуазия»,—говорил первый манифест нашей партии. И тем более отвратительные и хищнические формы принимает капиталистическая эксплуатация. В наскоро сколоченных бараках, с примитивно оборудованными машинами, под постоянной угрозой травматических повреждений и профессиональных болезней первые поколения русского пролетариата создавали прибавочную стоимость для русских плантаторов. Уже в первых трудах, посвященных рабочему вопросу, отмечаются невыносимые формы фабричного быта. Работники и даже дети изнуряются непосильной работой по 16 часов в день. Для охраны здоровья работника не принимается никаких мер (Флеровский.—«Положение рабочего класса в России»).

Капиталисты хорошо усвоили правило Маркса: «постоянный капитал или средства производства, с точки зрения процесса возрастания стоимости, существуют только для того, чтобы высасывать труд и с каждой каплей труда высасывать соответствующее количество прибавочного труда» и, кроме того, капли детского пота и крови.

А крови на русских фабриках проливалось в то время в год больше, чем на фронте в годы русско-турецкой войны. В отчете главного фабричного инспектора за 1885 г. констатируется: «так же мало в промышленных заведениях обращается внимания на необходимость ограждения опасных механизмов, результатом чего является множество несчастных случаев с рабочими и особенно с малолетними. Причина таких несчастных случаев—шалости, когда речь идет о малолетних». «Более ярко выра-

жается фабричный инспектор Владимирской губернии Песков: «особенно это можно сказать относительно малолетних: почти нет части машин, от которой бы им не приходилось получать каких-нибудь травматических повреждений».

Насколько это зависело от шалостей, видно из описания фабричным инспектором Янжулом устройства тогдашних заводов: «На мануфактуре № 31, в опальне или напильне между двумя машинами со множеством зубчатых колес, вращающихся в разных направлениях, существует проход, примерно, в $\frac{3}{4}$ аршина, через который в течение суток проходят, нет сомнений, сотни рабочих и в том числе малолетних; малейшая неосторожность... один нетвердый шаг или толчок,—и человек легко может быть изуродован». Но не только постоянная опасность стать калекой висела над головой подростка, само устройство завода было, как будто, рассчитано на гибель его здоровья. Например, киевские стеклянные заводы (где, как мы помним, была в 1890 г. разрешена ночная работа молодежи) отличались таким устройством: Раскрытая крыша над печью и двое настежь раскрытых ворот служат причиной постоянного сквозняка.

Понятно, что такое устройство заводов отзывается, особенно зимой, крайне вредно на здоровье всех вообще рабочих, но в особенности на малолетних, работающих обыкновенно в плохой одежде и босиком» (см. Пажитнов.—«Положение рабочего класса в России», стр. 33). Особенно характерны огромные Хлудовские мануфактуры, чистый доход которых в 80-х годах равнялся 45% в год. На них из общего числа рабочих 24,6% составляли дети до 14 лет, другую $\frac{1}{4}$ (25,6%) составляли подростки до 18 лет.

Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе (там же, стр. 26).

На той же мануфактуре случился пожар. Фабрика была заперта по распоряжению директора. В результате, после пожара, вывезли 7 возов трупов.

Но и после 16-ти часовой работы подросток не имел отдыха: квартир рабочие почти не имели, и жили в казармах, на грязных нарах, в необыкновенной скученности или ночевали в своих же мастерских, зараженных пылью, а иногда ядовитыми испарениями. Понятно, что мог представлять из себя рабочий подросток: «Я встречал малолетних рабочих,—пишет один фабричный рабочий инспектор,—вид которых производил ужасное впечатление: таких истомленных лиц воскового цвета, с глубоко впалыми глазами и совершенно синими подглазницами, вы нигде больше не встретите». (С. Гвоздев.—«Записки фабричного инспектора». М. 1911 г., стр. 52).

К весне молодых рабочих, по словам одного хозяина, «ветром качало» (Туган-Барановский «Фабрика», стр. 405).

И отношение рабочих к фабрике ярко отражено в частушке 80-х годов.

Лето красное проходит,
Зима морозна настает,
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет,

С полуночи встает,
На работу поспеет.

На машине задремал,
Праву ручку оторвал...

Праву ручку оторвал,
К отцу, матери послал...

Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.

А в народе говорят,
Фабриканта все бранят.

Ах, постылый ты завод,
Перепортил весь народ...

Сколько же малолетних и подростков переварилось в фабричном котле, каково было отношение их к взрослому пролетариату, как изменялось их число в 80-х и 90-х годах?

Перейдем к этим вопросам.

Мы имеем точные данные по Московской губернии, («Сборник статистических сведений по Московской губернии», том 4-й), Петербургу (Бернштейн-Коган.—«Численность и состав петербургских рабочих». П. 1910 г.), Харьковскому и Варшавскому округу (Святловский.—«Фабричный рабочий». Варшава. 1899 г.); что касается общих цифр, то они имеются у Андреева:—«Работа малолетних в России и на Западе», но отличаются известной приближенностью.

Малолетних до 15 лет на фабриках Московской губернии до закона 1882 г. было 11.630 человек, что составляло 11,5% всех рабочих, из них до 10 л. было 158 чел. Подростков 15—17 л. было в общей сложности 10.108 чел., или 10%. Итого рабочих, пользующихся покровительством фабричных законов об охране труда молодежи, было 21.738 чел., или 21,5%. Если же мы возьмем количество всей рабочей молодежи до 23-х лет, то к этому числу нужно прибавить рабочих—17 лет—2.535, 18 лет—2.684, 19 лет—2.578, 20 лет—2.732. Если сравнить все число рабочей молодежи с числом взрослых рабочих, то получится 39,92%. Кроме данных Московской губернии, где есть статистика каждого возраста в

отдельности, по остальным губерниям учитывалась только молодежь, охраняемая законами. Поэтому, цифра 18,42% молодежи 12—20 лет очень интересна. Нужно заметить, что эта цифра распределяется почти равномерно, т. е. четыре десятых по всем годам. Не приводя распределения детского труда по производствам, мы должны привести вывод Святловского: «детский труд находил себе применение в производствах нездоровых, каковы, например, спичечное, табачное, льночесальное, типографское, суконное, булочное». («Фабричный рабочий», стр. 19).

На фабриках Петербургского округа было 3.268 малолетних рабочих около 1885 г. Это число после законов значительно упало—до 2.214 человек. Для бумагопрядильного и ткацкого производств в 1869 г. число малолетних было 11%, в 1900 г.—5%. Совсем другое мы видим в мелком производстве.

Производство.	Малолетних рабочих. 1869 г.	до 16 лет. 1900 г.
Произв. мужского платья	21,0	21,1
» женского »	25,2	26,1
» шапочников	29,9	31,8

То-есть во всех мелких потогонных предприятиях число детей росло.

Интересно привести данные по отношению труда малолетних до 16 лет и рабочего юношества 16—20 лет по производствам крупным и мелким.

	Малолет.	Раб. мол.
Обработка машин и орудий	6,5	21,9
Изготовление одежды и кожи	22,1	26,9
Обработка дерева	13,9	24,3
Торговля предм. одежды	24,5	28,6
Обработка металлов	7,0	21,5
Полиграфическое производство	10,0	24,5%

Мы видим, таким образом, из одной таблицы, что труд малолетних отливал в мелкое производство: чем крупнее производство, тем меньше в нем малолетних; в труде рабочей молодежи такая тенденция тоже заметна, но во много раз в меньшей степени.

Приведем теперь данные Андреева по всей России, они касаются только малолетних до закона 1882 года.

	Процент к числу взрослых рабоч.
Шерстопрядильная	31,19
Бумагопрядильная	12,78
Льнопрядильная	16,70
Рогожная	29,30
Механические и чугуно-лит.	4,44

Эти данные, сильно не отличающиеся от тех, которые мы уже приводили, показывают, что большинство малолетних было сосредоточено в производствах, обрабатывающих волокнистые вещества. Поэтому считаю уместным привести результаты исследования окружности груди и веса у рабочих, обрабатывающих волокнистые вещества, и у остальных рабочих.

	Рабочие, обработ. неволокнист. вещества.			Рабоч., обработ. волокн. вещества.		
	Рост в метрах.	Вес в килогр.	Окр. груди в сантим.	Рост.	Вес.	Окр. груди.
17 лет	1.598	50.99	79.55	1.682	48.53	78.33
18 »	1.629	54.74	82.41	1.614	53.02	81.12

(См. Дементьев.—«Фабрика, что она дает населению». М. 1847 г., стр. 231).

Мы видим, что малолетние сосредоточивались в самом нездоровом производстве.

Свое здоровье и жизнь рабочая молодежь отдавала фабрике за ничтожную плату. Средний заработок взрослого рабочего на своих харчах в 90-х годах был 14 рублей 16 коп., заработная плата подростков составляла 7 рублей 41 коп. или 52,33% взрослого рабочего, малолетний зарабатывал 5 рублей 11 коп. или 36%.

При таких тяжелых условиях и нищенской заработной плате естественно, что среди рабочей молодежи царили темнота и невежество.

В 1885 г. среди рабочей молодежи было 65% неграмотных (см. Микулин.—«История фабричной инспекции». Киев 1906 год, стр. 37). А между тем, получить какое-нибудь образование для подростка с фабрики не было никакой возможности. Ведь это было время, когда министр «народного просвещения» издал циркуляр о недопущении в гимназии «кухаркиных детей». Да и не пошла бы туда рабочая молодежь. А школ при фабриках почти не было. «Право», предоставленное законом 1882 г., фабриканты не спешили использовать. Микулин приводит цифры, что на Московскую и Владимирскую губернии приходилось лишь 47 школ при фабриках, где занималось 1.756 малолетних. На весь Московский уезд было шесть школ с 283 учащимися, из них рабочей молодежи 60 человек, т. е. 6—7%, и всего 5 девочек-работниц, и это в фабричных школах (Эрисман.—«Санитарные условия фабричных заводов Московского уезда». М. 1882 г., стр. 145). Но промышленникам мало еще было выжимать последние соки из рабочей молодежи и держать ее в невежестве на законном основании,—они

старались обойти даже те жалкие законы, которые издавало правительство. Их возмущала мысль потерять хотя бы копейки из миллионных барышей.

«Я из милости принимаю малолеток,—говорит один фабрикант,—чтобы только дать им кусок хлеба, снисходя к слезным мольбам их матерей, у которых, может быть, и работников больше нет,—мне же они не нужны совсем... уволить сейчас же всех малолеток и больше не принимать. Пусть ходят милостыню просят»... (Гвоздев.—«Записки фабричного инспектора», стр. 49). Но, очевидно, расчет все-таки заставил этого фабриканта оставить малолеток. Так же старались сделать и другие фабриканты, доходя даже до того, что прятали подростков в мешки во время приезда на фабрику инспектора (ib., 42). В стремлении к безудержной эксплуатации рабочей молодежи фабриканты находили поддержку у... священников. Дело в том, что многим подросткам нельзя было определить года, так как у них, вместо метрик, были часто совершенно ложные справки. «Рабочие никак не могут их получить, так как священники требуют за написание метрик по рублю и, кроме того, гербовые марки, что непосильно рабочим» (Гвоздев, стр. 50). Нужно при этом заметить, что по законам никакой платы за метрики не полагалось. Другой интересный факт такого же рода приводится в путевом журнале киевского фабричного инспектора: «на стекольном заводе Гец и Розенфельд, Новоградволынского уезда, было много малолетних без метрик, так как священник из села Сумцы отказывал в выдаче их под тем предлогом, что «метрики не должны валяться в еврейских конторах».

Даже жидоедство шло на пользу еврейским эксплуататорам. Так угнеталась и обманывалась рабочая молодежь. Казалось, она должна была бы превратиться в безмолвный и покорный капиталу вьючный скот... Какова же должна была быть сила классового инстинкта, если в эти беспросветные времена рабочая молодежь уже вступала на путь борьбы за освобождение труда?!

Выше уже говорилось о порядках на Хлудовской мануфактуре. Рабочие попробовали там заволноваться. Сейчас вмешалась полиция. «Арестованные рабочие, все молодые парни около двадцати лет, просидели в тюрьме пять месяцев, пока московская судебная палата не определила, за отсутствием в деянии обвиняемых противодействия властям, передать дело мировому судье» (Пажитнов, стр. 24). Гораздо интересней описание стачек рабочей молодежи в Петербурге, о которых молодой Плеханов упоминает в корреспонденциях в газете «Земля и Воля» и которые дали ему основание сделать известный вывод о рабочей молодежи в «Русском рабочем в революционном движении»,

Вот, что случилось на фабрике Кениг в 1878 г.¹⁾: «Новый ди-

ректор рассчитал разбиравших «пыль» (отбросы ниток) женщин и возложил ее сортировку на «задних мальчиков». 29 ноября эти мальчики, числом 33 человека, заявили мастеру, что они не будут работать, пока их не избавят от новой обузы.

Дело происходило в двенадцать часов дня, когда рабочие отправляются на обед. После обеда мальчики, действительно, не пошли работать, а стали дожидаться хозяина у здания фабрики. Когда он явился к ним и они попытались изложить ему свои жалобы, он без разговоров послал их к чорту. Они разошлись по домам.

На другой день взрослые рабочие поддержали молодых стачечников. Забастовка разрасталась. В нее вмешалось знаменитое III отделение, и на фабрику приезжал какой-то генерал уговаривать рабочих. Но все было напрасно. Стачка окончилась расчетом.

Другой раз рабочая молодежь проявила себя во время больших забастовок на Новой Бумагопрядильне. Происходили аресты. Среди арестованных был один малолетний прядильщик: «Его товарищи, такие же малыши, как он,—пишет Плеханов,—отправились утром, в числе около 50 человек, к участку и требовали его освобождения. Пристав Бочарский мужественно вышел навстречу к этим бунтовщикам и, с помощью десятка городских и трех-четырёх мастеров, погнав ребятишек на фабрику; все они тотчас же разбежались». Стачка не прекращалась. Большинство стачечников было арестовано: «Их разделили на две категории. Первую категорию, в которую вошли малолетние рабочие, пересекли поголовно и освободили, пригрозивши вторичной поркой, если кто-нибудь из наказанных не выйдет на работу». Да, читатель, это факт, о котором тебе расскажет любой из рабочих Новой Бумагопрядильни. Малолетних рабочих порол поголовно за участие в стачке.

Так вступала рабочая молодежь на долгий путь борьбы. И кто бы мог сказать, что через четыре десятилетия «задние мальчики», которых секли городские в полицейских участках, выросли в наследников рабочей диктатуры!

¹⁾ Плеханов.—Собрание сочинений, стр. 17 и дальше.

Первые волнения

Нередки случаи, когда чрезмерная эксплуатация малолетних вызывала волнения не только среди малолетних, но и среди взрослых рабочих. На суконной фабрике Вигеля, в городе Воронеже, рабочие жалуются на чрезмерную работу малолетних, которые поступали на фабрику с десяти лет и работали, по показанию самого приказчика, «по понедельникам с 1 часу пополудни, а в прочие дни начинали в два и в три часа утра, а кончали в девять часов». Десятилетние дети работали на этой фабрике зимой по 15—17 часов, летом по 14—16 часов.

Однако, уже в далекие от нас времена рабочая молодежь, если не в массе, то в некоторой своей части умела отстаивать свои права. Интересный случай имел место на московской суконной фабрике в 1762 году. На фабрике начались волнения. Когда посланный для расследования юнкер Мещерский хотел подвергнуть наказанию жалобщика Андреева в присутствии мастеровых и рабочих людей, то так называемые солдатские дети, отданные для работы на фабрики, не дали этого сделать и затем избili назначенного для заведывания ими сержанта. После этого солдатские дети стали большими партиями уходить с работы. В отместку за «бунт», по указу сената, были наказаны острогами и плетью 18 учеников и 56 мастеровых.

Помимо случаев стихийного протеста, вызванного издевательством над рабочими, мы имеем уже в 30-х г. г. прошлого века попытки участия в политической борьбе отдельных групп молодежи.

Так, в 1836 г., на заводе Лазаревых в Пермской губернии, возник кружок из числа служащих, учителей и учеников горнозаводской школы. Преобладали ученики. Кружок этот выпустил воззвание, в котором клеймил крепостное право, гнет помещичьей власти, с призывом свергнуть власть.

Кружок был пойман, и вскоре слушалось дело о противозаконном обществе в возрасте от 18 до 25 лет. Все составившие воззвание были посланы в финляндские солдаты, был наказан и целый ряд других лиц, в той или иной степени причастных к этому делу.

Рабочий подросток на заре революции

1

Рабочая молодежь—подростки и дети—насколько я заметил, отличаются гораздо большей самостоятельностью, чем молодежь высших классов. Жизнь в более раннем возрасте и с большей скоростью толкает их на борьбу за существование, чем и налагает особую печать находчивости и запечатленности на тех из них, которым удастся спастись от преждевременной гибели. Я знал тринадцатилетнего мальчугана, круглого сироту, который, работая в Галерной Гавани на заводе Макферсона, жил один-одинешенек, повидимому, не чувствуя ни малейшей нужды в какой-либо посторонней поддержке. Он сам рассчитывался с конторой и сам, без чужих указаний, умел соблюдать равновесие в своем маленьком бюджете. Не знаю, был ли у него опекун: это как-то слишком нежно для рабочего; но если и был, то, наверное, не имел много хлопот с опекаемым.

Столкновения с мастерами и хозяевами развивают в рабочей молодежи замечательное единодушие. Весной 1878 г., во время стачки на Новой Бумагопрядильне, было арестовано и посажено в участок несколько малолетних фабричных. Товарищи их, такие же малолетние и такие же «бунтовщики», как и арестованные, немедленно отправились толпой в участок, требуя их освобождения.

Вышла своеобразная детская демонстрация. Взрослые рабочие не принимали в ней никакого участия. Они только наблюдали ее издали: «вишь, как наши ребятишки-то действуют,—одобрительно говорили они,—ничего, пушай учатся». Впрочем, в данном случае учиться ребятишкам было нечему: они и без того принимали в стачке самое деятельное, самое полезное участие, прекрасно понимая, в чем дело. Когда на обширном дворе бумагопрядильни происходили большие собрания стачечников, малолет-

ние играли обыкновенно роль казачьих раз'ездов. Они каким-то чутьем узнавали о приближении неприятеля и немедленно доводили о нем до сведения старших. «Пристав едет, пристав едет», — со всех сторон кричали звонкие детские голоса, и, извещенное вовремя, собрание расходилось. Когда пристав появлялся на место действия, то хватать уже было некого. Взрослая полиция страшно злобилась на эту малолетнюю полицию рабочих. Многие из этих маленьких стачечников были подвергнуты тогда «исправительному наказанию при полиции». Не думаю, однако, чтобы наказание исправило их в желательном для начальства смысле.

II

При производстве работ на бумагопрядильной фабрике получается много отброса, состоящего из порвавшихся ниток. Этот отброс образует возле станков кучу так называемой «пыли». Для сортировки ее на фабрике Кенига существовали особые женщины.

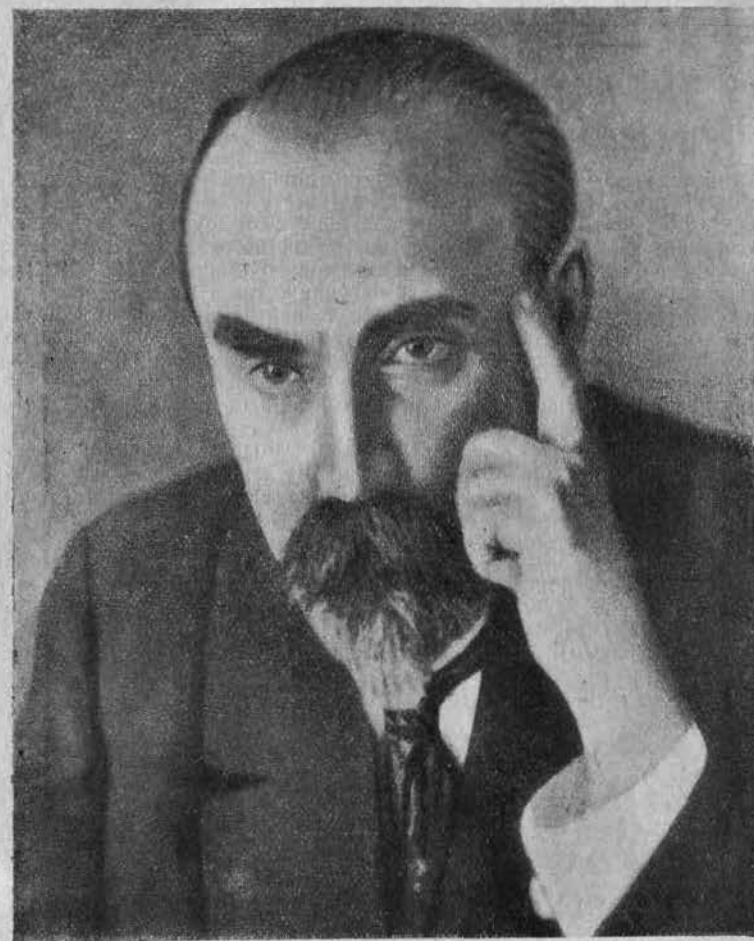
Незадолго до описываемого времени переменили на фабрике Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директор рассчитал разбиравших «пыль» женщин и возложил ее сортировку на задних «мальчиков»¹⁾.

29 ноября эти мальчики, числом 33 человека, заявили мастеру, что они не будут работать, пока их не избавят от этой новой обузы. Дело происходило в 12 часов, когда рабочие отправляются на обед. После обеда мальчики, действительно, не пошли работать и стали дожидаться хозяина у здания фабрики. Когда он явился к ним и они пытались изложить ему свои жалобы, он без разговоров послал их к чорту. Они разошлись по домам.

Подождавши некоторое время своих подручных, мюльщики заявили мастерам, что они не могут управляться со станками без помощи мальчиков. Мастер уверял, что к вечеру все уладится. Но время приближалось к 8 часам, а мальчики не являлись. Чтобы иметь возможность узнать имена «бунтовщиков», хозяин решил выдать всем бывшим налицо подручным билеты. Всякому, кто на другой день не пред'явит такого билета при входе на фабрику, грозили хозяйской карой. Но едва мастер стал раздавать эти билеты, раздался свисток, возвещающий окончание работы, и только трое из подручных успели их получить. Несмотря на это, когда рабочие стали на другой день собираться на фабрику, у подручных спрашивали билеты, и так как они были только у трех, то остальные были прогнаны с работы. Г. Кениг переходил, таким образом, в наступление.

¹⁾ Каждый прядильщик (мюльщик) работает на двух станках, причем у него есть 2 подручных мальчика: т. н. «средний» 17—18 лет и «задний» 12—14 лет. Эти последние работают те же 14 часов, что и взрослые.

Но в это время малолетние стачечники получили неожиданное подкрепление. Их взрослые товарищи объявили мастерам, что будут работать только под условием исполнения требования «мальчиков». Фабричная администрация не была расположена к

Г. В. Плеханов

уступкам, рабочие, со своей стороны, решили привести угрозу в исполнение. Они вышли гурьбой из здания фабрики и присоединились к толпившимся на улице подручным. Они надеялись, что хозяин придет для объяснения с ними и им удастся убедить его

сделать уступки. Кениг, однако, не явился, и рабочие решили заявить полиции о своем отказе от работы.

Несмотря на все застрачивания, рабочие твердо настаивали на исполнении их требования, а так как Кениг не хотел уступить, то они все взяли расчёт¹⁾.

П. Мойсеенко

Примечания:

Плеханов, Георгий Валентинович, — организатор первой марксистской группы в России «Освобождение труда» (вместе с Засулич, Аксельродом, Дейчем). Был теоретическим вождем в дискуссии против народников. К тому периоду, 90-х г.г., относятся его блестящие работы, на которых воспитывалось все поколение молодых марксистов: «К вопросу о развитии материалистического взгляда», «Обоснование народничества в трудах В. В.» и т. д. Вошел в редакцию «Искры». На 2-м съезде партии поддерживал Ленина, вскоре после съезда перешел на сторону меньшевиков. После поражения революции и возникновения «ликвидаторства» Плеханов снова приближается к Ленину и становится «певцом подполья». В годы войны Плеханов — ярый оборонец. Такую же правую позицию занимал в 1917 г. Умер в 1918 году.

По словам тов. Зиновьева, «Плеханов — самый выдающийся популяризатор философских идей Маркса во всем Интернационале... После Маркса и Энгельса Плеханов был — без всяких преувеличений — первым, самым ярким, самым образованным и талантливым представителем идей марксизма».

Плеханов еще в 1889 году на конгрессе Интернационала заявил, что «русская революция победит, как рабочая революция, или не победит вовсе».

Тов. Ленин чрезвычайно высоко ставил Плеханова, как теоретика, и считал необходимым воспитывать молодежь на его произведениях.

Пролетарская разведка¹⁾

П. Мойсеенко

7-го мы рано встали и пошли на фабрику. Подойдя к фабрике, я увидел, как у дверей стоят сторожа с дубинами, ломами, оглоблями и не дают останавливаться. Подходит Волков и говорит, что ничего не поделаешь: сторожа разгоняют, и народ проходит в здание. Волков и я зашли в здание, пригласили коекого и пошли прямо в уборную. Там уже полно народу: гудят. Мы начали их усовещивать и бранить.

В это время ко мне подходит подросток и говорит: «Я знаю, как погасить газ зараз». Я говорю, что для этого надо лестницу, а это опасно: станем брать лестницу, тебя заметят, и тогда все пропало. Мальчуган говорит, что лестницы не надо, а их трое, и они, вспрыгнув друг на друга, завернут кран, — вот пусть только передние ряды завернут свои горелки, чтобы было не так видно.

Идея мальчугана была хороша. Бабы завернули горелки в первых рядах, подростки живо вскочили один на другого и завернули коренной кран газа. Моментально стало темно. Выпроводив всех из третьего этажа, я бросился во второй, потом в первый

¹⁾ Эпизод из истории крупнейшей стачки в России в 80-х годах, в Орехово-Зуеве, на предприятии Морозова (1885 г.).

Товарищи Мойсеенко и Волков были руководителями стачки.

этаж. Остановились станки, и народ начал выходить. Сторожа успели закрыть боковые двери, и всем ткачам приходилось выходить через одни двери, и получилась пробка.

Прибежав опять на третий этаж, я увидел, что несколько рожков горели, но никого у станков не было—одни подмастерья сгрудились в кучу, да народ в проходе к дверям. У дверей стояли Волков с несколькими ткачами и выпроваживали народ. От них я узнал, что на дворе спокойно, сторожа не нападают.

Тем временем пришли с прядильного корпуса с просьбой притти к ним и остановить работу. Мальчуганы тут как тут, живо побежали вперед, я за ними. Прибежали в чесальную, сняли всех с работы. В прядильной мои мальчуганы предложили завернуть газовый кран. Я отговорил их потому, что прядильщики выходили уже из корпуса. Вскоре я узнал, что прибывшими казаками и солдатами задержана часть рабочих и арестована. Я вернул с дороги часть рабочих, и мы пошли обратно к заводу.

Когда мы подошли к воротам, солдаты и казаки нас не пропустили. Тогда мы стали напирать, а казаки пустили в дело пик. Я был сшиблен пикой и упал на снег. Поднявшись, я снова хотел ринуться, но в это время раздался крик в банных воротах. Мы все бросились туда, вбежали во двор и начали звонить во все звонки. Из казармы посыпал народ. В это время ко мне подбегает мальчуган и говорит: «Я знаю, где сидят арестованные». Спрашиваю,—можно ли пройти, есть ли караул и солдаты. Мальчуган отвечает: «Никого нет».—«Ну, веди меня». И с этими словами мы с мальчуганом побежали: он вперед, а я за ним в помещение, где была столовая для мальчиков. Пусто, только три-четыре мальчугана. Спрашиваю: «Где же арестованные?» Мне указали на дверь: «Вот там, в другом отделении». Попробовал—дверь заперта. Скамейки в столовой большие, аршин в девять. Я попросил мальчуганов помочь мне поднять скамейку. Мальчуганы помогли, и мы ударили ею в дверь. Дверь поддалась, ударили второй раз—распахнулись обе половинки. Вижу—на другом конце столовой сгрудились все арестованные, кроме Волкова и ткача Шелухина. Я крикнул: «Выходи!»—и ребята бросились вон.

В. Шелгунов¹⁾

Воспоминания

В 1877 году, девяти лет, я поступил на чугунно-литейный завод Петрова и нагревал там трубочки для шишек, получая 65 копеек в день при одиннадцатичасовом рабочем дне. Через пять месяцев я заболел брюшным тифом. Завод пришлось оставить; в школу тоже ходить не мог,—болели глаза, а учиться хотелось.

В 1881 году отец переехал в Питер. Мне было тогда 13 лет. Я просился на завод; но отец боялся, что я там избалуюсь, а по совету домовладельца Колчина отдал меня в переплетную мастерскую, где был хозяин человек строгий. В переплетной мастерской работали с трех часов утра до семи вечера, перерыв только на время обеда. В учении был четыре года, за работу—харчи и одежда. Фальцовали «Петербургскую Газету».

Помню 1 марта 1881 года²⁾. В этот день я готовил клюквенный кисель в трактире. Дома нашел ворота на замке, и дворники у ворот пропускали только «своих», т.-е. живущих в этом доме.

Все притихли, шушукались. В мастерскую пришли чиновники и конфисковали журнал «Слово». Тут только впервые я узнал, что есть книжки, которые можно читать, и есть такие, какие читать нельзя. В марте из журнала «Новое Обозрение» в мастерской стали делать вырезки запрещенных мест, и я начал почитать газеты...

В «Петербургской Газете» в № 45 (1881 года), после арестов революционеров, было помещено правительственное сообщение, занявшее почти всю газету. Это сообщение я прочитал, разрезал на кусочки и переплел в книжку. Весной я прочитал объявление на стенах, что сегодня должна состояться казнь, и осужденные (Желябов и др.) должны быть перевезены со Шпалерной улицы на Семеновский плац. Подмастерья ходили смотреть; и я хотел пойти, но нужно было работать. У подмастерьев было безразличное, равнодушное настроение, пошли «туда» ради любопытства. Кругом шли разговоры о том, что помещики подкупили казненных на убийство царя за то, что он освободил крестьян.

В переплетной же появился у меня интерес к книге вообще. Мной было собрано несколько книжонок, которые я переплел, штук тридцать: одна книжка Успенского, Отчет общества спасения на водах, двухкопеечные брошюры, Шевченко—«Кобзарь» и пр. В переплетной иногда читали вслух, читал я тогда недурно. Из книг мне больше нравились тогда Некрасов и Шевченко.

Окончил учение перед пасхой 1885 г. и ушел из мастерской; не нравилась система расплаты: хозяин вычеркивал из рапортнички цифры, когда ему казалось слишком много; окончательный расчет производил на пасху и рождество. Забрал сундучишко и поехал домой. Осенью же 1885 года поступил чернорабочим на государственный завод «Новое Адмиралтейство» за 50 копеек в день. За поступление отец дал взятку пять рублей жене указателя (мастера).

По дороге на работу прочитал объявление о вечерней школе, где преподавались физика, химия, геометрия, география. Спросил, как можно поступить. Узнал, что один рабочий там учится, и попросил его свести и меня. В один день мы пораньше кончили на заводе (жульничеством), вымыли руки и пришли в школу. Я был принят в первый класс. В третьем классе, когда стали преподавать космографию, геометрию, стал беседовать с товарищами-учениками. Критиковали библию, сотворение мира, критиковали то, что говорил священник.

В третьем классе один из учеников дал мне первую нелегальную книжку: «Слово на великий пяток»—Тихона Задонского, потом—«Царь-голод». Читал я потом и «Суд над цареубийцами»—легальное издание. Отец ругался, что учусь и читаю, родные ворчали на меня: «Будешь много читать, и тебя повесят». В 1887 году летом наши ученики собирались группой, человека по 4—5, и читали, правда, без системы, но я все же уже начал считать себя революционером, хотя и плохо понимал, что это такое. В десятилетие смерти Некрасова, 27 декабря 1887 года, наши ученики—и я в том числе,—ходили на кладбище. Было нечто вроде демонстрации. Когда расходились, прятались от шпики. На кладбище меня позвал Егор Афанасьевич Климанов (впоследствии нелегальный—после 1906 года—«Иван Михайлович Бубнов»), наш учитель и друг с 1887 года.

С Афонасьевым потом я начал организовывать кружок рабочих. В кружках мне заниматься долго не пришлось (2—3 раза). В 1888 году Афонасьев устранился от работы: была слезка; но перед уходом он познакомил меня с Андреем Львовичем Брейтфусом. Ходил с братом его на похороны Щедрина³⁾. В 1888 году я призывался и был забракован; в этом же году окончил вечернюю школу. В 1889 году за границей, на парижской выставке, умер основатель нашей школы, Евгений Николаевич Андреев. Провожали на кладбище все ученики, и бывшие и настоящие. Там рабочим Ка-

релиным была сказана речь о роли Андреева в основании школы и о самой школе, о ее значении для рабочих.

После похорон ученики решили закрепить память Андреева, и в трактире, на Забалканском проспекте, устроили собрание, на котором постановили организовать общество взаимопомощи бывших и настоящих учеников школы. Выбрали комиссию для выработки устава учеников-рабочих. Когда устав был выработан, прежде чем подать его, решили замаскировать истинную цель его и угодить начальству. Для этой цели позвали священника (хорошившего Андреева; он же был и учителем в школе), собрались человек двадцать пять в церкви Вознесения и отслужили молебен и панихиду, и в тот же день подали устав на утверждение. О молебне напечатали в «Новом Времени», а устав не утвердили.

После этого некоторые отошли в сторону, другие же продолжали действовать. В это же время организовалось нелегальное общество взаимопомощи «Борьба».

Общество «Борьба» организовалось нелегально и преследовало уже революционные цели—просвещение и пропаганду среди рабочих.

Примечания:

¹⁾ В. А. Шелгунов—один из старейших членов партии. Входил с начала 90-х годов в марксистские организации. В 1893 г. познакомился с В. И. Лениным. Был организатором Невского района. Связан с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Рабочий Обуховского завода. В 1895 году был арестован, одновременно с Ильичем. Все время был большевиком, к несчастью, ослеп.

Даем место отрывку из его воспоминаний для знакомства с тем, как рабочая молодежь связывалась с партией. Крайне интересно описание условий труда, в которых приходилось работать подростку в эти темные годы.

²⁾ 1-го марта 1881 г. народовольцами был убит царь Александр II. Арестованные по делу 1-го марта—Желябов, Перовская, Кибальчич, Рысаков и др. были по приговору царских палачей казнены в апреле 1881 г.

³⁾ М. Е. Салтыков-Щедрин—знаменитый русский публицист и сатирик. В своих произведениях нещадно бичевал бюрократию, чиновничество и мещанство. Его перу принадлежат «Господа Головлевы», «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Помеховская старина», целый ряд сатирических сказок. Был «петрашевцем». По своим взглядам—народник.

Путь рабочего

Родился я в 1887 г. в деревне Медведки. Мой отец был чистым пролетарием, 60 лет работал ткачем на ткацких фабриках, где ткал многим фабрикантам благополучное житье, сам же влачил жалкое существование в тяжелых экономических условиях, имея шесть человек детей. Одним из полутолодных оборванных ребят был и я. 8-ми лет я был отдан в сельскую приходскую школу грамоты, состоявшую под покровительством помещика Головина, бывшего члена 2-й Государственной Думы. Однако, учиться мне удалось лишь в течение двух зим, летом мне приходилось вместе с матерью работать на торфяном болоте по выработке и сушке торфа за двенадцать копеек за 16-тичасовой рабочий день, чтобы хоть немного облегчить тяжелое положение семьи. На десятом году я был окончательно взят из школы и помещен отцом на ткацкую фабрику мотать шпули за два рубля в месяц. Много различных мытарств пришлось претерпеть за годичный период моей работы на фабрике.

Стоило на фабрике появиться инспекции, как фабричная администрация немедленно запрягивала нас, малолетних подростков, в огромные мешки пыльного хлопка, с предупреждением не кашлять и не шевелиться. Приходилось сидеть, задыхаясь, по несколько часов так, что однажды я был извлечен в бессознательном состоянии. Когда мне минуло одиннадцать лет, сафоновская фабрика закрылась, при чем рабочим, в том числе моему отцу и мне, не было выплачено 2-хмесячное жалование. Этот удар привел к окончательному разорению мою и без того бедствовавшую семью и вынудил ее покинуть развалившийся отцовский домик и, распродав последние пролетарские пожитки, перекочевать в уездный город Дмитров. Здесь меня отдали—с отцовского хлеба долой—в качестве лишнего рта, бесплатно в ученье к кустарю—столярному ремесленнику.

Непосильный гнет эксплуатации и побои заставили меня переходить от одного ремесленника к другому. Таким образом, мне пришлось пять раз переменить хозяина и ремесло. Наконец, я попал на фабрику, где я познакомился со светлыми идеями марксизма и услышал агитацию и пропаганду социализма.

Нелегальные „комсомолы“

Нелегальная брошюрка, газета или прокламация, попадавшая случайно в руки, производила на сознание впечатление разорвавшейся бомбы. Действительность была так сурова и неприглядна, нищета и ужасы эксплуатации так кричали со всех сторон о несправедливости существующего, что многим из нас становилось страшно.

— Ты не давай мне больше таких книжек,—говорил пожилой токарь от Густава Листа,—а то у меня после них так сердце расходится, что я готов убить первого попавшегося под руку мастера или хозяина.

Мы, молодежь, горящие этим пламенем ненависти к буржуазии, к царизму, видели, какое действие оказывают наши зажигательные снаряды—нелегальные книжечки, прокламации, и старались развернуть их распространение по всей Москве.

Несколько юношей из рабочих, попавших в науку на вновь открывшиеся вечерние Пречистенские рабочие курсы, и я в их числе, сумели добыть не одну сотню нелегальных изданий и распространить их по Москве. Главным поставщиком их для нас были тогда интеллигенты: Ольга Смидович, Анна Лукашевич, сестры Карасевы и др. Молодежь из рабочих ходила к ним в гости, встречалась в условленных местах, забирала литературу и развозила по знакомым рабочим на фабриках и заводах. Это был метод индивидуальной литературной агитации, создававшей все новые и новые кадры последователей и распространителей. Из них-то и вербовался, главным образом, рабочий молодняк—тогдашние нелегальные «комсомолы», которые в 1905 году подросли настолько, что явились недурными руководителями московского пролетариата.

Рабочие выросли и прислушивались к тому, что творилось кругом, выделяя из своей среды все большие и большие слои рабочих вожаков. «сознательных», которые быстро втягивались в наши

партийные организации. Чаще всего это была молодежь—готовое поколение чистых пролетариев, из осевших в Москве, заведших здесь семьи и в значительной степени порвавших с деревней. Они явились главным материалом для партии. Из них вербовалась партийная армия и для кружковой и для организационной работы. Они особенно жадно тянулись к знанию и, случалось, забрасывали пропагандистов вопросами.

Н. К. Крупская

Как я стала марксисткой

Было это давно—тридцать один год тому назад. Мне было тогда 22 года, и я жаждала цельного мировоззрения. С раннего детства я слышала в семье резкую критику существующих порядков и особенно действий царского правительства. В конце семидесятых и в самом начале восьмидесятых годов у нас бывал кое-кто из народовольцев. Помню 1-е марта. Тогда я чего-то ждала необычайного, от волнения не спала всю ночь. Помню и 3-е апреля—день казни первомартовцев. Потом потянулись тяжелые годы реакции. Умер отец, изменилась домашняя обстановка. Ниоткуда не слышала живого слова, в тогдашних книгах не находила ответа на волновавшие вопросы, и они глохли неразрешенные. Читала все, что попадается под руку, и читаемое никак не связывалось между собой, не захватило жизни.

У меня была близкая подруга из очень радикальной семьи, и мы с ней часто говорили на общественные и политические темы, вглядывались в жизнь острыми глазами, но выйти на дорогу собственными усилиями не могли, и помочь нам было некому. Иногда в семье моей подруги собирались знакомые, все радикальная публика, среди них были и старые народовольцы, много пережившие. С любопытством и благоговением смотрела я на них, прислушивалась к их речам, но в этих речах слышалась лишь усталость. Пели «Дубинушку», «Комарика», «Из страны в страну». А когда я спросила на такой вечерке одного старого народовольца, что делать, он стал мне развивать теорию «малых дел».

Не нужно гнаться за невозможным, не нужно стремиться перевернуть все в корне—это невозможно—надо не гнаться за недостижимым, а делать то, что под руками: хорошо учить, помогать людям.

Такая проповедь из уст старого народовольца, на фоне современной реакции, когда все было придушено, из уст человека, просидевшего не мало лет в тюрьме за борьбу с самодержавием,

действовала угнетающе. Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей; люди они были хорошие, но с вынужденной душой. Я была подростком, но отлично видела это.

Нет, нельзя идти по пути первомаковцев. Из террора ничего не вышло, да и сами бывшие террористы не верят больше в него. Что же делать? Однажды я попала в кружок, группировавшийся около В. В. Водовозова. Речь шла об аграрных отношениях в Италии и о судьбах Ирландии. Я не пропустила ни одного слова, и теперь помню еще, кто что говорил, но больше я в этот кружок не пошла: связь между аграрным вопросом в Италии и вопросом «что делать» тогда для меня не существовала. Была я еще раз в кружке литературном, на котором присутствовал Михайловский. Но речь там шла исключительно о шекспировском Макбете, и в этот кружок я не стала ходить. Когда я кончала гимназию, мне попался 13-й том Л. Толстого, том, где Л. Толстой подвергал жестокой критике существующий строй. Особенно сильное впечатление произвела статья его «О труде и роскоши». Может быть, в статьях Л. Толстого я вычитала не совсем то, что он хотел сказать. А что, если пойти по пути, указываемому Л. Толстым, отказаться от всякого пользования чужим трудом вообще, начать с перевоспитания себя? Может, так скорее можно прийти к цели, к благу народа, чем путем террора?

Я стала принимать меры, чтобы перебраться в деревню, но дело это затягивалось. Коренной перемены жизни не выходило. В то время в помещении «Посредника» происходили собеседования толстовцев с радикалами, я была там раза два и ушла оттуда разочарованная. Я не могла принять толстовства в целом, с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием.

Осенью 1889 года открылись в Петрограде Высшие Женские курсы. Я поступила на них, надеясь получить там то, что мне надо было. Я знакомилась с приехавшими из провинции курсистками. У них не было даже того отрицательного ответа, который был так обширен у меня. Они в большинстве своем просто стремились учиться. Взялась за ученье и я. Погрузилась в математику, в то же время ходила и на лекции филологического факультета. Конечно, все это, плюс работа для заработка, с'едало время, и к рождеству я уже твердо решила бросить курсы.

В это время моя гимназическая подруга познакомилась с кружком технологов, и у них в квартире стала собираться молодежь. Меня сразу же, с первого же дня, захватили новые интересы. Всех интересовали, и так же интенсивно, те же вопросы, что и меня.

После одного общего собрания (присутствовало на нем человек 40) решили разделиться на кружки. Я вошла (это было уже в начале 1890 года) в этический кружок. Собственно говоря, об этике в кружке разговора было мало, говорили об общих вопросах, мировоззрении. В связи с занятиями в кружке пришлось мне прочитать книжку Миртова (Лаврова) «Исторические письма». Не-

отрываясь, с громадным волнением прочла я эту книжку,—это была первая книжка, говорившая о тех вопросах, которые не давали мне покоя, говорила прямо о вещах, которые я так хотела знать. Курсы я бросила и вся отдалась новым впечатлениям. Впервые услышала я в кружке слово «Интернационал», узнала, что существует целый ряд наук, разбирающих вопросы общественной жизни, узнала, что существует политическая экономия, в первый раз услышала имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса, услышала, что что-то известно о том, как жили первобытные люди, и что вообще существовало какое-то первобытное общество. Весной мы хоронили Шелгунова. Весной же я отправилась к С. Н. Южакову, бывавшему в семье моей подруги, и попросила его дать мне 1-й том «Капитала» Маркса и еще книг, которые мне будут полезны.

Маркса тогда не видали даже в публичной библиотеке, и его очень трудно было достать. Кроме «Капитала», Южаков дал мне еще Зиберу—«Очерки первобытной культуры», «Развитие капитализма в России» В. В. (Воронцова), Ефименко—«Исследование Севера». Ранней весной мы с матерью наняли избу в деревне, я забрала с собой книжки, данные Южаковым. Все лето я работала с хозяйками, местными крестьянами, у которых нехватало рабочих рук. Обмывала ребят, работала на огороде, гребла сено, жала. Деревенские интересы захватили меня. Проснешься, бывало, ночью и думаешь сквозь сон: «не ушли бы кони в овес».

А в промежутках я столь же усердно читала «Капитал». Первые две главы были очень трудны, но начиная с третьей главы, дело пошло на лад. Я точно живую воду пила. Не в толстовском самосовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение—вот где выход.

Думала ли я тогда, что доживу до момента «экспроприации экспроприаторов»? Тогда этот вопрос не интересовал меня. Меня интересовало одно: ясна цель, ясен путь. И потом, каждый раз, как взметывалось пламя рабочего движения: в 1896 г. во время стачки петербургских текстильщиков, 9 января, в 1903—1905 г. г., в 1912 году во время ленских событий, в 1917, я каждый раз думала о смертном часе капитализма, о том, что на шаг эта цель стала ближе. Думала об этом смертном часе капитализма и на 2-м съезде Советов, когда земля и все орудия производства объявлялись собственностью народа. Сколько еще шагов осталось до цели? Увижу ли последний шаг? Как знать,—но это неважно! Все равно теперь «мечта возможной и близкой стала». Она стала осязаемой. Неизбежность, неотвратимость ее существования очевидна для всякого. Агония капитализма уже началась.

Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь. Путь не всегда был легок, но сомнения в том, что он правилен, никогда

не было. Бывали, может быть, ошибочные шаги, иначе быть не могло, но ошибки поправлялись, а движение шло широкой волной к цели. Кроме «Капитала» я прочла и все другие книжки, данные мне Южаковым. Много дал мне Зибер «Очерки первобытной культуры». Я кончила гимназию и педагогический класс, была некоторое время на курсах—и никогда не слышала о движущих силах истории, не слышала и о жизни первобытного общества. Передо мною открывались совершенно новые горизонты. Конечно, марксистка я тогда была еще очень первобытная. Сделалась я ею лишь зимою 1890—1891 годов.

Осенью, когда съехалась учащаяся молодежь, возобновилась кружковая деятельность. Было организовано так называемое «Все-российское землячество», насчитывавшее в Питере около трехсот членов. Каждый кружок посылал своего представителя в центральную организацию. В этой центральной организации говорилось исключительно о формах организации студенчества, о студенческих библиотеках и проч. Рассадником марксизма был Технологический институт. Там было уже два вполне сложившихся марксиста: студенты старших курсов—Бруснев и Цвинский. Они и направляли чтение студенческой молодежи технологического института в марксистское русло, направляли ее внимание на рабочее движение. В университете процветал так называемый легальный марксизм, не столько интересовавшийся рабочим движением, сколько формами хозяйственного развития, которые ему представлялись какими-то самодовлеющими.

В военно-медицинской академии процветало народничество. Я вошла в марксистский кружок. Еще раз я прочитала «Капитал», на этот раз гораздо уже основательнее. Прочитанное перерабатывалось и обсуждалось в кружке. У нас был на руках написанный вопросник, который значительно помогал работе. Параллельно я ходила в публичную библиотеку и перечитала все, что было там из имевшего отношение к марксизму. Читались, главным образом, старые журнальные статьи да изложение «Капитала» Зибера. Литература тогда по марксизму была крайне бедна. Не было переведено из Маркса ничего, кроме «Капитала», даже «Коммунистического Манифеста» не имелось, ничего не было переведено из Энгельса. «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса читалось по каким-то рукописным тетрадкам; в них хватало середины и конца. Чтобы прочесть «Антидюринга», я заехала за немецкий язык и не пожалела потраченного времени.

Мне хотелось поскорее принять активное участие в рабочем движении. Сначала я попросила дать мне кружок рабочих, наших технологов, но связи у них с рабочими были в то время невелики, и кружка мне дать не сумели. Попыталась было получить кружок у народолюбцев, но тут у меня потребовали принадлежности к партии Народной Воли. Я не могла отказаться от марксизма. Тогда я решила завязать связи через воскресно-вечернюю

школу Варгунина за Невской заставой. Школа эта помещалась в селе Смоленском, сельском центре рабочего района, и вместе с женской и Обуховской школой, вмещала около 1.000 учеников рабочих разной подготовки, начиная с безграмотных.

В этой школе я проработала пять лет, завязала очень большие связи, близко узнала рабочую жизнь рабочих. Тогда были еще такие нравы, что приехавший инструктор закрывал повторительную группу за то, что там проходились дробы, когда по программе полагалось лишь 4 правила арифметики, что рабочего выселяли по этапу на родину за употребление в разговоре с управляющим выражения «интенсивность труда» и т. д. И тем не менее в школе можно было работать. Можно было говорить, что угодно, не употребляя этих страшных слов: «царизм», «стачка», «революция». И мы (на следующий год в школу поступили еще несколько марксистов) старались, не упоминая имени Маркса, разъяснять ученикам марксизм. Меня удивляло, как легко было, стоя на почве марксизма, объяснять рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма. Смотришь,—приедет из деревни осенью паренек. Сначала, во время уроков «по географии» и «русскому языку», затыкают уши и читают ветхий или новый завет Рудакова, а смотришь,—к весне уже бежит после занятий в школе в кружок, о чем намекает с многозначительной улыбкой. Скажет какой-нибудь рабочий на уроке «географии»: «кустарные промыслы не могут выдержать конкуренции с крупным производством», или спросит: «какая разница между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим?»—и уже знаешь, что этот рабочий входит в марксистский кружок, и он знает, что он это своей фразой сказал, и устанавливается тогда между нами особая какая-то связь, точно он пароль какой сказал. Потом уж приходит каждый раз поклониться по особенному: «Ты, мол, наш». Но и не ходившие в кружки, не умевшие еще формулировать «разницы между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим», относились к нам как-то особенно заботливо и любовно.

«Вы книжек сегодня не раздавайте, предупреждает какой-нибудь ученик,—хотя раздаваемые книжки обычно библиотечные,—тут новый пришел, кто его знает: в монахах ходил. Мы про него разузнаем».

«При этом черном ничего не говорите, он в охранку шлется»,—предупреждает пожилой рабочий, церковный староста, неодобрительно относящийся к непочтительной к старшим молодежи.

Уходит ученик в солдаты и перед отъездом приводит своего приятеля с Путиловского завода.

— Далеко ходить, по вечерам ходить не сможет, а по воскресеньям пусть на «географию» ходит.

Эти пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом.

Южно-Русский Союз Молодежи

Южно-Русская Группа учащейся молодежи была основана в Ростове-на-Дону летом 1902 года.

В это время в Ростове существовала уже довольно сильная организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, во главе с Донским комитетом партии. 19 февраля 1902 г. комитетом была организована первая уличная политическая демонстрация. Партийная организация собиралась уже начать энергичную политическую агитацию в массах, — через несколько месяцев, 4 ноября, вспыхнула известная ростовская всеобщая стачка.

Революционное движение рабочего класса разбудило молодежь, проснувшуюся к общественно-политической жизни, а с другой стороны, быстро начавшая вливаться в партию учащаяся молодежь уже не отрывалась от своих товарищей по школе, а стала ставить себе задачей организовать начавшееся движение молодежи и использовать это движение для того, чтобы набрать среди молодежи не только временных «союзников», но и верных до конца борцов за дело рабочего класса. Так возникла Южно-Русская Группа.

Как и в рабочей среде, движение учащейся молодежи началось с кружков самообразования. Но в то время как в рабочих кружках 1901 г. редкий уже из членов кружка мог считать самообразование главной целью кружка, в то время как рабочие кружки стали уже ячейками революционной партийной организации, в кружках учащейся молодежи самообразование считалось главной задачей кружков.

Движение началось не в ростовских гимназиях и не в реальном училище. Детей рабочих в этих школах почти не было. Детей служащих было очень немного. Большинство учащихся принадлежало к буржуазным и мелко-буржуазным слоям общества: царизм отлично понимал значение науки для народа и стремился держать «кухаркиных детей» подальше от школы. Гораздо

более демократическим был состав учащихся в четырехклассном городском училище и в недавно основанном средне-техническом училище, при котором в качестве подготовительной школы существовало ремесленное училище. Здесь учились дети полупролетарских, а отчасти пролетарских слоев населения.

В этой именно среде и зародились первые кружки самообразования с общественно-политической окраской. К началу девятисотых годов из отдельных начинаний выкристаллизовалась большая группа, с числом членов до 30, сгруппировавшаяся вокруг семьи Плесковых. Это была семья из 3-х братьев (старший студент Николай, средне-техники Владимир и Артур) и двух сестер (Клара и гимназистка Лидия), полупролетарского происхождения, очень рано ставших совершенно самостоятельными, с 14-летнего возраста начавших зарабатывать себе кусок хлеба. Самым старшим, и к тому же лет на десять старше среднего возраста членов кружка, был авторитетнейший из его членов Александр Константинович Скрынников, он жил в одной квартире с Плесковым, на Среднем проспекте, 35, которая и служила центральной квартирой для всех собраний и занятий кружка.

Из членов этого плесковского кружка активными работниками Южно-Русской Группы, кроме Владимира, Артура и Лидии Плесковых и Скрынникова, были Аркадий Зенченко, Павел Швейцер и Евгений Житомирский и техник Андрей Кравченко. Вне своего кружка члены его активной пропагандой самообразования занимались еще мало.

Весною 1901 г. во всех университетских городах разыгрались известные студенческие волнения, вызванные отдачей в солдаты студентов за участие в сходках. Особенно внушительной была демонстрация в Харькове, состоявшаяся в день освобождения крестьян, 19 февраля, к которой примкнули в большом количестве рабочие харьковских заводов. За нею последовала демонстрация 4 марта в Петербурге, у Казанского собора, закончившаяся зверским избиением демонстрантов полицией. Университеты были закрыты. Студенты-ростовцы вернулись в Ростов, привезя с собою подробные вести о начавшемся движении. Вскоре после приезда ими было устроено большое собрание ростовской молодежи, на котором присутствовало свыше 60 человек. Серебряковым был сделан доклад о необходимости организации ростовской молодежи, после чего всем присутствовавшим было предложено высказаться о тех задачах, которые должна была поставить себе эта организация. Мнения разделились. Некоторые из присутствующих доказывали необходимость на первое время ограничиться одним самообразованием. Никаких определенных результатов собрание не имело.

Еще до приезда студентов в Ростове появились гектографированные студенческие прокламации, присланные из Харькова

Первые прокламации попали ко мне в руки в конце февраля или в начале марта. А не позже, чем в апреле, Браиловский предложил мне самому принять участие в печатании листов. Печатали их мы с ним на гектографе. В бакалейном магазине покупали полфунта желатина, в аптекарском магазине—1 фунт глицерина и на печке или на машинке варили нашу смесь. Когда весь желатин расплавлялся, смесь выливалась на поднос, вместо которого мы вскоре стали употреблять специально заказывавшийся нами у жестяника четырехугольный противень, величиною несколько больше неразвернутого писчего листа. Затем, без особой конспирации, своим обычным почерком я писал гектографическими чернилами текст листа, после чего оставалось только на несколько минут приложить его к гектографу и снимать столько копий, сколько позволял более или менее искусно сваренный гектограф.

Прежде всего, мы перепечатали, как кажется, протест русских писателей, изданный тогда против избиения, а затем Браиловским было написано три листка специально для учащейся молодежи, с изложением происходящих событий и с разъяснением их смысла и значения. Эти листки мы печатали в количестве поразительно ничтожном, не более, чем 10—15 экземпляров, что объяснялось, быть может, небольшим кругом учащихся, среди которого мы распространяли наши листки.

За несколько дней перед первым мая в этом году были произведены в Ростове большие аресты. Были арестованы чуть ли не все руководители партийной организации. Браиловский решил тогда, что необходимо показать жандармам, что арестованные не являлись руководителями организаций, что организация осталась не затронутой арестами,—и мы вместе с ним напечатали листок,—кажется, всего на четвертушке писчего листа, с предупреждением населения, что полиция готовит к 1-му мая погромное выступление, и с призывом держаться настороже и не поддаваться полицейским проискам. Листок, как кажется, был подписан именем Донского Комитета, и ночью мы с Браиловским разбросали его по улицам Ростова.

С наступлением лета мы стали систематически получать нелегальную литературу. Л. Б. Грановский уехал за границу, но перед своим отъездом он подошел ко мне на улице и достаточно осторожно предложил мне доставлять литературу. Я, конечно, немедленно выразил полное согласие на получение такой литературы, и через некоторое время Г. Я. Сегель передал мне, по поручению уже уехавшего Грановского, первый пакетик с литературой. Кажется, уже в этом первом пакете была и «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского,—книга, посвященная народовольцам. Быть может, теперь, после революции, она уже не может произвести всего того впечатления, которое она произвела на нас. Для многих из нас она была той книгой, которая навсегда и бесповоротно отрывала нас от старого мира, сжигала в наших сер-

цах все, что до сих пор годами создавала в нас окружающая обстановка, и оставляла у нас только одно стремление, с тех пор полностью заполнившее все наши помыслы и все наши мечты: стремление стать в ряды того движения, за которое погибли Желябев, Перовская, Кибальчич, Халтурин.

Зима 1901—1902 года прошла сравнительно спокойно по всей России. Работа нашего издательства не возобновлялась. Браиловский далеко отошел от меня,—вскоре он стал пропагандистом в рабочем кружке,—и вообще всецело погрузился в дела партийной организации.

Весною 1902 года, кажется, в апреле месяце, встретивши на улице Владимира Плескова, я предложил ему издать прокламацию к учащимся средних школ, которые этой весной кончали школу и, таким образом, вступали в жизнь. Плесков тотчас же принял это предложение.

Прокламация оказалась довольно внушительных размеров: она занимала три страницы убористо написанного листа писчей бумаги. Печатали мы ее в количестве нескольких сот экземпляров вдвоем с Плесковым, с соблюдением строжайшей конспирации. Мы отлично понимали, что мы должны были тщательно скрыть не только нашу личную прикосновенность к этому начинанию, но и тот город, где была напечатана прокламация. Печатали прокламацию мы на квартире Плесковых. Большое количество экземпляров требовало неоднократного переписывания текста и такого же большого количества прикладывания текста к гектографу. Текст писал я: для Ростова—печатными буквами, для других городов—своим обычным почерком.

Прокламацию мы решили разослать по почте. С этой целью мы приняли меры к тому, чтобы узнать списки кончивших курс учащихся и их адреса в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и еще некоторых других городах.

Член Плесковского кружка и мой товарищ по гимназии, Аркадий Зенченко, ехал на летние каникулы к родным в Черниговскую губернию. Мы сообщили ему о нашем предприятии и дали ему небольшую картонку из-под шляп, полную конвертов со вложенными в них прокламациями. Эти конверты он должен был в Харькове бросить в почтовый ящик. Зенченко ехал в одном вагоне с гимназисткой Долженко, сестрой одного из членов Плесковского кружка. На станции Лозовая, когда Зенченко вышел из вагона, он увидел, что Долженко зовет его обратно в вагон. В вагоне, у занятого им места, он застал жандарма, внимательно разглядывавшего стоявшую на виду коробку. «Чья эта коробка?»—спросил жандарм. «Моя» ответил Зенченко—и жандарм проследовал дальше. Оказалось, что кто-то из пассажиров забыл свою картонку со шляпой в вагоне и телеграфировал об этом на Лозовую. Если бы Зенченко отказался от картонки, жандарм взял бы ее, и наше предприятие провалилось бы.

В Харькове Зенченко бросил все наши конверты в почтовый ящик, и прокламации благополучно дошли до адресатов.

Несколько экземпляров прокламаций мы переслали ростовцам, жившим за границей. Через несколько месяцев мы получили 1-ю книжку журнала «Жизнь», возобновленного за границей В. А. Поссе после закрытия журнала в Петербурге. В этой книжке была целиком перепечатана наша прокламация.

В августе месяце мы создали съезд представителей тех городов, где нам удалось завязать связи. Кроме ростовцев, были представители Таганрога (Р. М. Залкинд), Новочеркасска,—быть может, еще 1—2 городов. Присутствовал также на съезде, случайно бывший в Ростове проездом, представитель Петербургского Союза Учащихся (либерального по духу). Съездом поручено ростовцам составить центральный комитет группы. В первый состав комитета вошли: В. Плесков, А. Скрынников, Я. Емельянов, А. Зенченко, Э. Басс и я; среди нас сразу обнаружилось два направления: Плесков, Скрынников и Емельянов отстаивали чистое самообразование и беспартийность, я доказывал необходимость политической работы в партийном социал-демократическом духе; Зенченко и Басс примыкали ко мне.

Во избежание помех со стороны «культурников» мы не раз перестраивались. То они трое должны были быть просветительной коллегией, а мы трое—коллегией политической, то мы отделялись от них, как центральный комитет группы, а они превращались в ее ростовский местный комитет. Особенно горячие, но зато, пожалуй, и полезные споры вызвал среди нас текст написанного мною «манифеста», изданного нами после съезда от имени центрального комитета. Этот манифест заканчивался призывом учащихся стать «под гордо развевающиеся красные знамена российской социал-демократии». Наши культурники увидели этот манифест уже после того, как он был напечатан, и заявили самый решительный протест против этого партийного лозунга. Особенно недоволен был Скрынников, ссылавшийся на необходимость более бережного отношения к народническому течению. Культурники намеревались было задержать распространение манифеста. Но дело уж было сделано: манифест был уже напечатан, и это обстоятельство решило вопрос.

На этот раз на всех экземплярах нашего издания красовался отгиск настоящей круглой печати, с надписью: «Южно-Русская Группа Учащихся Средних Школ», и в середине «Центральный Комитет». Эта печать была заказана мною вместе с Зенченко у одного резчика на Николаевском переулке, причем, по совету члена Донского комитета того времени Я. Д. Дабкина¹⁾, мы посту-

¹⁾ Дабкин—С. И. Гусев—один из старейших и виднейших работников нашей партии. В годы гражданской войны был членом Реввоенсовета в нескольких армиях, руководил вместе с тов. Фрунзе походом на Врангеля, член ЦКК и руководитель военной инспекции.

пили следующим образом: мы явились одновременно к резчику печатей и попросили его изготовить нам две печати. На одной из них он должен был вырезать по верхнему ободку слова «Южно-Русская Группа» и по нижнему—«Сельских Хозяев», и в центре: «Центральный Комитет». На другой печати сверху должны были быть слова: «Центральное Депо форм», а внизу—«учащихся средних школ». Мы особенно настойчиво указывали на то, что обе печати должны быть одинаковых размеров. Через несколько дней печати были готовы. Мы с Зенченко взяли их у резчика, тщательно подобрали также образцы их оттисков на бумаге, которые сделал перед нами резчик, затем у себя дома отрезали от «южно-русской группы» «сельских хозяев» и заменили два слова нижним ободком второй печати: «учащихся средних школ». Печать оказалась великолепной,—только несколько разным на обоих ободках оказался шрифт,—впоследствии она красовалась на всех экземплярах наших изданий.

Наш манифест мы, конечно, тоже послали за границу. Наши ростовцы переслали его в «Искру», которая полностью перепечатала его (в № 29), с небольшим послесловием от редакции. Наша ярко политическая и строго социал-демократическая точка зрения разделялась и Харьковским Союзом учащихся, возникшим одновременно с нашей группой. Но она вызвала критику со стороны киевской организации учащихся, отстаивавшей необходимость для учащихся заниматься «самообразованием, лишенным какого бы то ни было политического оттенка». В ответ на листок киевского центрального отделения нами был издан в январе 1903 года написанный мною листок, отпечатанный нами в виде брошюры под названием: «К вопросу о программе». Этот листок, совершенно искровский по всему своему содержанию и по тону, был горячим протестом против преклонения перед «стихийным» движением молодежи, горячим призывом к политической работе и притом только под знаменем социал-демократии. Листок этот был перепечатан в «Искре» (№ 36), с кратким примечанием редакции: «не мешало бы иным революционерам поучиться у этой молодежи». «Искра» приветствовала в нас своих духовных питомцев.

Тогда на защиту киевлян и вообще беспартийных организаций учащейся молодежи выступил заграничный центральный орган партии социалистов-революционеров «Революционная Россия». Как только номер «Революционной России» со статьей, посвященной нашей полемике, дошел до Ростова, мы тотчас же послали в «Искру» написанный мною «Ответ Революционной России» (в Ростове он нами не издавался). Этот ответ, развивающий все ту же нашу центральную идею политической работы под партийным знаменем РСДРП, был напечатан в номере 43 «Искры».

Наша литературная деятельность не ограничивалась, однако, теорией. С декабря 1902 г. до конца 1903 г. мы систематически

издавали (на гектографе) прокламации и «летучие листки» к учащейся молодежи. В летучих листках мы давали хронику школьной жизни, приводя все становившиеся нам известными факты, рисующие, с одной стороны, полицейско-казарменную обстановку царской школы, и с другой стороны—начинающееся пробуждение молодежи.

В наших бюллетенях были сведения о жизни средней школы из Ростова, Таганрога, Новочеркасска, Новороссийска, Мариуполя, Харькова, Киева, Житомира, Херсона, Твери, Белостока, Вильно. Из ближайших городов сведения доставлялись нам нашими организациями, о других городах мы сообщали на основании корреспондентий в заграничных газетах, преимущественно в «Искре» и «Последних Известиях» Бунда. Наши издания мы распространяли среди учащихся средних школ Ростова и ближайших городов и пользовались каждым представляющимся нам случаем для того, чтобы послать их в другие города России.

В дни расцвета нашей деятельности мы были непосредственно связаны, считая и Ростов, с 11 городами. Кроме Ростова, по воспоминаниям Владимира Плескова, наши листки распространялись в Таганроге, Новочеркасске, Ставрополе, Екатеринодаре, Новороссийске, Ейске, Мариуполе, Бердянске, Керчи, Феодосии и Воронезе, доходя иной раз до Армавира, Владикавказа и Баку. И вскоре мы могли уже гордиться тем, что деятельность нашей группы и родственных нам организаций других мест России была замечена не только старшим поколением революционеров, но и царским правительством.

«В министерство стали все чаще и чаще поступать донесения», писал министр Зенгер в своем циркуляре, «о том, что среди учащихся старшего возраста замечается вредное направление мысли, что среди них ведется широкая противоправительственная пропаганда». И Зенгер предлагал учителям «использовать уроки истории и русского языка в смысле освоения учащихся с здравыми воззрениями на многое, что ложно освещают злонамеренные агитаторы». В нашем листке от 10 ноября мы давали министру «ответ революционной молодежи»: «Да, мы возбуждаем в своих товарищах интерес к социальным явлениям и призываем к их изучению. Мы организуем кружки и зовем в них своих товарищей для того, чтобы лучше выковать то оружие, с которым мы будем сражаться с самодержавием. Проникнутые одною мыслью, охваченные одним стремлением, мы призываем своих товарищей к самообразованию и развиваем в них способность к пропаганде социалистических идей для того, чтобы понести свои знания в темную, еще не проснувшуюся массу пролетариев и зажечь в них ту же страстную ненависть к существующему строю».

В отчете о втором съезде группы вообще довольно подробно обрисована вся наша деятельность среди молодежи. Мы не ограничивались, конечно, изданием прокламаций,—мы организовали ряд

кружков для подготовки преданных и опытных работников рабочего движения. В то же время мы стремились, удерживая молодежь от чисто-школьных протестов, вызванных теми или иными проявлениями школьного гнета, привлекать ее внимание к проявлениям обще-революционного и особенно рабочего движения. Особенно много усилий в этом отношении нами было приложено в дни ростовской всеобщей стачки в ноябре 1902 г., когда мы предлагали членам наших кружков посещать собрания стачечников, на которых Донским комитетом партии велась широкая политическая агитация. Нашими членами производились также сборы в пользу стачечников.

В феврале 1903 г., во время похорон ростовского средне-техника Холодникова, члена одного из наших кружков, застрелившегося на парадном крыльце директора училища, нами была организована демонстрация учащихся, на которую явилось несколько десятков человек. Попытка организовать манифестацию на могиле Холодникова в сороковую день после его смерти с участием кое-кого из рабочих—не удалась: собравшиеся были рассеяны полицией.

8 сентября 1903 г. нами была устроена за городом в степи, за железнодорожным полотном, сходка молодежи, на которую явилось более 70 чел. На сходке мною был прочитан доклад о разногласиях между социал-демократами и социалистами-революционерами, а рабочий Петр Иванов успел, кажется, произнести приветствие, обращенное к молодежи от ростовских рабочих, когда вся наша сходка была окружена раз'ездом конных городовых, и все мы были отведены в третий полицейский участок. Приехали жандармы; было вызвано училищное начальство. Все учащиеся были отпущены по домам, а неучащиеся отведены в тюрьму, откуда они, впрочем, также через несколько дней после допроса были отпущены. Кто-то все-таки проговорился, и ротмистр Карпов мне заявил, что он отлично знает тему моего доклада и действительно верно назвал эту тему.

Вообще с жандармами мы познакомились только в мае 1903 г. До этого из всех нас однажды был арестован средне-техник Андрей Кравченко, который вскоре был освобожден. Жандармы вообще долго не могли определить, где же находится Центральный Комитет нашей группы, и что он вообще из себя представляет. К сожалению, главные материалы, имевшиеся о нашей группе в документах Ростовского охранного отделения, уничтожены родственниками одного из членов группы, у которого они хранились во время пребывания в Ростове деникинских войск. Но и из сохранившегося текста телеграммы и доклада ростовских жандармов в департамент полиции видно, что они обнаружили нас лишь в мае 1903 г.—и то только вследствие доноса предательницы, по всей вероятности, акушерки, жившей в одной квартире с одним из членов нашей организации. Перед 1-м мая 1903 г. из членов на-

шей группы были арестованы Скрынников, Владимир Плесков и я. Был произведен обыск также у одной из ростовских гимназисток; у которой было найдено много нашей литературы. Целый день уговаривал ее Карпов, привлекая на помощь, кажется, даже свою жену, — и, наконец, гимназистка назвала имя Павла Швейцера, приносившего к ней литературу. Она тотчас же была выпущена, а Швейцер уже в день 1-го мая был арестован самим Карповым, вытребовавшим его прямо с урока в реальном училище.

После освобождения арестованных на сходке я уехал в Харьков, в университет. В начале зимы должен был скрыться из Ростова Владимир Плесков. В Центральном Комитете начали работать Артур Плесков, ставший после моего отъезда главным инициатором группы, Лидия Плескова и Илья Лихтер, работавшие уже в партийной организации. Но с каждым днем всех наиболее активных работников нашей группы все более и более влекло к работе в рабочей партийной организации, — работа среди молодежи переставала удовлетворять. Работников среди молодежи становилось все меньше, и вот, на рождественских каникулах я получил из Ростова от Лидии Плесковой письмо, звавшее меня в Ростов на съезд группы. Я немедленно выехал в Ростов и, конечно, не возражал против наметившегося там решения: распустить группу, передав работу среди молодежи обще-партийной организации. Съезд не состоялся. И в начале января мы собрались на последнее заседание нашего Комитета, постановившего распустить нашу организацию. Через два месяца и Владимир Плесков, и я были уже за границей, в Женеве, где мы опубликовали в «Искре» (№ 62) последнее заявление нашего Центрального Комитета о роспуске группы.

Из большевиков мне известны: Софья Бричкина, бывшая одновременно управляющим делами Центрального Комитета РКП, ростовский рабочий Петр Иванов и, ставший большевиком уже после Октября 1917 года, Григорий Крамаров.

«Наша группа», писали мы, «представляет из себя союз молодежи, задавшейся целью подготовить себя к борьбе за свободу; она является как бы школой для ополченцев социальной революции, с каждым годом доставляющей ей все новые и новые кадры борцов, вооруженных знанием и верою в лучшее будущее человечества». Нашей задачей было: разбудить борцов и снабдить их оружием, знанием и решимостью к борьбе. Мне кажется, что мы сделали все, что нам позволила сделать та среда, в которой мы жили.

Надо признаться, что иным революционерам не мешало бы кое-чему научиться у этой молодежи.

(„Искра“ 1903 г.).

Летучий листок ¹⁾

№ 4, 24 мая 1903 г.

В единении и сознании — сила молодежи

Наступает конец учебного года, и мы, делая обзор фактов жизни учащейся молодежи, с чувством глубокого удовлетворения отмечаем быстрый рост самосознания учащихся. В течение года возникают одна за другой организации с определенно выработанными программами, десятками нарождаются кружки для самообразования в самых отдаленных уголках России, спрос на легальную литературу, а особенно на нелегальную возрос до того, что организации не в состоянии удовлетворить и половины требований на нее. Мало того, искры активного протеста, как, например, демонстрации учащихся в Вильне и в Ростове-на-Дону, ясно говорят, что учащаяся молодежь понимает, что причина всех бед не ближайшее учебное начальство, а ненавистное всем самодержавие, «властитель страны — кулак и нагайка».

Но по мере того, как революционное движение будит все большие массы учащихся, наше учебное начальство, поставленное самодержавием для спасения уже сильно шатающихся «основ», тоже приходит в движение и, применяя всевозможные средства, пытается потушить свет, который там для него зажег революционное движение. На какие только уловки не пускается. Вот перед нами, забытый даже министрами, благодаря своей непроходимой глупости, инспектор народных училищ донского округа Ф. П. Тихонравов, являющийся в ростовское городское училище просвещать учеников в духе «престол-отечества». «Зачем вам серьезные книжки читать, от них вам только вреда больше будет... Да и вообще вот, если увидите где-нибудь прокламацию, то сверните ее в трубочку и несите к учителю, а он уже сам вам скажет, что вам нужно из нее знать».

¹⁾ Составлен В. Плесковым, активным работником Южно-Русской Группы.

Спасибо вам, г. Тихонравов, просвещайте и дальше так своих учеников, авось скоро у них появится желание узнать, что такое прокламация.

Не менее красноречиво и убедительно говорит Юрченко, учительница екатеринославской женской гимназии, обратившаяся к ученицам с такими словами 19 февраля: «Дети, вы наверное знаете, что сегодня день освобождения крестьян. Их освободил император Александр II и этому содействовали многие ученые люди. Делали они не исподтишка, как это делают теперешние глупые молодые люди, которые подбрасывают ночью под заборами прокламации и думают, что из этого что-нибудь выйдет. Но напрасно: из этого ничего не выйдет. Если бы они были люди честные и действительно любящие свой народ, то они бы открыто написали царю, что он ошибается. Но написать им не позволяют (!), потому что они не пишут, как люди хорошие и честные, а поносят правительство: если им не нравится какой-нибудь чиновник, они сейчас поносят все правительство и стараются пустить какому-нибудь благодетелю (!) пулю в лоб. Вы же, дети, этого не делайте (!), вам может попасться человек старый, который своим красноречием завлечет и вас, но вы не обращайтесь к нему, ибо такие люди недостойны уважения, но достойны презрения» («Искра» № 38).

Но одни увещания не помогают, и наше начальство в бессильной злобе принимается за более активные меры. Так, в Ростове-на-Дону, после демонстрации учащихся в день панихиды по застрелившемуся средне-технику Холодникове 23 марта, директор средне-технического училища Прасолов, известный самодур, о подвигах которого мы не раз сообщали в своих листках, полагая, что все зло—от старшего класса, перевел 2 младших класса в нижний этаж здания, запретив им, под страхом строжайшего наказания, являться наверх без особой надобности. Но, очевидно, этой меры оказалось мало, и вот 14 мая, в день «священного коронавания», когда по городу распространились слухи о предстоящей будто бы демонстрации (которые породила сама полиция, явившись в несметном количестве на Садовую улицу), Прасолов после молебна запер все двери на ключ и не выпускал учеников до 12 часов дня, чем заставил учеников... уйти через окно.

Бедные директора, бедные Прасоловы! Вам никогда не понять таким жидким умишком, что никакие заколоченные двери не преградят доступа свободной мысли в умы ваших питомцев. Революционные искры, зажженные в них, в недалеком будущем разрастутся в пламя, которое пожрет вас вместе со всеми плеведами земли русской.

Не лишены интереса и следующие два факта из жизни новочеркасской учащейся молодежи.

Едет на извозчике учитель. Догоняет ученика, у которого в руках красная тетрадь. «Покажите, что это у вас в руках?» Ученик показывает. Учитель смущенно смеется и едет

дальше. Мариупольская же начальница женской гимназии превзошла даже новочеркасских педагогов, советуя перед 1-м мая ученицам «даже в аптеку без разрешения не ходить». Уж куда еще лучше оберегать своих питомцев!

Борьба с «крамолой» естественно заставляет наше учебное начальство соединиться с попами и жандармерией, ставленниками одного и того же самодержавного правительства. Так, в Вильне, после очень внушительной демонстрации учащихся на похоронах застрелившегося 6-го февраля гимназиста Зинкевича, поп пытался на исповеди узнать от учеников, кто участвовал в демонстрации, но, конечно, безрезультатно. А в Ростове и в Новочеркасске попы на исповеди прямо спрашивали учащихся: «Как насчет царя?» Там же, где и попы бессильны, учебное начальство само превращается прямо в жандармов. Для характеристики его на этом славном поприще приведем следующий случай. Недавно в Твери у некоего Рогозина был сделан по какой-то причине обыск. При обыске забрали записочку с перечнем нелегальных брошюр и указанием на то, что они переданы реалисту Крюкову. Из-за этой-то записочки весь сыр-бор загорелся. На другой день к директору реального училища явился жандармский адъютант с требованием произвести обыск у Крюкова. Директор Смирнов запротестовал. Вы думаете против обыска? О, нет, он просто полагал, что не у Крюкова надо произвести обыск, а у Брейтвейта, ученика VII класса (Крюков—IV класса). Педагоги решили обыскать обоих, чтобы исключить самую возможность ошибки. У Крюкова нашли и отобрали сочинения Горького и Л. Андреева. У Брейтвейта даже и этого не нашли. Первого выгнали из училища с двойкой поведения. Решили, что нужно искать дальше. И вот, вместо урока физики, инспектор училища учинил повальный обыск во всех партах VII класса. Ничего найдено не было и учебное начальство успокоилось. Но через день грянули обыски в выпускном классе мужской гимназии. Шарил усердно, шарил в партах, шарил в карманах учеников. И опять эту операцию с большой природною ловкостью выполнили инспектор и надзиратели. Нашли... Несколько портсигаров. Назначили курильщикам соответствующее наказание,—и в свою очередь успокоились не в меру ревностные педагоги. Тогда заволновалось начальство женской гимназии. Старшим классам сделали приличествующее случаю внушение на тему о «злонамеренных людях». В 5 классе на этот раз классные дамы произвели обыск. Единственным трофеем был том Некрасова, отобранный, как контрабанда, очевидно.

Факт, происшедший с реалистом Крюковым, еще, отчасти, понятен, если принять во внимание, что у Рогозина нашли нелегальную записку. Но чем объяснить такие бессмысленно жестокие факты, как, например, в Мариуполе? Здесь исключили за неделю до экзаменов 2-х гимназистов 8 класса за то только, что о них идут по городу слухи о «неблагонадежности». Мало того, чтобы

устранить «вредное влияние», заставили уйти сестру одного из исключенных гимназистов, ни в чем неповинную гимназистку VI класса и 2-х гимназистов VII класса «за то, что они водятся с жидами».

Перечисленные факты ясно показывают, что, несмотря на все репрессии со стороны правительства и его агентов, жандармов, попов и учебного начальства, революционное движение дает о себе знать и в среде учащейся молодежи. Всюду, где только заметны хоть проблески движения в рабочем классе, передовом борце за свободу, тотчас же начинается брожение среди учащихся, всегда отзывчивых душой на все лучшие, идеальные стремления своего времени. Это брожение, пока еще стихийное, неясное, быстро выливается в стройные энергичные организации уже сознательной молодежи, и мы глубоко убеждены, что это молодое движение не заглохнет, что, наоборот, оно будет развиваться с каждым днем все сильнее, и в недалеком будущем не останется ни одного уголка в России, где бы учащаяся молодежь не прониклась идеей освобождения родного народа от гнета самодержавия.

„Церковный совет почтительнейше просит“¹⁾

В помещении реального училища Г. Фидлера²⁾ зачастую имеют место сходки учеников различных средних учебных заведений, с явной целью внесения смуты, беспорядков в среду учащейся молодежи. Эти сходки стоят в прямой или косвенной связи с так называемой организацией учащихся средних учебных заведений. Устроители их стараются всеми средствами привлекать к ним и благоразумных учеников, желающих добросовестно продолжать занятия и, к сожалению, нередко успевают сбивать с толку детей путем всякого рода обманов, ловко эксплуатируя товарищеское чувство и пользуясь всем, чтобы достигнуть приобщения неопытных мальчиков и девочек к вышеуказанной ученической организации.

На этих сходках совращено с пути истины уже не мало детей, на них пропагандируются вреднейшие учения и подготавливается насилие над мирной школьной жизнью (от мальчишеской обструкции вплоть до бойкота и т. п. целых учебных заведений и до набегов на таковые). Продолжение такого положения дела, по мнению совета, представляло бы совершенно недопустимую аналогию: несомненно, дети, содержимые их родителями, не граждане, им не может быть предоставлено распространение каких бы то ни было мнений и учений. Церковный Совет, в интересах продолжения учебно-воспитательного дела, на началах, признаваемых им единственно правильными, не может допустить присутствия во вверенных его попечению училищах учеников, принадлежащих к непризнаваемой им и не имеющей смысла организации учащихся. Однако, к средству удаления таких учеников из школы, Совет прибегает весьма неохотно и стремится к тому, чтобы эта крайняя мера была применена к возможно меньшему числу учащихся. По его мнению, лучшим средством для устранения зла является искоренение его причин.

На этом основании Церковный Совет, в интересах не только вверенных ему училищ, но всей нашей средней школы, решается

просить распоряжения вашего превосходительства о прекращении вышеозначенных «организаций» в средне-учебных заведениях и, в частности, о прекращении ученических сходок, устраиваемых учащимися вне стен их собственно-учебных заведений, как в реальном училище Г. Фидлер, так вообще где бы то ни было. Независимо от изложенной покорнейшей просьбы, Совет считает своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что по полученным им известиям на вышеуказанных сходках не раз обсуждался вопрос о нападении на Петропавловское училище, с целью насильственного прекращения в нем занятий, при помощи «боевых дружин», имеющих в распоряжении «ученической организации», для которой, очевидно, понятие о свободе и о систематическом насилии слились в одно неясное представление. Вследствие этого Церковный Совет почтительнейше просит распоряжения вашего превосходительства о том, чтобы полицией были приняты меры к предупреждению всякого рода насильственных действий, и к тому, чтобы ученические «боевые дружины» были рассеяны при приближении к нашим училищам.

Примечания:

¹⁾ Письмо Московскому гласному барона Л. Клой, председателя церковных и училищных советов «Евангелическо-лютеранской сь. Петра и Павла церкви».

²⁾ Здание училища Фидлера вошло в историю революционного движения. В 1905 г., перед декабрьским восстанием, происходившее там собрание дружинников, было окружено полицией и войсками. Так как собравшиеся отказались сдаваться, по зданию была открыта стрельба из орудий.

В. И. Ленин

Письмо о задачах революционной молодежи (1905 г.¹⁾

(П л а н¹⁾)

Можно было бы распределить по такому плану:

I. Что представляет из себя современное студенчество и в чем состоит задача его идейного объединения?

II. Значение марксизма в деле революционизирования студенчества (в революционном движении).

III. Социал-демократы и социалисты-революционеры в России. Их теоретические и тактические различия. Террор.

IV. Вопросы студенческой организации с точки зрения «революционизирования студенчества».

V. Студенчество и рабочий класс (?).

Культурники в разных классах общества, как базис либералов.

Идейное объединение—некоторая безидейность, общий довод—разные группы в студенчестве, разбор, какие группы, их случайность respective необходимость.

Недостаточное классовое определение шести групп: самодержавие более всего определяет (реакционер—капиталист—либерал), мелкая буржуазия, рабочие, буржуазия—намечаются уже классовые группировки*). Прогрессивное значение классовой и политической дифференциации... Пример, академики, их выделение из либералов. Это выделение не мешает, а помогает политической утилизации (развитию, росту).

«Идейное объединение» Quid est²⁾. Кого с кем?

АК (адемысты)³⁾ + либералы? Либералы + социалисты?

Только социалисты-революционеры и социал-демократы?

Идейное объединение = распространение определенных идей, выяснение классовой розни, идейная размежевка. Идейное объединение = распространение способных вести вперед идей, идей пере-

*) Не «последних дней» (создание социалистической интеллигенции), а полувекое создание, начиная от кружка петрашевцев, примерно⁴⁾.

Quarta e sadra e peldan paur
in didega

unpau loto in pampidhaff no pauray
unang: I. Ip medipollan in coth e offman
rac offman in B. can e offman paur
en in pauran adadaman

II. Zsanna in pauran in didega
peldan paur pauran offman
[paur. didega]

III. Cg in c.p. B. paur. Mo paur
paur pauran. Mepp.

IV. Mangoch offman paur
paur in paur paur paur paur

V. Cg in paur paur paur (?)

Quarta e sadra e peldan paur
in didega

unpau loto in pampidhaff no pauray
unang: I. Ip medipollan in coth e offman
rac offman in B. can e offman paur
en in pauran adadaman

II. Zsanna in pauran in didega
peldan paur pauran offman
[paur. didega]

III. Cg in c.p. B. paur. Mo paur
paur pauran. Mepp.

IV. Mangoch offman paur
paur in paur paur paur paur

V. Cg in paur paur paur (?)

Quarta e sadra e peldan paur
in didega

unpau loto in pampidhaff no pauray
unang: I. Ip medipollan in coth e offman
rac offman in B. can e offman paur
en in pauran adadaman

дового класса. Революционный марксизм, его выступления в Европе перед 1848 г., его роль в буржуазной Европе и России.

Вставить: о «superkluge»⁵⁾ рассуждение, что-де буржуазное студенчество не может проникнуться социализмом.

Примечания:

¹⁾ План для намеченной В. И. статьи о задачах революционной молодежи. Мысли эти были развиты в статье «Первое письмо к революц. молодежи», см. сборник «В. И. Ленин о революционном студенчестве», изд. «Мол. Гвардии».

²⁾ «quid est» — по латыни — что такое (что означает).

³⁾ Академисты — так называлась наиболее правая группа студенчества, впоследствии примыкавшая даже к «Союзу русского народа».

⁴⁾ «Кружок петрашевцев» — первая социалистическая организация в России, руководимая Петрашевским-Буташевичем. В 40-х годах. В кружок входили представители интеллигенции. Кружок был предан и весь арестован, члены кружка приговорены к смертной казни. На плацу, когда приговоренные были подведены уже к виселице — Николай I прислал «помилование» — казнь заменена была Сибирью, каторжными работами.

⁵⁾ Superkluge — сверхумники.

„Искра“ о Южно-Русском Союзе Молодежи

(1903 г.)

Приветствуя от всей души энергичный почин молодежи, мы, со своей стороны, дадим им такой товарищеский совет. Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов. Отделяйте возможно более строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу от непосредственной практической деятельности. Старайтесь при вступлении (и до вступления) в ряды действующей армии завязывать самые тесные (и самые конспиративные) сношения с местными или общерусскою соц-дем. организациями, чтобы вам не пришлось приступить к делу в одиночку, чтобы вы могли начинать уже не сначала, а продолжать сделанное раньше, становиться сразу в ряды и шеренги, двигать вперед движение, поднимать его на высшую ступень.

В. И. Ленин об отношении к учащейся молодежи ¹⁾

(Проект резолюции, принятой II съездом Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г.
Собр. соч. т. IV, стр. 186).

Второй съезд социал-демократической рабочей партии приветствует оживление революционной самостоятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся: во-первых, поставить на первый план своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического мировоззрения, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания пустой революционно-идеалистической фразеологией и филистерскими сетованиями о вреде и ненужности резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями, так как эти ложные друзья на деле распространяют только беспринципность и легкомысленное отношение к революционной работе; в-третьих, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

ИЗ ПРЕНИЙ НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П.

Мартов ²⁾). Резолюция, предложенная Лениным, мне представляется совершенно неудовлетворительной. Надо указать, что молодежи следует заниматься, чтобы приобрести цельное мировоззрение; но совершенно некстати говорить при этом о «ложных друзьях», да еще в терминах, которые в ходу в реакционной печати, когда идет речь о нас—социалистах. Мы выразили свое опре-

В. И. Ленин

¹⁾ Взятое в скобки съездом принято не было.

деленное отношение к социалистам-революционерам и либералам; в резолюции о молодежи нечего специально повторять об опасностях, грозящих со стороны партий.

Ленин. Формула «ложные друзья» не одними реакционерами употребляется, а что такие ложные друзья есть—это мы видим на либералах и социалистах-революционерах. Именно эти ложные друзья подходят к молодежи с уверениями, что ей не надо разбираться в разных течениях. Мы же ставим главной целью выработку цельного революционного мировоззрения, а дальнейшая практическая задача состоит в том, чтобы молодежь, организуясь, обращалась к нашим комитетам.

Махов и Троцкий предлагают в резолюции Ленина выкинуть пункт второй.

Эта поправка принимается и затем принимается резолюция Ленина с этой поправкой.

Примечания:

Мартов Л. (Ю. О. Цедербаум)—вождь меньшевизма. В конце 1900 г. вместе с Лениным, Плехановым, Засулич и Аксельродом вошел в состав редакции газеты «Искра». На 2-м съезде партии (1903 г.) Мартов по организационным вопросам разошелся с большинством съезда, образовав фракцию меньшевиков. Позднее, после поражения 1905 г., поддерживал «ликвидаторов». Во время войны был интернационалистом. В 1917 г., занимая левую позицию, расходился с оборонческим большинством меньшевиков. Вскоре отходит вправо. В 1921 г. эмигрировал в Берлин, где выступил с рядом статей против советской власти. Умер 4/IV 1923 г.

Аттестация шефа жандармов ¹⁾

«Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом. Последние 3—4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, считающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих».

¹⁾ Из доклада шефа жандармского корпуса, князя Святополк-Мирского, в 1903 г.

В первую революцию

Мотовилихинский завод («Пермский орудейный») — один из наиболее ярко горевших на Урале очагов революции. И вооруженное восстание мотовилихинских рабочих в декабре 1905 года — блестящий пример борьбы рабочих, блестящий пример участия рабочей молодежи рядом со старшими; яркий, заставляющий пылать гневом, пример расправы царских жандармов.

Список привлекавшихся по этому делу царским судом, приговор этого суда живо говорят о том, кто были участники борьбы.

Из 92-х привлеченных к ответственности было 39 человек в возрасте от 14 до 23 лет, точнее: двое — 14—15 лет, четырнадцать — 16—18 лет, одиннадцать — 19—20 лет и двенадцать — 21—23-х.

Дети четырнадцати-пятнадцати лет садились на скамью подсудимых.

А после, по указу «божьей милостью самодержца всероссийского», молодежь оказывалась в тюрьме. По приговору о мотовилихинском восстании подвергнуты заключению на разные сроки от 2-х месяцев крепости и до 4-х лет тюрьмы: 4 человека 17 лет, по двое — 18—19 лет и шесть человек 20—23-х. Из 38 приговоренных — 14 человек был молодняк.

А что же делала мотовилихинская молодежь?

Ответим несколькими выдержками из статей, посвященных тому времени.

«К этому времени вновь приехал Андрей Юрш и весь горячо отдался работе в заводе. Он пробует вести работу *среди рабочих и подростков* из заводских, устраивал специальные собрания и посвящал им не мало времени.

«В результате можно было наблюдать, что многие старики-революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало-по-малу отставали от хода событий, — между тем как *из среды молодежи выделилось человек 15, которые безраз-*

дельно отдаются делу революции и, несмотря на юный возраст, служат для партийной организации опорой в развивающейся борьбе». Это было перед 1905 годом.

А в дни восстания заводские подростки получали боевое крещение.

«Казачи в'ехали в завод».

Их встретили ружейным залпом. Выстрелы посыпались со стороны завода из домов, с улицы.

Такого приема казаки не ожидали.

В завод казакам преградила путь толпа подростков, они мешали ехать, — и один из них, побольше, оказавшийся вооруженным шашкой, кричал:

«Не расходитесь, стоять дружнее!»

Вот за что царские слуги сажали за тюремную решетку рабочую молодежь.

А, может быть, еще и за то, что в своих требованиях в июле 1905 года мотовилихинские рабочие выставляли:

«Шестичасовой рабочий день для подростков от 15 лет до 18 лет.

Подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих; заработная плата подручных должна быть не менее 40 к.».

И за это жестоко платились те, кто смело отстаивал права рабочих.

Это Мотовилиха. Это один из бесчисленных примеров, когда молодняк рабочего класса безраздельно отдавал себя революции. А сколько седой Урал насчитает таких примеров?

Их много.

Много мы знаем рабочих, которые начали работу подростками с расклейки воззваний, листов под носом у полицейских ищек, прошли все испытания подпольной работы, вынесли тяжесть гигантской борьбы за пролетарскую революцию и теперь являются активными работниками в строительстве коммунистического общества.

„Смелее составляйте новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи“ (Собр. соч., т. 6, стр. 106, 1905 г.).

В. И. Ленин

А. Б.

Три дня ¹⁾

Широко разлившееся рабочее движение в 1905 г., когда пролетариат впервые в таком масштабе пробовал свои силы, сильно захватило собой и рабочее юношество, увлекло его со всем пылом, присущим молодежи. Мы, молодежь, собирались тогда в лесах, все были втянуты и сгруппированы в кружках разных партий, хотя строгой принадлежности к партии ни у кого из нас не было, а были только симпатии.

В один из этих революционных дней была объявлена общая массовка. Мы собирались, сохраняя все предосторожности, но все-таки нас пронюхали, и казаки, влетая через огороды, разогнали нас плетьюми.

За лесками был поставлен строгий надзор тайной и явной полиции — так как собираться нельзя было, то всю работу мы перенесли в завод, в цеха.

Положение ученичества в то время было далеко не такое, как сейчас, и даже не то, что было в 1914 г. С нами совершенно не считались, ограниченного рабочего дня не было, подвергали репрессиям, которым не подвергались даже взрослые рабочие.

Несмотря на то, что забастовка давно подготавливалась и вытекала из тяжелого положения молодежи, но пришла она, как всегда, как-то неожиданно.

Первым стал судостроительный цех, за ним котельный, и так пошло дальше до механического, который забастовал уже при усиленных протестах учеников всех цехов и взрослых рабочих механического цеха, пригрозивших разогнать всех, если они провалят забастовку.

Взрослые рабочие приняли самое активное участие, не останавливая, но одобряя нас, относясь к нашему движению весьма серьезно.

Собрались мы на площади (в то время завод был не так застроен, и площади были большие), выработали требования, которых я детально не помню, и избрали делегацию к директору. Директор делегацию не принял и выгнал вон.

¹⁾ Стачки молодежи на судостроительном заводе «Наваль» в г. Николаеве.

На второй день к нам присоединились подручные, и тогда с нами стали считаться, потому что некоторые бригады взрослых, например, клепальщики, не могли работать, ибо нагревальщиками были подручные.

Завод начал терпеть большие убытки. Был издан приказ проверить, все ли подручные на местах, и бастующих переписать. Это взорвало подростков всех цехов, и забастовка молодежи пошла по всем цехам. На общее собрание уже пришел заведующий заводом, (фамилии его я не помню), полковник, все время угрожал нам, но мы чувствовали за собою крепкую и грозную опору взрослых рабочих, которые за нами следили, не сдавались и твердо держались своих требований.

Движение было сгруппировано в судостроительном цехе, где были главные массы учеников и подручных. Работать было для взрослых невозможно, и цех остановился совсем. Заводоуправление предложило рабочим брать отпуска, но они отказались.

Начальником судостроительного цеха был тогда Егоров — флотский офицер, деспот, с рабочими обращался заносчиво и грубо, ввел жесткую дисциплину и носил всегда револьвер на виду. Рабочие его ненавидели и ловили случай угостить чем-нибудь тяжелым или сбросить с подмостков, но он был опытен и без помощников не ходил по цеху и в опасные места не заглядывал.

С остановкой всего судостроительного цеха чувствовалась близость развязки. Видя, что разговаривать с нами не хотят, а проходит 3-й день забастовки — мы решили оставить по себе память. Послали делегацию к начальнику цеха, чтобы он вышел для объяснения, но он делегации не принял. Тогда мы ее послали второй раз, но уже приготовили ведро со свинцовым едким суриком, поставили учеников в ряд перед конторой, спрятали ведро и грозно потребовали выхода, грозя разнести контору, для подтверждения чего разбили несколько стекол. В это время пришел управляющий заводом, очень испугался и уговорил Егорова выйти; Егоров стоял, держа руку в кармане, а под свист и крик учеников один из нас вылил ведро свинцовой краски на лицо и платье Егорова.

Краска облила и помощников начальника и, к сожалению, и наших выборных. Егоров выхватил револьвер, но стрелять не мог, так как его сильно жгло. Начался переполох, мы же спокойно разошлись по местам. Позже пришла полиция и увела управляющего и начальника цеха под свист молодежи.

На другой день нас в завод не пустили и потребовали выдачи зачинщиков. Мы, конечно, отказались. Тогда нас рассчитали. После принимали под поручительство двух рабочих.

Обратно попали только местные собственники, которые обивали пороги завода месяцами, и, как всегда, провалили дело. Но наш пример не умер, с этого момента молодежь принимает активное участие в забастовках взрослых.

Дм. Сверчков

Подросток на суде ¹⁾

Царское самодержавие прилагало все усилия, чтобы показать воочию, что рабочие сами по себе являются политически совершенно неразвитыми людьми и не понимают тех программ и требований, которые от их имени провозглашали интеллигенты. Для этого председатель суда Крашенинников неоднократно задавал свидетелям-рабочим те или иные вопросы программного характера, но всегда получал на них, к своему неудовольствию, удовлетворительные ответы. Однако, он не оставлял своих попыток и решил доказать правильность своего убеждения в полной мере на каком-либо из наших свидетелей-рабочих. Для этой цели он выбрал молодого рабочего-металлиста, лет 16-ти, не знаю почему попавшего в число свидетелей.

Парень держался на суде совершенно свободно и толково отвечал на задаваемые ему вопросы прокурором и защитой о событиях конца 1905 года. По окончании вопросов сторон председатель суда Крашенинников задержал этого свидетеля и начал спрашивать его, что такое учредительное собрание, зачем оно нужно рабочим, что такое политические партии, какая разница между социал-демократами и социалистами-революционерами и т. д. и т. д. Мы сначала с некоторым опасением смотрели на подвергнутого экзамену товарища, вследствие его молодости, но быстро успокоились, а потом пришли в совершеннейший восторг: подвергнутый трудному экзамену товарищ отвечал по каждому вопросу на пять с плюсом, и настроение Крашенинникова все больше и больше пони-

¹⁾ Процесс Совета Рабочих Депутатов Ленинграда в сентябре 1906 г. Совет Рабочих Депутатов возник по инициативе ленин. орган. РС.Д.Р.П. во время разгара революции. Первое заседание состоялось 13 октября 1905 года, был ликвидирован 3 декабря того же года, когда арестован был весь почти состав Совета.

жалось по мере того, как он видел, что его попытка превращается в его собственное решительное поражение. Крашенинников ерзал на кресле и морщился (в таких случаях у него всегда, как нам сказали впоследствии, разбалывалась печень), и к окончанию допроса сделался совсем больным...

Мы ликовали и готовы были аплодировать молодому товарищу, так блестяще доказавшему сознательность рабочего класса.

М. Фрумкина (Эстер)

Дети борцы

(Из воспоминаний)

Во времена царизма молодежь не создавала отдельных организаций, а прямо шла в партию. Так поступала и еврейская рабочая молодежь. А организация еврейских рабочих, «Бунд», в главной своей массе и состояла из рабочей молодежи. Не у всякого семейного рабочего, даже более сознательного, хватало решимости быть активным членом нелегальной партии, рискуя каждый день оставить семью на произвол судьбы. Зато у молодежи колебаний не было. Материнские слезы редко кого удерживали от вступления в ряды «братьев и сестер» (так кое-где называли в народе бундовцев).

Помню, как буржуазия и буржуазная интеллигенция презрительно обзывали наше движение «движением мальчишек и девочек».

Какую бы картину из прошлого я ни восстановила в своем воображении:—кружок, «дискуссию», «сходку»¹⁾, собрание, демонстрацию, «биржу»²⁾, стачку, тюремную камеру,—всегда возникают в моем воображении преимущественно молодые лица, лица юношей допризывного возраста и таких же молодых девушек.

Эта молодежь не замыкалась в своей собственной среде. Она была авангардом класса и часто вела за собой старших рабочих.

Официально считалось, что в партию принимают только с 17—18-летнего возраста. Знала я и более молодых членов. Но раз старшие братья и сестры чуть ли не поголовно были в той или иной форме захвачены движением, ходили на биржу, читали и носили домой литературу, входили в «боевые отряды», носили оружие, и т. п.—то младшие, естественно, не могли не подражать им. Они тоже толкались на бирже, даже пронохивали о готовящихся демонстрациях, являлись на них, жадно ловили обрывки «агитации», набрасывались на прокламации и т. д. В стачках им приходилось, конечно, участвовать еще тогда, когда они

девяти-десятилетними детьми попадали в мастерские и фабрики. Они чувствовали себя в революционной среде, как рыба в воде. Старшие от них конспирировали, гнали их нередко прочь, не принимали их в кружки. Тогда ребята стали создавать собственные группы под названием «Малый Бунд». Членами «Малого Бунда» могли быть все рабочие подростки до того возраста, когда их уже принимали в партию. Кое-где девочек в «Малый Бунд» сначала не принимали, но они быстро отвоевали себе это право.

В целом ряде городов и городишек «черты оседлости» образовались группы «Малого Бунда», и не один будущий стойкий революционер получил свое первоначальное революционное воспитание в этих юношеских группах.

Группы «Малого Бунда» имели свои кружки, собрания, комитеты, библиотеки, членские взносы, обзаводились гектографами, на которых печатали прокламации. У них была очень строгая дисциплина, конспирация и вообще они во всем старались подражать взрослым, даже выделяли кое-где «особый боевой отряд», для чего добывали себе оружие.

Главной своей задачей, помимо агитации среди подростков, «Малый Бунд» считал помощь старшим рабочим в их политической и экономической борьбе. Ребята добровольно брали на себя обязанность подстергать штрейкбрехеров. Они отравляли жизнь негговорчивым хозяевам, у которых происходила стачка: били стекла и делали им массу неприятностей. Они же помогали охранять бундовские собрания: следили за участком, за квартирой пристава, жандарма, полицейского и, когда видели подозрительные признаки, сейчас же давали знать собранию. Они вечно искали и находили случай услужить «Большому Бунду».

Особенно прославился Гомельский «Малый Бунд», который принимал самое активное участие в патрульной службе и вообще в революционной работе. Иногда бундовские организации давали «Малому Бунду» представителя, пропагандиста, но часто в этой помощи ребятам приходилось отказывать, так как у самого «Бунда» было мало активных работников и их не хватало для обслуживания взрослых рабочих.

Времена были крутые—расстрелы, избиения. Не хотелось ребятишек подвергать опасностям, их всячески старались гнать с «биржи», не допускать на демонстрации. Но все это было безуспешно. Демонстрацию можно было законспирировать от самых опытных шпионов,—только не от «Малого Бунда». Обыкновенно масса заранее не знала, где именно будет демонстрация. Собирались в разных условных местах и там только узнавали, куда идти. Но незванные и непрошенные ребятишки вырастали там, как из под земли. У них тоже оказывалось заготовленное красное знамя с лозунгами, и они всегда норовили пробраться в первые ряды и покрывали своими звонкими возгласами голоса старших. Страх им был неведом. Опасность, ярость полицейских, налеты ка-

заков—все это только веселило их. А царские палачи, конечно, не стеснялись расстреливать и избивать толпу оттого, что в ней были и дети.

Беззаветная удаль, безграничная настойчивость, настоящее благоговение перед взрослыми «борцами» (так называли активных участников движения), детская, пылкая ненависть к буржуям, полицейским жандармам—вот чем полны были души пролетарских ребятишек. Полицейский, бродивший в субботу по подозрительным кварталам в поисках собрания, и не догадываясь, что еле видимый от земли пузырь, опрометью убегающий при его появлении, мчался предупредить патруль и тем портил ему все дело.

Варшавские товарищи рассказывали: в самый разгар военного положения по улицам Варшавы марширует толпа ребятишек с красным флагом. Впереди раздается выстрел. Толпа шарахается назад. Но из первых рядов раздается: «Не бежать! Вперед!»—и маленькие демонстранты храбро шагают вперед, в ту сторону, где стреляли. В феврале—марте 1905 г. в Минске была всеобщая забастовка приказчиков. Каждый день бастующие собирались в большой синагоге, по Школьной улице, и устраивали митинги. Казаки раз'езжали мимо окон. Все ждали, что дело кончится нападением и расстрелом. Дети были на своем посту. Они взбирались на эстраду, окружали со всех сторон ораторов. Неизгладимыми чертами врезалась в душу эта картина: синагога, переполненная тысячной толпой пролетариев, впившихся глазами в оратора-рабочего. Над его головой—тяжелая хрустальная люстра. А на карнизах и перилах эстрады—дети с горящими глазами, цепляющиеся палочками за люстру и отводящие ее таким образом в сторону, чтобы она не мешала оратору. Они жадно ловят огненные слова, их обыкновенно бледные, впалые щеки пламенеют, и чудится, что шевелятся крылья за их узкими плечами. И все это обито радостными лучами весеннего солнца. А за окном маячат неподвижные, угрюмые фигуры казаков на лошадях...

Через несколько месяцев один из этих юных революционеров, 14-летний рабочий подросток (кажется, маляр), Авраам Гимельштейн, пал на демонстрации.

Рассказывали, что когда началась стрельба и толпа стала разбегаться, Авраам выбежал на середину улицы и, размахивая палочкой, закричал: «Товарищи, стойте, не бегите». В эту минуту пуля попала ему в бок, и он упал, обливаясь кровью. А старший товарищ, сапожник Рачковский (теперь член РКП), высоко поднял его безжизненное, окровавленное, маленькое тело и показал рабочим, воскликнув: «Вот они убили нашего маленького товарища».

Это было на Богадельной улице, как раз на том месте, где теперь клуб минского комсомола.

Через месяц на кладбище, у могил павших на этой демонстрации рабочих, было устроено собрание. Было не меньше 1.000

человек рабочих. Товарищи убрали маленькую могилку Авраама и поставили на ней дощечку с надписью красной краской:

Жить в свободе,
Умереть в борьбе.
Твои товарищи из «Малого Бунда».

В 1917 году, вернувшись в Минск, я пошла навестить эти могилы. Я нашла их. Но дощечки уже не было. И могилка почти сравнялась с землей...

Но зато на том месте, где земля впитала в себя его кровь, вырос клуб комсомола...

В том же году погиб на демонстрации в Гомеле, на Кузнечной улице, член комитета «Малого Бунда»—Яков-Мойше, тоже подросток-рабочий. В этот день взрослые рабочие манифестировали по всему городу по поводу разгона биржи, а «Малый Бунд» осмелился устроить свою манифестацию именно на бирже. Прискакали казаки, стреляли в детей, и Яков-Мойше был убит.

...В сонме борцов, павших за счастье будущих поколений, в этом сонме есть детские тени. Тени таких детей, которые пали не как жертвы, а как борцы. Будем же благоговейно хранить в своей памяти эти самые благоуханные, самые нежные, самые драгоценные образы наших старых битв и понесем их с собой в грядущие битвы, к грядущим победам!

Примечания:

¹⁾ Сходкой назывался кружок ответственных организаторов, которые вели партийную и профессиональную работу в ремесле или группе ремесел. Например, в Минске одно время было шесть сходок: строительная, портняжная, кожевенная, приказчица, «всеобщая» (металлисты, пекаря, прислуга и другие небольшие профессии) и «смесь» (преимущественно рабочие небольших фабрик и типографий). В некоторых местах организованы были не сходки по профессиональному признаку, а политические группы.

²⁾ Биржей называлось место открытых встреч рабочих. Биржи особенно пошли в ход в 1904—1905 году. Обыкновенно рабочие выбирали одну из главных улиц, городской сад, сквер—и массами собирались там после работы. Все старания полиции разогнать биржу обычно ни к чему не приводили. Так как в каждом городе было несколько рабочих организаций (Р. С. Д. Р. П., Бунд, с.-р. и т. п.), то и бирж бывало несколько по соседству. Шпион на бирже не смел показываться—избивали. На бирже устраивали свидания, передавали поручения и литературу. С биржи, разумеется, с соблюдением всяческих предосторожностей—расходились по кружкам. На бирже вели и агитацию, и отчаянные программные споры. На биржу приходили: рабочие—искать управы на хозяев, а хозяева—вести переговоры с организацией по поводу забастовок. Бывало, конные казаки наезжали на биржу и разгоняли ее пагайками. Бывало, биржу оцепят и всех, кого захватят, арестовывают. Бывали и случаи стрельбы в биржу. Но рабочие упорно возвращались и одерживали верх.

А. Аросев

Казань в глухие годы

Наступление реакции—Ученическая организация—Организация Р. С.-Д.
Р. П. Тюрма—Новая выучка

Утром 25-го сентября 1906 года, сидя на стуле, я почувствовал вдруг, что меня будто «вытянули» по спине тонкой, длинной доской. Вскочил. Треск и звон разбитого стекла. Выбежал из комнаты на улицу. Квартира наша была рядом с городской думой (д. бывш. Павловского). В думе ни одного целого окна. Под ногами у меня мелкие стекла.

Почти пустая площадь, на которой запутался в порфире бронзовый Александр второй. Посреди площади казанский вице-губернатор Кобеко, носовым платком поддерживающий окровавленную щеку. Перед ним, руку под козырек, высокого роста, с наглыми серыми глазами—полицеймейстер Васильев. Рапортует.

Пододал, у самого памятника—разбитая карета. Снизу из под горы, со стороны Ивановского монастыря, заблестали штыки отряда солдат, вызванных для окружения местности.

У самого крыльца думы металась трое городских с медалями. Один все подставлял лестницу к каменному забору думского двора и заглядывал в так-называемый «Вшивый переулок».

Ко мне подбежал человек в фуражке, пестром пальто, в сапогах. Жиденькая седеющая бородка «на два раствора». Лицо в веснушках, пестрое, цвета пшенной каши. Человек был возбужден. Держал руки в карманах и сотрясал там невидимо сжатыми кулаками.

— Вот, вот здесь, сейчас, сию минуту они здесь были. Стояли вот тут на крыльце. Один еще в накидке...

Отбежал к городовым с медалями. Высказывал там какие-то соображения по поводу лестницы. Потом опять подбежал ко мне и, тряс неизменно кулаками в карманах, кричал:

— Как сквозь землю провалились. Вот, вот сейчас тут были.

Этот старикашка был жандармский шпик. Солдаты окружили тесным кольцом место.

Полицеймейстер Васильев усадил раненного вице-губернатора Кобеко в свой экипаж. Подошел к трем городовым с медалями. Потом к шпику.

А между тем из всех ворот выплывали любопытные лица.

Ткнув меня в грудь и вбегая в ворота, околоточный чумазого вида потрясал в воздухе наганом и кричал: «руки вверх!»—загоняя «публику» в ворота.

Начался всем хорошо известный полицейский розыск «оных злоумышленников», которые бросили в Кобеко две бомбы, причем одна не разорвалась и лежала посреди площади в желтом пакете, концентрируя на себе внимание поднявших руки вверх обывателей и возбужденных солдат. Вторая разорвалась. Тяжело ранила кучера, убила лошадь, разбила коляску, а у Кобеко вырвала кусок щęki.

Это был последний, уже слабый взмах революции, после чего реакция круто повернула страну в царство тьмы и виселицы. А эта последняя бомба в Казани подлила только масла в огонь и поставила под угрозу существование всех нелегальных организаций.

Пошли аресты. Провал за провалом. Организация с.-р. пострадала особенно сильно, так как на ее голову свалились большие несчастья, как, например, взрыв бомбы в Суконной слободе. Здесь было погребено три человека. Кроме того, охранка внимательно разобрала руины этого дома. Через неделю с небольшим другой нечаянный взрыв на улице Жуковского, тоже на конспиративной квартире эс-эров, помещавшейся рядом с квартирой одной дамы, у которой бывал вице-губернатор Кобеко.

Наконец, с.-р. отправились 20-го декабря 1906 года экспроприировать казну университета. Там казначей университета А. Т. Соловьев стрелял в вошедших экспроприаторов и ранил одного. Эта же группа экспроприаторов пошла через несколько дней на другой «экс» в сумасшедший дом, что за городом. Экспроприировали что-то около 22 руб. 12 коп., по словам тов. Краснова, с которым мне приходилось видѣться в тюрьме, и были схвачены почти все.

Борис Шмелев, Ковалевский, Петров и Попрядухин—вот фамилии товарищей, членов Р.С.-Д.Р.П., которые тогда были известны мне, как активные работники с большевистским уклоном. Были и другие работники, как, например, студ. Юрьев, Кулеша, С. А. Дридзо (рабочий Алексей, ныне больше известный как Лозовский), но это был тогда для меня слишком высокий и далекий центр. Моим сверстникам и мне приходилось работать больше всего около товарищей, старших нас на каких-нибудь 2—3 года и являвшихся в то время такими же учащимися («реалистами»), какими были и мы.

Этим и ограничивается тот круг работы, который мне хотелось бы вспомнить.

Мы в работу вступали в весьма тяжелую пору для партии.

Революционный ручей пошел вглубь под почву.

Осенью 1906 года, после покушения на Кобеко, был я в последний раз на рабочем собрании в Козьей слободе. В этот год больше было невозможно собираться, особенно с рабочими.

Однако, под покровом жандармских репрессий, сыпавшихся на партийные организации, мы сумели как раз в самые черные годы поставить и укрепить революционную организацию особого типа, которая была наименована: «Беспартийно-революционный союз средних и высших школ».

Почему нам понадобилось поставить сюда «высших»—не понимаю, но думаю, для того, чтобы иметь право входить в ту организацию, будучи и студентом. Вообще же эта организация составлялась только из средне-школьников. Никакие «высшие школы» к нам не примыкали.

Организовались, написали устав. Избрали комитет. Главарями этого комитета были т. т. Вячеслав Скрябин (ныне Молотов, секретарь ЦК РКП), Виктор Тихомирнов (скончавшийся в 1919 г. в Казани, будучи членом коллегии Наркомвнудел) и еще некоторые товарищи. Скрябин считал себя социал-демократом. Тихомирнов был не только социал-демократом, но уже довольно определенно склонялся к большевистской фракции.

Были в нашей организации с.-р., но они были изрядно побиты. В частности, не могу здесь не сознаться, что и я был увлечен известным эс-эром «Пипином Коротким», читавшим в университете рефераты. Взял даже на себя доклад: «Философское обоснование партии социалистов-революционеров». Контр-доклад готовил Скрябин: «Философское обоснование Р.С.-Д.Р.П.». Готовились все лето.

Чем больше я читал литературу с.-р., тем больше приходил к выводу, как раз обратному тому, какой, вероятно, был желателен для эсеровских авторов перечитанных мною книг. Я убеждался в неправомерности взглядов «суб'ективистов». Становился социал-демократом.

Осенью дочитывал и дописывал последние труды, которые мне нужны были для доклада.

В это время с.-р. бросили бомбы в Кобеко.

В ноябре для моего доклада и контр-доклада Скрябина было назначено расширенное (около 40 чел.) заседание всей нашей ученической организации.

Вместо доклада я сделал заявление, что марксизм является единственной революционной философией и что Р.С.-Д.Р.П., в лице ее большевистского крыла, является действительным вождем рабочего класса.

Для всех, кроме Скрябина, это было неожиданным.

Крики, споры, одобрения, порицания.

Так мы стремительно катились в объятия Р.С.-Д.Р.П.

А время катилось еще быстрее.

Реакция делала свое дело.

Однажды вечером, обсуждая дни текущие, мы шли с товарищем Скрябиным к так называемому Арскому полю.

— Знаешь что?—сказал он мне.—Переживаемое нами время, видно, сильно отзовется на психике наших товарищей, особенно тех, которые руководили движением. Вот, например, помнишь товарища «Германа», который не раз выступал и председательствовал на сходках в университете? Говорят, что на нервной почве он потерял зрение¹⁾.

Было это или нет, я не помню, но во всяком случае Столыпин сумел всякий город, деревню,—всю страну превратить в одну сплошную большую тюрьму.

Как потом нам пришлось изведать, настоящая тюрьма была менее страшна и пагубна, чем тогдашняя «воля».

— И все-таки,—продолжал тогда Скрябин,—несмотря на это, мне кажется, что социализм—это что-то близкое, почти конкретное. Что-то такое, что я уже не ощущаю, как теорию, или вернее, только как теорию.

Социализм, как реальная цель, давал нам бодрость.

Работа в ученической организации шла непрерывно и заключалась в том, что обязательно каждую неделю в разных местах собирались кружки этой организации (кружков было несколько, если считать 1-е реальное училище, гимназии и техническое); они разбивались на три типа: высший, средний и низший. В низшем читался и разбирался Бах²⁾, Карышев и Каутский, в среднем—Богданов и Каутский, в высшем—рефераты на различные темы, главным образом, из области политической экономии.

Была своя библиотека. Сначала ею ведал В. А. Тихомирнов, потом я. Был гектограф.

Спор между «суб'ективистами» и марксистами был, можно сказать, оживляющей пружиной в нашей работе.

Основной заботой марксистской части (т. е. большей части) нашей организации было—наиболее тесно связаться с Казанским комитетом Р.С.-Д.Р.П., который был похож на месяц во время облачного неба: появится, а потом бегущие облака опять закроют его, потом снова вынырнет и снова потонет в тучах.

¹⁾ «Герман»—Николай Михайлович Шевнин, студент-юрист Казанского университета. В 1906 году был ответственным пропагандистом Казанского Комитета Р.С.-Д.Р.П. После перенесенного им тяжелого тифа находился одно время в состоянии нервного расстройства, но зрения не терял.

²⁾ Бах А. Н.—участник народнического движения, крупнейший ученый-химик—академик Советской России. Его книжка «Экономические очерки» или «Царь-голод»—была самой распространенной книжкой, по которой знакомились с полит. экономией.

Так было много комитетов «потоплено» в облаках казанской тюрьмы...

Другой нашей заботой было установить связь с другими городами, главным образом, с организациями средних школ, превратив, таким образом, наш союз во Всероссийский.

Плохо и это удавалось, хотя шифр и вся техника сношений были нами уже приготовлены. В конце концов, мы установили связь с Пензой и Сарapulем. Представителем последнего был сарapulский «реалист» тов. Бажанов (ныне председатель Главугля). Эти связи были раздобыты нами с таким большим трудом (особенно в то глухое время), что мы уже стали намечать кандидатов в Центральный Комитет нашей организации.

Наконец, наша наиболее тесная группа в этой организации (Скрябин, Тихомирнов, Мальцев—ныне работник по здравоохранению—и я) решила издать к 1-му мая 1908 г. прокламацию.

Через неделю вопрос о прокламации уже обсуждался в наших кружках. Тут было много споров.

Прокламация все-таки была выпущена. Печатали ее, кажется, на квартире тов. В. А. Тихомирнова. Прокламация была написана без «ятей» (Ъ). Других ее достоинств я сейчас не припоминаю.

Однако, обсуждение о ее выпуске сразу расслоило нашу организацию на оппортунистов и «чересчур решительных». Был один кружок, который почти целиком откололся от нас. К счастью (и это характерно), из членов этого кружка не вышло ни одного участника революции, ни февральской, ни октябрьской...

Прокламация была выпущена и довольно хорошо распространена.

На следующий год нам, особенно той тесной, сплоченной группе, которая стояла во главе организации, было тесно в рамках «Беспартийно-Революционного Союза».

Начались наиболее активные поиски комитета.

Вместе с тем вопрос о партийной работе нами ставился еще и в другую плоскость: может быть, в данный момент комитета нет вовсе. Значит, мы должны самостоятельно пробить себе доступ к настоящим рабочим.

— Это хорошо,—возражали некоторые из нас,— а все-таки, ведь, страшно оказаться одному в рабочем кружке. Вдруг зададут такой вопрос, на который не сможешь ответить.

— Так ничего,—отвечали наиболее решительные, так и говори—не знаю, и все. Никакого стыда тут нет и быть не может. Только не ври, откровенно говори, что не знаешь.

Рабочие представлялись нам мудрецами несказанными, но такими, которые молчат. «Они не могут только формулировать свои мысли, а знают в сто раз больше всех нас»,—думали мы.

— Особенно, братцы, страшно,—говорил кто-нибудь из нас,—если в кружке окажутся пожилые рабочие, например, с бо-
родами. Ну, как им объяснять?

Бороды рабочих вселяли в нас большое беспокойство.

Иногда во время таких рассуждений я брал на себя смелость ободрить товарищей. Указывал на то, что я рабочих знаю, ибо вижусь и разговариваю с ними каждый день. Действительно, в этом отношении мне очень везло: у моего отца была портновская мастерская, где на катке сидело 6—7 человек. Большинство из них были социал-демократы. Они первые объяснили мне две вещи: во-первых, что такое пролетарий, а во-вторых, что такое рабочая масса.

Пролетарий—это тот, кто раньше имел свое хозяйство, а потом «пролетел в трубу», от этого и стал называться «пролетарием».

Рабочая масса—это сила, которую нельзя перебить, а следовательно, победить, потому что рабочие—это как мухи летом, которых можно ловить на мухоморы и убивать сколько угодно. Но перебить, т.е. победить эту массу никак невозможно.

Рабочий, портной Макарыч, который объяснял мне это положение, возмущался, между прочим, тем, что эс-эры, бросившие бомбу в Кобеко, спасая себя, не могли убить вице-губернатора.

— Я бы,—говорил он,—подбежал бы к карете и бомбой прямо ему по коленке. Бац, и больше никаких. Я рабочий и меня бы не стало, а массы бы рабочие остались, потому они—как мухи, не перебьешь. А губернаторы—не массы.

Это были первые мои учителя социализма: портные—Макарыч, Петров, Пресняков, Миронов. Они выучили меня петь с ними: «Марсельезу», «Варшавянку» и «Вы жертвою пали».

Поэтому мои сверстники считали меня наиболее способным вести пропаганду в рабочих кружках.

Пользуясь этими естественными связями с рабочими, я однажды попал на рабочий кружок в Пороховой слободе, где один из видных эс-эров должен был делать доклад. Мне надо было выступать оппонентом. Говорят, что смелость города берет. Попробовал руководствоваться этим соображением.

С.-р. был солидный, с бородой. Рабочие, как на грех, попали тоже с бородами, а я—реалист 6 класса. С.-р. начал читать листочек Троцкого—«Что такое социалисты-революционеры»—и стал по пунктам разбивать его. Очертя голову, я ринулся в спор. Был бит эс-эром нещадно. По врожденному упрямству не сдавался. Меньшинство рабочих, человека три, все-таки оказались на стороне социал-демократов.

И я был счастлив, что я только спорил с эс-эром и что мне не пришлось отвечать на вопросы «бородатых» рабочих.

Следом за мной и другие мои товарищи раза по два побывали на рабочих собраниях. Они, наоборот, благодарили судьбу, что им не пришлось вступать в неравный бой с эс-эром.

И подолгу мы спорили, что страшнее: «спорить с эс-эром или отвечать на вопросы рабочих».

Наконец, удалось раскопать более или менее законспирированного комитетчика, тов. Бера.

Я застал его в квартире В. А. Тихомирнова. Он сообщил о связи, которая установлена на всем Поволжье между с.-д. организациями, особенно с фракциями большевиков.

— Я советую вам,—сказал Бер, ознакомиться с письмом Плеханова.

И вынул отпечатанную на гектографе рукопись. Не помню, какое это было письмо. Но, кажется, касающееся работы среди учащейся молодежи.

Потом мы долго хранили эту святыню в своем архиве и библиотеке.

Бер приходил к нам еще несколько раз. Через него мы скромно предложили партийной организации все наши услуги. И во всяком случае брали на себя всю «технику».

Приблизительно через год, а, может быть, и раньше, на квартире тов. Попрадухина мы уже печатали прокламацию с подписью партийного комитета.

Вместе с тем готовились к съезду всех беспартийно-революционных организаций.

Расширили пропаганду среди учащейся молодежи довольно широко. Организация стала весьма многочисленной.

Это не могло укрыться от бдительного ока нашего начальника. Директор реального училища Дмитрий Моисеевич Львов пригласил однажды к себе в кабинет поодиночке Жакова, Бедера, Мальцева, Скрябина и меня, и каждому из нас сказал:—Я не хочу, чтобы жандармы знали, что вы в стенах моего учебного заведения совершаете противогосударственные преступления. Нам все известно.

Через несколько дней были к директору вызваны Скрябин и я.

— Скрябин имеет право быть только в нижнем этаже училища,—сказал директор,—а Аросев во втором этаже. Встречаться вам друг с другом абсолютно воспрещается.

Однажды Скрябин через лестницу (черную), около рисовального класса, пробрался ко мне во второй этаж и мы с ним пошли вместе по коридору. Бдительный инспектор училища Сергей Николаевич Алексеев, сделав страшные глаза, бросился к нам навстречу, на глазах всех «развел» нас. Скрябина отвел вниз, а меня спровадил в мой класс.

Один из новообращенных нами, некий Лассанов, отвел меня как-то утром в сторону и сказал:

— Знаешь что, Аросев, ведь, для организации нужны деньги. Давай экспроприируем нашу кассу в реалке. Для этого достаточно четверых смекалистых ребят.

Тогда я это отверг, но не понял того, что что-то нечисто стало в наших рядах. И не догадался сопоставить с этим тот факт, что директору все известно.

Но, видно, про нас стало известно и жандармским ротмистрам, Игнатьеву и Кирсанову.

В середине марта 1909 г. был арестован В. А. Тихомирнов и студент (с.-р.) Константин Белоруссов.

Через неделю Скрябина вызвали на допрос. С допроса он не вернулся.

Прошло несколько дней—обыск у меня и других товарищей.

Через неделю новые обыски и уже аресты всех, кто был обыскан.

На допросах в жандармском неистовствовал ротмистр Игнатьев, получивший за наше дело пост начальника Екатеринбургского жандармского управления.

Тюрьма для всех нас доставила больше радости, чем чего-либо другого. Вот, когда мы почувствовали себя революционерами. Тюрьма была прямо-таки лучшим орденом, которым мы были вознаграждены за нашу работу.

Вот тут-то мы получили большие связи с рабочими и комитетами Р.С.-Д.Р.П. Тут были налицо и рабочие, и кружки, и комитеты. Особенно большое влияние на нас оказал большевик Езерский (Колчинский), имевший 4 года крепости.

В тюрьме это был, пожалуй, единственный «твердокаменный» большевик. Он многому нас учил. Даже тому, как держаться на суде.

— Главное—находчивость,—говорил он.—Не надо терять головы. Вот, например, я «сел» с печатью комитета. И было доказано, как $2 \times 2 = 4$, что я секретарь Комитета Р. С.-Д. Р. П. Хорошо, за это явно—каторга. Однако, я заявляю, что я не член Р.С.-Д. Р. П., а был секретарем комитета этой партии по вольному найму, так как другой работы найти не мог.

— Как же это так?—спросил меня председатель.

— Да очень просто, вот, например, у вас суд. Есть члены суда, а есть секретарь суда. Секретарь суда не член суда. Вот и в том комитете, где я служил, были такие же порядки.

Мы от души смеялись.

В тюрьме началась действительная практическая выучка. Вместе с тем возможность читать способствовала укреплению в наших головах революционного марксизма.

П. К.

„Будущность“¹⁾

I ЮБИЛЕЙ

Долго готовились мы к юбилею нашего первого кружка. Этот юбилей мы хотели использовать для более близкого сплочения всех активных работников нашей организации, и потому комиссия по организации юбилея тщательно вырабатывала программу и принимала все меры к тому, чтобы технически обставить юбилей возможно лучше. Главным препятствием было отсутствие квартиры. И лишь в последнюю минуту комната была найдена. Ее предоставила член организации портниха Р., квартирная хозяйка которой, за известное вознаграждение, согласилась уйти на тот вечер из дома.

Пришедши, в ставший потом памятный многим день 4 марта, в квартиру по Грибной ул., № 14, я быстрым взглядом обвел улицу, соображая все удобства и неудобства ее. Оставив товарища в комнате, я вышел через двор на улицу и долгим взглядом осмотрел ее. Никого и ничего подозрительного. И сейчас, после 9-летнего промежутка, я утверждаю, что варшавская охранка утром в воскресенье, 4 марта 1912 г., ничего не знала о месте предполагаемого юбилея с.-д. организации молодежи «Будущность».

На юбилей были приглашены полностью кружок «Веритас» делегаты остальных девяти кружков, члены комитета и другие, близко стоящие к организации—всего до 40 человек. Вечером, вместе с тов. Кантором, мы осторожно пробирались через улицу, направляясь на Грибную. Еще раз остановился я у ворот и осмотрел всю улицу. Никакого наблюдения. Товарищи все прибывали. Становилось тесно в небольшой комнате.

Наконец, празднование юбилея началось. Горячие речи, полные юношеского задора и энтузиазма: подсчет работы, роста кружков, роста влияния среди рабочих и рабочей молодежи, безграничная преданность работе членов организаций.

Годы черной реакции. Партии разбиты, охранка в полном могуществе, и лишь «Будущность» выпускает дерзко листки, ведет агитационно-пропагандистскую работу.

Слабо долетали слухи об оживлении рабочего движения; с трепетом, радостно покупалась «Звезда».

9-е января. Годовщина расстрела рабочих. Как же можно молчать, как можно не отметить это событие? А факт был тот, что ни одна организация не выпускала листков. И «Будущность» отпечатала воззвание. В центре города, в легальной типографии группа молодежи ночью печатала листки, и на следующий день рабочая Варшава читала и вспоминала 9-е января 1905 года...

О многом еще вспоминалось в речах юных ораторов. Потом читались стихи, полные горячих призывов к борьбе...

Небольшой перерыв.

Еще раньше какое-то беспокойство овладело мной. Казалось, не слишком ли шумно, не обратят ли жители со двора внимание. В это время шум в соседней комнате привлек мое внимание. Оказалось, что приходил дворник и о чем-то говорил. По поводу его прихода спорили т. П. с т. Ш. На мой вопрос, что говорил дворник, — мне почему-то успокоительно ответили, что ничего особенного, что он искал квартирную хозяйку для вручения какой-то повестки.

Тов. Ш. предложил было разойтись, но я возражал. Согласились мы только сейчас продолжать празднование и окончить его возможно скорее. Один из товарищей послал тогда вслед за дворником товарища Ф. (комнатную хозяйку), с предложением денег для его успокоения. Ф. в воротах дома заметила, как группа в три человека, запыхавшись, вбежала в дом и направилась в квартиру, где праздновала «Будущность» свой юбилей. Тов. Ф. избегла поэтому тогда ареста. Все это произошло в течение 5—10 минут. Когда мы решили продолжать празднование, председатель собрания начал усиленно призывать к порядку, и в ту минуту, когда воцарилась тишина, из соседней комнаты выглянул штатский брюнет с каким-то хищным лицом.

II АРЕСТ

«Кто это?» — промелькнуло в мозгу. — «Посторонний?»

Но в ту же минуту я заметил другую фигуру, с блестящими пуговицами. «Все пропало», — прорезало мозг необычайно отчетливо. Я понял, что провал полный, страшный... Лишь несколько товарищей знали, что у некоторых присутствующих есть при себе и дома партийная литература, архив, печати и т. п.

Брюнет шагнул вперед и крикнул:

«Председатель, стойте, как стояли, а все ни с места»...

Минута оцепенения. Но скоро все пришли в себя. Председатель смеялся со всеми, так что охранники никак не могли его

найти. Сыщики взволновались. Они кидались от одного к другому, а в это время мы все рвали и уничтожали бумаги.

На квартире моей хранился архив организации, много литературы и партийных документов. Больно было, что все пропадет. Еще хуже было то, что никто почти из товарищей не знал адреса моего, и ничто, казалось, не могло спасти драгоценные документы. В отчаянии я решился на опасный шаг. Я шепотом передал стоящим возле товарищам адрес и указал все значение провала. Я просил передать всем присутствующим в комнате. Через несколько минут комната заполнилась шепотом адреса. У всех на уме был адрес, все твердили его. Только охранники ничего не слышали.

Случилось невероятное. Когда, после обыска, первую группу арестованных вывели на улицу, тов. Кантор крикнул случайно встретившемуся члену организации адрес, и тот, не раздумывая, сейчас же зашагал по адресу. На квартире он застал мою сестру и сообщил, что арестован кто-то. Кто именно, он не знал, так как со мной он не был знаком и ему не передали ничего, кроме адреса. Сестра, конечно, догадалась и немедленно вручила ему драгоценные пакеты, с которыми он поспешил скрыться. Таким образом, спасены были ценные документы организации.

Охранке все-таки попала хорошая добыча: список присутствующих с краткой статистикой числа делегатов, членов комитета — все это уже давало им материал для суда. На полу была найдена заграничная литература, которую повыбрасывали из карманов. После ее уже приписали кому попало. Процедура тщательного обыска заняла часа два.

Наконец, обыск кончился. Всех переписали подробно, тщательно подобрали все бумаги с пола, и группами, под усиленным конвоем полиции, нас вывели на улицу. Был десятый час вечера, и на улице собралось довольно много любопытных. Еще тов. Л. удалось крикнуть незнакомому свой адрес, и тот, как потом мы узнали, пошел по адресу и сообщил про арест Л. В течение двух-трех дней пребывания в варшавской следственной тюрьме я из расспросов многих политических арестованных выяснил, что больше уже арестованных на собраниях не выводили на улицу во время уличного движения, а только поздней ночью. Также охранка заручилась себе на носу, что нужно оставлять засаду в квартире, где произведен арест, ибо, к великой их досаде, при нашем аресте они это забыли. Еще одна подробность, и я покончу с квартирой по Грибной улице; полицейские почему-то принесли с собой длинные веревки, предполагая, что нас свяжут. Очевидно, присутствовавший на обыске пом. нач. варшавского охранного отделения считал это неудобным, и нас не связали. Плотная стена городских окружила нас, и мы зашагали к ближайшему участку... Мелькали мысли о победе, но слишком зорко следила стража, и пришлось примириться.

В бодром и приподнятом настроении прибыли мы в участок. Всего было арестовано 31 член организации и среди них 10 женщин. В участке мы отказались подписать протокол, в котором говорилось, что «арестовано собрание». Мы все утверждали, что были на вечеринке, приглашенные тов. Ф. (комнатной хозяйкой). Ночью в двух арестантских каретах нас перевезли в помещение охранного отделения. Всю дорогу мы пели революционные песни, и настроение почти у всех стало твердое. В охранке мы посоветовались и согласились, что лучше всего всем сообща твердить, что мы были на вечеринке. Этим путем мы предотвращали возможность каких-либо недоразумений при допросах. Улики против некоторых были явные, но все-таки и они отрицали все и вся. Много позже, просматривая дело «Будущности», я с удовольствием читал показания допрашиваемых товарищей. Никаких вредных кому-либо показаний, никаких признаний,—и все потому, что мы все отрицали, и ловким охранникам трудно было нас спутать. Еще ночью некоторых вызывали на допрос, грозили сослать в Сибирь, уговаривали сознаться, поступить в охранку, но все было тщетно. И это бесило врагов. Ведь, самому старшему из нас был 21 год, а младшему 17. Злило их еще и то, что мы праздновали трехлетний юбилей первого кружка молодежи «Веритас», и один из них воскликнул:

«Чтобы варшавская охранка не могла в течение трех лет открыть вас! За это вы посидите»...

И посидели мы порядочно...

III КРЕПОСТЬ

После допроса двадцать человек отправили на следующий день в знаменитый 10-й павильон варшавской крепости. Женщин и остальных арестованных (кроме 31 человека, было арестовано на квартирах случайно несколько посторонних), через неделю перевели в следственную тюрьму.

Уже темнело, когда нас привели в крепость. По дороге мы, несмотря на угрозы конвоя, пели песни. Настроение было все то же—бодрое. Этому помогало то, что все были вместе. Но вот начали вызывать по списку. Вызываемый уходил с двумя солдатами и не возвращался. Перед тем, как вызвали меня, я пожал всем руку. После тщательного обыска с унижительным раздеванием повели меня по длинному коридору. Шествие открывал жандарм, за ним шел солдат с винтовкой, затем следовал я, а позади опять солдат с винтовкой.

Длинные коридоры, ряд камер, с «глазками», могильная тишина, газовые рожки и стоящие на постах жандармы—все это создавало тяжелое впечатление.

С грохотом открылась дверь, и я очутился в просторной камере. Через некоторое время принесли лампу, тюфяк, и я с удовольствием увидел, что есть и кровать.

Но вот опять шаги и бряцанье в коридоре, и ко мне вводят тов. Волянского. Как-то веселее стало. Все-таки не один. Есть с кем слово сказать. Захлопнулась дверь... итак, прощай свобода!

На второй день принесли нам несколько книг, и мы усиленно начали читать. Самое ужасное в режиме павильона—это могильная тишина. Ничего не слышишь и никого не видишь. Все внимание, весь ум и мозг уходило на то, чтобы разбудить эту оторванность от людей. На стенах, на потолке, в книгах—всюду были надписи. Я тщательно начал их искать, особенно в книгах, где можно было вычитать, по поставленным под буквами точкам, много лодских историй. Истории суда, каторги, виселицы. Ужасом веяло от некоторых надписей.

«Я приговорен к смертной казни за убийство полицеймейстера в Полоцке».

И ниже другая надпись, другим почерком:

«Повешен. Да читается имя его».

«10 анархистов осуждены к смертной казни».

«5 человек—к веревке».

«Вернер повешен».

«Смертная казнь заменена бессрочной каторгой».

«К смертной казни осужден я за принадлежность к анархистам-коммунистам, а я, ведь, «бундовец».

«Вильтосинский осужден на каторгу».

«Гаевский—15 лет каторги».

«Рыбак на каторгу».

«Овчарок на каторгу».

Каторга, каторга, каторга... Очевидно, из этих камер была только дорога на виселицу или на каторгу. Лампу мы получали каждый вечер, и на ней были надписи: «осужден на каторгу».

К обеду выдавали ложки, и на них мастерски было вырезано ужасное слово «каторга». Редко когда встречалось слово «ссылка на поселенье».

В книгах же и на стенках я нашел тюремную азбуку для перестукивания и, не долго думая, я начал стучать в стенку направо и в стенку налево.

Два дня ничего не выходило. Сосед слева не отвечал, а сосед справа, хотя и отвечал, но я ничего не мог разобрать. Только на третий день я разобрал первое слово соседа. Это была его фамилия. Бурная радость овладела мною. Стена разбита, стена заговорила. Пробовал я в уборной оставлять записки, но жандармы каждый раз тщательно искали, а потом грозили лишением прогулки. Стук они также преследовали, но все, не сговариваясь, условились стучать лишь в то время, когда на коридоре подымался какой-либо шум. Обычно это бывало во время обеда. По коридору

была проложена дорожка, так что не было слышно шагов, но опять все находящиеся на этом коридоре, не сговариваясь, ходили не по дорожке. И по шагам, по громкому чиханию, по громко задаваемым вопросам, мы ловили знакомые голоса и узнавали, кто из товарищей находится на нашем коридоре. На прогулке мы гуляли под охраной двух солдат и жандарма от стенки к забору. Продолжалась она всего 15 минут, и недостаток в свежем воздухе ощущался остро. В таком однообразии прошло несколько дней.

Однажды открывается дверь камеры, и жандарм вызывает мою фамилию: «на свидание». Я поспешил последовать за ним. Ко мне пришла сестра и, между пустым разговором, который велся в присутствии жандарма, успела шепнуть мне, что ничего не нашли дома. Я не верил своим ушам, и бурная радость овладела мною. В тот же день мой сосед простучал, что освободили 10 человек и нас собираются перевести в арестный дом, в так называемую тогда в Варшаве «гостиницу Бристоля». Действительно, через несколько дней нас вызвали в контору, и все мы, радостные, возбужденные, жали друг другу руки и делились впечатлениями. Надели нам попарно на руки «железки», и сели мы в карету, окруженные многочисленной стражей. Покидая крепость, я чувствовал какое-то облегчение, ибо она помещалась в низине—покидая ее, я выходил как будто на гору вверх...

IV ГОСТИНИЦА БРИСТОЛЬ

После тщательной дезинфекции вещей и после бани очутились мы все в обширной камере «Бристоля». Широкие лестницы, чистота производили совсем не тюремное впечатление. И лишь новые жалюзи у окон, дающие возможность видеть только небо, напоминали про золотую клетку. Всего нас оказалось в камере 18 человек,—среди них брат К., взятый с библиотекой организации. Из женщин осталось только четыре, которые помещались ниже, на втором этаже. Остальных арестованных вечером 4-го марта освободили. Шумно проводили мы время в общей камере. Подробные рассказы о работе в организации, впечатления ареста, впечатления цитадели—все это заполняло время.

Рядом с нашей камерой помещалась группа учащихся, арестованных 9-го марта за принадлежность к «Союзу социалистической молодежи». Выше этажом помещались бундовцы. Всем почему-то казалось, что нас скоро освободят. «Посидите немного, скоро вас выпустят»,—говорили старики. Но оказались свободными скорее они, а нас, по предъявлении обвинения, перевели в варшавскую следственную тюрьму.

В «Бристоле» жилось нам довольно хорошо. Присылали нам много продуктов, обеды, так что от казенных харчей мы отказывались. Настроение было бодрое, твердое. С юношеским задором распевали мы на всю тюрьму «Красное Знамя»,—несмотря на

угрозы надзирателей. В общей камере время проходило быстро, незаметно. Беззаботное существование скоро, однако, прекратилось. 9-го апреля приехал к нам жандармский ротмистр Стоша-Жукевич и вызвал 6 человек на допрос. (Стоша потом и вел дело «Будущности»).

После подробнейших расспросов, после повторного отрицания в принадлежности—нам предъявили обвинение «в принадлежности к сообществу, стремящемуся к ниспровержению существующего государственного строя»,—10 апреля начали вызывать на допрос остальных товарищей. При допросах присутствовало еще новое лицо—тов. прокурора Попов, который самыми разнообразными вопросами старался сбить с толку молодежь. Его возмущало упорство в отрицании; он был недоволен тем, что все держали себя свободно и не чувствуют почти тюрьмы. 10-го же апреля нас, 6 человек, допрошенных накануне, отправили в следственную тюрьму и разлучили с остальными. Одновременно были допрошены и товарищи по делу союза соц. молодежи. Им было предъявлено обвинение: «ниспровержение строя общественного», по 1 ч. 126 ст. Уг. Ул. Несколько дней спустя я узнал, что все остальные товарищи по делу «Будущности», по делу союза соц. молодежи переведены также в следственную тюрьму.

В неблагоприятное время попали мы в тюрьму. Режим был установлен строгий. Политических было очень мало. Это был один из последних годов реакции, и, конечно, это отражалось и на тюрьме. Положение наше, 18 юношей, впервые попавших в обстановку строго тюремного режима, без встречи какого-либо сочувствия, без поддержки тюремного коллектива, без намека на политические традиции,—положение наше было довольно тяжелое. Из него мы вышли все-таки с честью.

На второй день нашего прибытия нас разместили с уголовными. Это подействовало на нас угнетающе. Мне лично попался довольно сносный субъект, который обвинялся в убийстве своей невесты. Но остальным товарищам попались довольно-таки неприятные типы, и это усугубляло тяжесть тюрьмы.

V ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Понемногу мы втянулись в тюремную жизнь. Первые дни я не мог уснуть от холода. Спать приходилось на полотнище («легимате») и укрываться легким одеялом. До сегодняшнего дня, я не могу забыть состояние человека, страшно желающего спать и которому мешает заснуть холод. Это своего рода пытка. Оказалось, что мне, как «новичку», не давали одеяла. Еще через несколько дней я получил тюфяк и смог, наконец, отсыпаться вволю. Пища была такая, что с непривычки мы не могли ее есть и буквально голодали. Да. Настроение наше немного упало... Но не надолго.

Тесная, мрачная одиночка, унылый темный коридор, уголовная брань и неизвестность, что ждет тебя,—это действовало на психику. Но, ведь, повторяю, мы были так молоды. Мы были полны жизни, мы еще дышали волей, ее интересами, вопросами, событиями. Мы никак не могли примириться с тем, что солнце вдруг прекратило светить для нас, что мы без свободы, без воли, что люди ввергли нас в грязную клетку, мрачную, душную и без просвета... И так, только на короткое время было уныние. Скоро оно прошло. Мы окрепли, мы возмужали потом в тюрьме. И тюрьма закалила нас, воспитала нас, и тюрьма подготовила для будущего стойких борцов за рабочее дело.

Три раза в неделю были «передачи» и свидания, и в эти дни мы жили особенно лихорадочной жизнью. Мы получали письма, иногда газеты. Уже через две недели пребывания в следственной тюрьме я постиг тайну пересылки и получения корреспонденции с воли. Смазывая салом тонкую бумагу, можно было после просушки писать на небольшой бумажке очень много. Затем бумажку я мяд, складывал в маленький, продолговатый пакетик и зашивал в сорочку или мешок, которые и передавал на волю. Этот способ пересылки я затем с успехом практиковал в течение двух лет и ни разу почти не провалился. Получаемый с воли хлеб обыкновенно разрезывался при осмотре. Тогда некоторые товарищи с воли пустились на следующую хитрость: они предварительно разрезывали хлеб на несколько частей, будто для нашего удобства, так как ножей в тюрьме нет (редко, впрочем, у кого в камере не было нелегального ножа). Затем, из крайней части хлеба вынимался мякиш, и клали туда записки, деньги. Потом все это опять заклеивалось мякишем и передавалось нам. Этот способ был более рискованным, но все-таки в течение двух лет я регулярно получал почту. Присылали нам и партийную литературу, воззвания. За редким исключением провалов почти не было. Провал произошел однажды по нашей вине, не при получении почты. Накануне 1-го мая, по просьбе товарищей с воли, мы послали проекты майского воззвания. Через несколько дней мы получили с воли экземпляр отпечатанного листка «Будущности» на 1-е мая и после прочтения отправили в другие отделения. Листок с подробным письмом был положен в книгу, которая поступала в библиотеку и из которой послания наши уже доходили по назначению. По странной случайности книга попалась надзирателю, который отличался строгостью, и в результате воззвание попало к начальнику. Поднялся переполох, начались обыски по камерам, были прекращены на время передачи и свидания. Настроение было у нас тогда ужасное. Мы давали в руки следствия ясные улики и подвергали риску близких, оставшихся на воле. Со дня на-день мы ждали результатов провала, но дни проходили, и мы терялись в догадках, почему никто не приезжает. Так ничего и не случилось. Очевидно, началь-

ник испугался ответственности за порядки в тюрьме, когда воззвания путешествуют по коридорам, и уничтожил все попавшее к нему в руки.

Примечание:

2) «Будущность» возникла в 1909—10 годах в Польше. Это старейший союз молодежи в Польше и России. Со времени своего возникновения союз этот прошел разные стадии развития. Одно время он примыкал к левому крылу польского социалистического движения, объединяя в своих рядах польскую и еврейскую молодежь. К этому-то периоду и относятся печатаемые воспоминания. В это время «Будущность» была активной революционной организацией, но после того, как Польша была военными событиями отторгнута от России, «Будущность» примкнула к националистическому «Бунду».

После войны «Будущность» начинает леветь. Внутри организации создается крепкое революционное крыло, которое, после отклонения «Будущностью» условий принятия в КИМ, откололось и вошло в польский комсомол. Сейчас «Будущность», после этого выхода, влечет жалкое существование.

Из минувших дней

Это было в 1910 году. Я тогда был еще юношей, учился наборному делу в одной из крупных типографий Ленинграда. В типографии была автономная комиссия, рабочим жилось легче, нежели в других типографиях. В ней происходили частенько забастовки, устраивались летучие собрания и т. п. Расставят, бывало, мальчишек, которые побойчее да постарше, а их было тогда около 40 чел., на караул до самой полицейской части, а в типографии в это время идет общее собрание рабочих. Мы, преисполненные сознания своего долга, зорко следили, чтобы не проехали конные городовые или не показалась на нашей территории серая шинель околоточного или пристава. Чуть что завидим подозрительное, сейчас сигнализируем друг другу условными знаками, и караульные у типографии уже сообщают собранию. Оттуда высылают кого-либо из членов автономной комиссии, и если тот видит, что действительно собранию грозит опасность, немедленно прекращает собрание, и рабочие расходятся по местам.

Однажды, во время одного из таких собраний, в конторе совершенно случайно задержался околоточный и, узнав о собрании, прошел коридором в типографию и начал подниматься на подъемной машине на четвертый этаж, где происходило собрание. Я стоял караульным в первом этаже, почему и не видел, как прошел с заднего хода околоточный, в виду чего и не мог, понятно, предупредить и своего приятеля Егорку, стоявшего на четвертом этаже. Тот, завидя на подьемке физиономию околоточного, бросился бежать в наборную с криком «околоточный!», — а сам спрятался под реал. Собрание сразу же начало расходиться. Околоточный разыскал Егорку, вытащил его за уши из-за реала и надрал ему уши. В заключение еще попало бедняге и от заведующего типографией, с предупреждением, что если еще будет замечен стоящим на карауле, то его выгонят вон. Но тот не унывал и ходил ко-

зырем, гордясь перед сверстниками своим подвигом. В таких условиях воспитывались и росли ученики этой типографии.

Снабжали нас рабочие типографии нелегальной литературой, читали мы ее дома и в кругу своей семьи и рабочих-жильцов квартиры с большим интересом. В особенности нравились брошюры с описанием террористических актов.

Когда я окончил учение в типографии, меня потянуло на вечерние курсы. Но поступить на бесплатные некуда было, а за плату было не по карману. Но тут, на счастье, открылось Нарвское общество «Образование». Преследовала школа официально общеобразовательную цель. Открылись вечерние классы с программой на сельского учителя. Я сразу же поступил на них. Познакомился с молодежью, у которой тоже было стремление к образованию. С течением времени составил тесный кружок рабочей молодежи. Мы устраивали экскурсии, вечеринки, читали нелегальные брошюры.

В Обществе начались лекции. Из всех лекций понравилась нам одна — лекция студента т. «Александра» о русской истории, — читал он просто, ясно, захватывающе. Говорил о крепостном праве, о том бесправии, которое чинили цари и их опричники над рабочими и крестьянами, о суеверии народа, о «святых», о мучениках, убивавших царей, о придворных интригах и т. п. Лекции читались под фирмой одного «утвержденного» преподавателя русской истории, который сидел тут же и слушал сам тов. «Александра».

Двери аудитории были на крюку. Свои стучали условными знаками. Если стук был незнакомый, то тов. «Александр» «смывался» в соседнюю комнату, а лекцию продолжал читать «утвержденный» педагог. И появление однажды околоточного ничуть не смутило ни нас, ни педагога, который водил по карте пальцем, а мы записывали в тетрадь о подвигах и битвах русских царей и т. п. Просмотрело начальство наши тетради, послушало педагога и «ушло». А мы дальше с такою же жадностью ловили каждое слово тов. «Александра». Позже наш лектор был арестован.

В наш кружок молодежи, в Общество, скоро вошел старый подпольный партийный работник, рабочий фабрики «Треугольник» — т. Прокофьев. И для нас открылась новая деятельность, новая цель жизни.

Тов. Прокофьев работал в рядах партии с.-д. и сразу же начал обработку нас. Устраивал на квартирах собеседования, разбирал программу партии и т. д.

Закипела работа.

Кроме самообработки, начали устраивать массовки путилевских рабочих через путилевца, члена кружка, тов. Ареньева. Собирались мы в лесу, на лодках выезжали на взморье, всячески стараясь обмануть бдительность «шпики» и «фаронов». Многие из

кружка работали в своих профсоюзах, как легальных, так и нелегальных.

Не обошлось дело и без провокаторов,—обычное в то время явление,—и начались аресты членов кружков.

В 1911 году общество «Образование» переехало на Рижский проспект, в дом № 60, в более обширное помещение. Кружок наш пополнялся новыми лицами и превратился в организацию Р.С.-Д.Р.П.

Через некоторое время (в 1911 г., в декабре) был арестован А. М. Рымкевич за участие в организации и работе подпольного петербургского профессионального союза печатников вместе с другими печатниками: секретарем союза А. Тэнсом, председателем союза А. Мининым и др. печатниками. Все трое были высланы с 54 «пунктами» и вместо Нарвы, куда дали подписку о выезде, переехали в Шувалово (Финл. ж. д.)¹⁾. Переехали к местному уряднику, но такое соседство вскоре показалось неудобным, и мы решили раз'ехаться по разным квартирам и продолжать партработу дальше. В это время наш с.-д. кружок наладил связь с заводами резиновой мануфактуры «Треугольник», Путиловским, пивоваренным Калинкина, Кока Бирман и другими. На них были люди, которые распространяли прокламации и брошюры.

Мы начали готовиться к перевыборам в четвертую государственную думу. Приступили к образованию своей подпольной типографии. Достали шрифт, бумагу, валики, краску и пр.

Собрания наши происходили по чайным, квартирам и т. п.

В ночь с 13 на 14 сентября 1912 г. собрались мы в чайной «Китай» (на Садовой ул.) поговорить о предстоящей работе. Вышли из чайной после закрытия ее, около часа ночи (автора этих строк среди вышедших не было), пошли компанией домой. Подходят к дому одного из товарищей (тов. Соловьева), смотрят, а у ворот стоит городовой. Чуют товарищи, что здесь что-то неладное,—пошли дальше, по направлению к квартире другого товарища, а там тоже городовой. У кого не хранилось ничего особенного дома, те распрощались и пошли домой, ибо все из нас обыска и ареста ждали. Остались т. т. Реймер и Соловьев. У последнего хранился шрифт. Решили ночь проболтаться на улицах, утром встретить, когда все пойдут на работу, сестру Соловьева, чтобы узнать, как дела.

Встретили. Оказывается, шрифт успели спрятать, и его не нашли. Дома была полицейская засада. Но матери сказали, что если сын не явится, то пойдут и арестуют ее. Думал-думал парень, жаль стало старуху, да и скучно, весь кружок оказался в одну ночь арестованным. Взял и пошел домой. Понятно, сразу же его сцапали.

¹⁾ Те местности, в которых запрещалось жить находящимся под надзором полиции революционерам.

Реймер же поехал на родину в Везенберг призываться на военную службу. Его там в воинском присутствии вызвали и в заключение арестовали и препроводили в Петербург.

Всего было арестовано по нашему кружку около 17 человек.

Я в этот день ареста товарищей задержался в союзе печатников, на поезд в Шувалово опоздал и решил заночевать на старом пепелище—у матушки. Ночевал я дома частенько, и каждый раз думал в душе: «Ну, сегодня последний раз, а то, неровен час, нагрянет фараонщина¹⁾ тогда и отцу достанется за укрывательство» (у моего отца была семья в шесть человек). Пришел я к отцу поздно, около двух часов ночи. Дверь открыла мне матушка. Потихоньку разделся и лег в комнате у дверей на полу. Сразу заснул... Вдруг слышу, кто-то толкает ногой в спину, открываю глаза, смотрю, стоит надо мной мать и грозит кулаком, отец зажигает лампу.

В коридоре слышу знакомый голос пристава: «Давай сюда скорее лампу». Отец вышел в коридор с лампой. Мать, таинственно нагнувшись, шептала мне: «полиция». Я сразу все сообразил. Об аресте товарищей я, понятно, ничего не знал. Не успел я очухаться, как мать начала закидывать меня грязным бельем. Я свернулся под ним калачиком и подчинился судьбе. Нужно сказать, что белье находилось тут же в комнате, где я спал, приготовленное для стирки. Лежу и дышать боюсь, думаю, заметят по колебанию белья,—беда тогда, о себе не хлопочу, приготовился к аресту уже давно, да и не впервые, а вот семью у отца загубят.

В душе ругаю себя, зачем пошел ночевать домой, лучше бы на улице проболтался.

Пристав, предварительно избив старшего дворника нашего дома за то, что тот заговорил на лестнице с городовым, чем выявил присутствие полиции, вошел с целой ватагой в комнату и приступил к обыску. Пристав с помощником и околоточным производили обыск, один городской помогал, два стояли у дверей и два понятых также стояли и были немymi свидетелями всей сцены.

Обыск продолжался около 4 часов, ничего предосудительного, кроме частных писем, найдено не было. Литература была спрятана в дымоходе, а адреса были заткнуты за косяк дверей, будучи написанными на миниатюрной бумажке.

Во время обыска пристав требовал у отца указать, где спрятан у него сын, где находится литература, переписка и т. п. Отец, не зная о моем приходе, был уверен, что меня в квартире нет, а посему клялся всеми святыми, что я здесь никогда не ночую, и за то, что меня в квартире нет, он ручается. Осмотрели соседние комнаты, где жили жильцы, подняли их с кровати, сличили по карточке—«нет, не он, эти слишком бородатые, лет под 40—45, а тот юноша». Искали меня в шкафу, уборной, под кроватями—

¹⁾ «Фараон»—презрительная кличка городского.

нигде нет. А шпик в это время сидел в дворницкой и, узнав о результатах обыска, настаивал, чтобы обыскали тщательнее, ибо он проследил меня до самой парадной и слышал, как мне открыли дверь квартиры в четвертом этаже.

Тогда пошли искать меня по всем квартирам этой лестницы, сходили на чердак,—нет нигде меня.

Так и ушли ни с чем.

Сразу же после ухода полиции я вылез из-под белья. Отец испугался, увидев меня всклокоченного, в одном белье, вылезающего из-под кучи грязного белья. Начал креститься и благодарить какого-то святого за избавление.

Г. Дрызгов

В годы войны

До войны хозяева кустарных предприятий были главными потребителями детского труда, но во время войны подростки и несовершеннолетние (не достигшие 16-летнего возраста и не имеющие права работать в заводах по фабрично-заводским законам) всеми способами и уловками начинают пробивать себе дорогу на фабрики и заводы.

Обход царских законов был связан с тем, что нужно было от них откупиться.

Как раньше покупались титулы и звание среди аристократов, так можно было купить себе несколько лишних годков, чтобы стать полноправным и поступить на завод или на фабрику.

Любой пристав в городе или урядник в деревне, а то и просто поп, с удовольствием за три рубля увеличивал годы рождения.

Пишущему эти строки пришлось купить целых три года, и это удовольствие стоило три целковых.

Неокрепшие физически подростки—дети рабочих—потянулись вереницею на огромные фабрики и заводы.

Когда подросток впервые приходил на завод, его шустрые глазенки широко открывались от грозного вида чудовищ-машин, от их движения, громкого лязга и шума усиленно билось сердце, а пытливый ум заставлял думать о том, что ему нужно все узнать, а для этого нужно учиться.

Плавка металла на заводе Новый Парвьяйнен всегда сопровождалась огромным стечением подростков, наблюдавших с широко открытыми глазенками весь процесс отливки металла.

Десятичасовой рабочий день не давал возможности рабочей молодежи посещать вечерние курсы, да и то многие, более сильные и физически неизношенные подростки посещали их, несмотря на усталость от рабочего нудного дня.

Подростки, поступая в завод, стремились получить профессиональное образование, стать мастеровым человеком, но не это их ожидало в стенах завода.

Для капиталистов, конечно, выгодно было иметь квалифицированного рабочего, но это нужно было сделать так, чтобы не пострадала и его прибыль на затраченный капитал.

Вновь принятый подросток поступал под опеку взрослого рабочего, называвшегося старшим.

На всех механических заводах к концу 1915 года все рабочие работали сдельно.

Для обучения неквалифицированных рабочих, как-то: подростков, крестьян, приехавших в город за заработком из деревни, а также прятавшихся от войны торгашей, были введены «настройщики» — старшие.

Из вновь поступающих рабочих, необученных для работы на станках, организовывались группы, коими и ведал этот настройщик.

Эти группы назывались «партиями», и работали со штуки в один карман.

Старший показывал, с чего начать, как изделие поставить на станок или в тиски, как заточить резец, держать пилу и как скорее отделать изделие. Он вел учет обработанным изделиям, ведал всем инструментом, вел переговоры с мастером о цене на изделия, а от него зависел также заработок члена группы.

Заказы на однородные изделия были огромные, и их обработка тянулась с 1914 по 1917 год, а поэтому и члены «партии», т. е. ученики, целыми годами работали на одной и той же операции.

Первый месяц приучаются, а потом будут хорошие «сади-лы», как в шутку называли рабочие всех, кто работал в партии. Заработок сдельщиков в 1915 году, хотя они и работали на шутку, не мог превышать тройного подневного их оклада.

Распределялся он следующим порядком:

Высококвалифицированный рабочий получал в среднем 3 руб. в день.

Подручный — 1 руб. 75 коп. в день.

Ученик первые три месяца — 30 коп., и доходил до 1 руб. в среднем.

Акционеры придумали очень сложную механику расчета с рабочими.

Можно было заработать, сколько хочешь, но чтобы заработок не превышал тройного подневного. Ученик за 15 часов мог заработать 4 руб. 50 коп., и так все рабочие.

Ученики были самой доходной статьей в партии, они больше всех работали и меньше всех получали.

Ученикам, работавшим в партиях, было очень тяжело. Во-первых, старший, заинтересованный в увеличении заработка партии, нажимал на них, во-вторых, подручные, работавшие на плохо оплачиваемых ремонтных работах, также нажимали на учеников.

При расчете получалась следующая картина.

Допустим, что наша партия состоит из 14 учеников, 5 подручных и 1 старшего. Все они ни одного дня не прогуляли и за весь месяц выгнали по 200 рабочих часов — всего 4.000 часов, и заработали в тройном размере, т. е. вся партия сдала работы на 1.545 рублей.

При расчете члены группы партии получают:

14 учеников 840 рублей, каждый ученик в день по 3 рубля, а за 20 дней получит 60 рублей.

5 подручных получают 525 рублей, каждый из них 5 р. 25 к. в день, а за 20 дней получит по 115 руб. каждый.

Старший получает по 9 рублей в день, а за 20 дней 180 руб.

Обойденными остаются ученики. Но это еще не главная причина. Находясь под вечным контролем старшего и работая вечно на одной и той же операции, ученик не мог ничему научиться. Если он обдирал снарядные головки или фрезеровал доньшки снарядов, то он больше ничего и не узнал.

От однородности работы и движений, из ученика через три года работы получался профессиональный калека (круглила, грызун, как их в шутку называли рабочие), а от напряженности работы он физически изнемогал.

Ясно, что проработав 10 часов, напрягая усиленно свои неокрепшие силы, ученик не мог и думать поступить учиться на вечерние курсы.

Очень немногим ученикам, работавшим во времена милитаризации фабрик и заводов, удалось получить квалификацию. Очень оригинален был их способ обучения.

Благодаря сознательности некоторых старших и рабочих, ученик попадал в более благоприятные условия, когда его меньше эксплуатировали, и ему была предоставлена возможность поучиться работать.

Обыкновенно это происходило следующим порядком.

Ученику старший давал работу на урок. Когда он это выполнял, ему старший давал другую работу на одном из станков, работающих по ремонту; если ученик имел хорошего «дяденьку», соседнего рабочего, то тот и давал возможность ученику поработать или понаблюдать, как он, рабочий, обрабатывает то или иное изделие.

В годы войны, т. е. в 1914—1917 гг., ученики могли обучаться лишь случайно, наблюдая, как другие, более опытные рабочие производят свою работу, и путем расспроса получали теоретические познания по избранной ими профессии.

Но, присмотревшись урывками, поработав на других работах, ученик понемногу начинал чувствовать, что еще десятки лет пройдет, а он все же не будет квалифицированным рабочим.

Невольно в голове каждого шевелилась мысль, ну, а вот кончатся снаряды, кончатся валовые, простые, грубые работы, и они,

как неопытные, необученные, будут ненужны в новом, более сложном, механическом производстве.

Всеми мерами ученики старались выбраться на самостоятельную работу, и этот путь порою лежал через тысячи гнусных проделок.

Лесть, ложь, прислуживание, заискивание перед старшими, а порой даже незаконные проделки совершали ученики, лишь бы попасть в милость к старшему и мастеру.

Старшему получали деньги, ему ходили за папиросами, доставали водку, приглашали в гости и там спаивали, лишь бы он обратил внимание на просьбы ученика и давал бы ему возможность поработать на ремонтной работе, перевел бы с операции на более сложную самостоятельную работу.

Даже меньшим были удовлетворены подростки. Уже хорош был тот старший, который позволял почаще отлучаться от станка и этим давал возможность у другого рабочего наблюдать и порабатывать его работу.

Ученики не щадили себя...

Оставаясь работать сверхурочно, они с наслаждением ожидали момента, когда уйдет старший, наскоро, кое-как выполняли свою урочную работу, а потом на станке другого рабочего, усталые, пробовали свои силы в профессиональном знании.

Помогая рабочему в работе, ученики с большим интересом слушали объяснения опытных рабочих, как нужно учиться, сами набивались на трудные условия, лишь бы как-нибудь скорей выбиться из-под опеки старшего и избежать этой операционной обработки изделий.

Нужно отметить, что у более способных учеников эти сверхурочные лекции и пробы сил не проходили даром, и, пользуясь примитивным способом обучения, они через некоторое время уже кое-что соображали и могли самостоятельно вести примитивную работу.

Очень редко кому из учеников удавалось, немного приучившись изложенным нами выше путем, перейти на этом же заводе на самостоятельную работу, на которой он, действительно, мог бы практически поучиться. Старшие, а с ними и мастера, также заинтересованные в усилении производительности, даже и способным ученикам не давали ходу.

Ученики-подростки, в которых еще не выдохся бунтарский дух противоречия, которые еще очень мало разложились духовно от полицейской опеки старших, наматывали себе на ус все эти ненормальности.

Часто в то время от большинства учеников этого толка можно было услышать: «Если не переведут на другую работу, нужно рискнуть убежать на другой завод и там попробовать сдать пробу».

Отмечаем, что и эти решительные мысли были навеяны старыми рабочими, которые охотно приучали к себе способных шустрых мальчишек, помогавших им в их работе.

Бывало, старики, сознательные рабочие, в минуты добродушия говорят: «Ну что, кацап (ласкательное слово для подростка), тебя еще не переводят на самостоятельную работу? Старшему невыгодно тебя отпускать, ведь, ты очень старательный. Знаешь, беги-ка на другой завод, рискни сдать пробу, а если выгорит, будешь через шесть месяцев толковый работник».

Пишущий эти строки в качестве ученика проработал на одном заводе 2½ года, а потом сбежал, по совету стариков, на авось держать пробу на другом заводе.

Ну, и думает ученик о своей, поистине, горькой судьбине. Ведь, если он не сдаст пробы, все равно ему нужно снова работать в качестве ученика, хотя разница будет заключаться лишь в том, что он будет работать на новом заводе.

Многих этот риск останавливал от решительного шага, и ученики из года в год все больше и больше подрывали свои силы, а от однородности работы притуплялся их мозг, и они медленно згорали в котле капиталистической эксплуатации...

Так как труд учеников, занятых в производстве, не требовал большой квалификации, и капиталист всегда мог найти на рынке свободные рабочие руки, то с этими учениками нисколько и не считалась администрация.

Это положение ставило учеников в гнуснейшие отношения с заводоладельцами.

Не понравившийся мастеру ученик выставлялся с завода, а старший—это был китайский богдыхан в партии.

Он подводил учеников под штрафы, по его же милости прибавляли ученикам поденное жалование, а нерадивых или шумливых учеников выставляли с завода.

Характерно отметить, что когда стали подниматься цены на продукты первой необходимости, учитывая материальную заинтересованность квалифицированных рабочих, администрация завода по их требованию стала прибавлять поденную плату взрослым рабочим.

Тут ученики оказались обойденными, им на большинстве заводов не прибавили на дороговизну ни копейки.

Зарегистрирован ряд случаев, когда оказалось, что поденный оклад учеников остался таким же, каким был в довоенное время.

Эта бесправность рабочей молодежи в 1914—1915 г.г. вызвала ряд забастовок среди подростков.

Тов. Федоров в сборнике «Ленинское поколение» подробно описывает забастовку мальчиков на заводе «Старый Лесснер», где ученикам-подросткам прибавили на дороговизну не по три копейки в час, как взрослым рабочим, а лишь по копейке.

Аналогичный случай имел место тогда же на Александровском заводе, где ученики после трехдневной забастовки, ничего не выиграли.

Вечно вращаясь среди взрослых рабочих, ученики-подростки заражались их привычками как отрицательного, так и положительного свойства.

В рабочих районах, в часы отдыха, можно было наблюдать, как среди рабочей молодежи процветали выпивки и азартные игры в карты—в «очко», в «пристенку», или в «орлянку».

Чем могли заняться эти молодые существа, когда их рабочий день длился десять часов, а шум машин и лязг железа в душных мастерских притуплял их неокрепшие мозг и слух.

Понятно, что в праздничные дни рабочая молодежь за всю неделю отдыхала или в чайных, по примеру взрослых рабочих, или в дешевеньком балагане, где-нибудь на галерке, весело хохоча над сальными фортелями халтурников-актеров.

Разве могла рабочая молодежь слушать серьезные драматические произведения, когда она была полуграмотна?

Даже художественная музыка наводила ее на зевоту: слух их был притуплен рокотом и лязгом машин, и тонкие аккорды музыки не воспринимались их мозгом.

Учиться не было времени, а понимать и разбираться в серьезных вещах не хватало подготовки, поэтому исключительно классовым инстинктом рабочая молодежь прислушивалась к голосу взрослых рабочих и в моменты революционных волнений по-своему реагировала на события.

Рабочая молодежь, эти «сорванцы», как окрестили ее рабочие, играла крупную роль во всех стачках и столкновениях.

Стоило только предупредить эту молодую гвардию рабочих, что нужно забастовать, как свист и крики: «кончай работу»—слышались со всех концов завода.

Остановить мотор, obeжать все мастерские и предупредить рабочих о стачке—это было делом рабочей молодежи, и никто так быстро и ловко с этим не справлялся, как «эти сорванцы».

Если нужно было выгнать из какой-нибудь мастерской неповоротливых стариков-рабочих, то уж лучше уходи, если слышишь, как кричат подростки.

В случаях, если нужно было убедить кого в правоте действий молодежи по делу забастовки, то в ход пускались болты и гайки, которые для острастки бросались в окна или стены мастерской, где рабочие еще не примкнули к бастующим.

Более уравновешенные и толковые подростки-рабочие были желанными членами революционных кружков, но прежде, чем попасть ученику в этот кружок, его из-за конспирации долго учили держать язык за зубами.

В Российской Коммунистической Партии много сейчас членов из рядов этой рабочей молодежи, которые когда-то втягивались в эти революционные подпольные кружки.

Почти весь первый и второй ПК Соц. Союза рабочей молодежи в 1917 году состоял из этой молодежи, ранее познакомившейся с этими революционными кружками.

Ныне умерший вожь питерской рабочей молодежи, Вася Алексеев¹⁾ в 1914—1915 годах уже руководил этими кружками.

В дни стачек и забастовок рабочая молодежь была душой всех уличных демонстраций и «беспорядков», как выражалась буржуазия.

«Ох, эти «посадские»,—так рабочую молодежь окрестили полицейские,—«ничего с ними не поделаешь, лучше пусть покричат и успокоятся, а то живо болтом или камнем огреют»,—говорили городские, охранявшие ворота у заводов.

«Пешки нас не тронут, а если тронут, мы их поодиночке поколотим»,—так выражалась рабочая молодежь по адресу стоявшей у ворот полиции.

«Пешками» называли пеших постовых городских.

Если на заводе происходили собрания, то подростки верно стояли на часах и зорко «стрёмил» (караулили), когда появятся конные «фараоны», чтобы предупредить во-время митингующих.

В 1916 году, в июне месяце, когда по Ленинграду прокатилась целая полоса забастовок, полиция и царское правительство вместе с главой жандармов правильно подметили, что заводы нужно разгрузить от молодежи, ибо «эти посадские мутят рабочих к забастовке» (так писал Витте своим верным приспешникам).

В июле месяце в Ленинграде был произведен допризывный набор в армию, куда с фабрик и заводов тысячами были забриты в солдаты здоровые духом и полные энтузиазма, 18 и 19-летние подростки-рабочие.

Эти тысячи мобилизованной рабочей молодежи были брошены на фронт империалистической бойни, и многие из них погибли, ибо царским опричникам не жалко было этого «навоза».

Свои счета с царскими опричниками рабочая молодежь начала сводить в дни февральской революции, а в октябре 1917 г. она приступила к подытоживанию своих счетов с буржуазией.

Так жила, училась и закалялась для революционной борьбы рабочая молодежь в годы империалистической бойни.

¹⁾ Биография В. Алексеева помещена в конце книги.

Записка охранного отделения

от июля 1914 г.¹⁾

Воинственное настроение отмечается лишь у зеленой молодежи, которая высказывается, что хорошо было бы завтра учинить демонстрацию, чтобы Президент Французской Республики видел, какие свободы введены в России и как правительство расправляется с рабочими.

Полковник Попов. № 14.307

В это время при возвращении трамвайных вагонов в Московский парк на Забалканском проспекте у Клинского переулка, у 5-й роты и Царскосельского вокзала подростки 14—15 лет, хулиганского типа, бросали камнями в стекла вагонов, а также в стекла уличных фонарей, которых разбито 25 штук, при чем задержано 8 подростков.

Полковник Попов. № 14.341 (1914 г.)

¹⁾ Приводим выдержки из сводок охранного отделения во время польских стачек в Ленинграде в 1914 г., накануне империалистической войны.

Забастовка мальчиков

Это было в 1915 году, когда одна часть киевских рабочих была еще охвачена патриотическими чувствами, еще кричала «ура» падению Перемышля, а другая боязливо посматривала да молчала, боясь лишиться отсрочки от военной службы.

На фабрике 1-й Харьковской артели, с переходом к работе на оборону, становилось все хуже да хуже. С 8-часового рабочего дня перешли на 10 и 11-часовой. Заработная плата, несмотря на рост цен на продукты первой необходимости, оставалась неизменной. Рабочие, связанные отсрочкой, бессильные изменить чем-нибудь свое положение, все свое недовольство изливали на подростков, положение которых, и без того трудное, стало невыносимым.

Каждый подросток чувствовал, что так дальше не может продолжаться, что нужно как-нибудь изменить положение, что старшие рабочие глубоко неправы, заявляя: «нам, мол, когда мы были мальчиками, еще хуже было: над нами еще хуже издевались, нас еще хуже били. Такое было положение фабричного ученика-мальчика всегда, таким оно и будет».

«Нет, не будет», отвечали мы. «Мы сумеем добиться того, чтобы с нами обращались, как с людьми».

Несколько подростков были уже членами подпольных кружков Р.С.-Д.Р.П. Они организовали вокруг себя всех подростков. Особенно выделился Миша Ратманский—организатор Киевского союза молодежи, убитый в 1919 году на бандитском фронте, под Трипольем (чуткая натура которого больше остальных возмущалась гнетом мальчика-ученика). Под его руководством было устроено несколько собраний учеников (всего нас на фабрике было 35 человек), на которых мы выработали следующие требования к дирекции фабрики:

1. Требуем лучшего обращения (запрещение побоев, ругательств и т. д.).

2. Ученики должны быть на побегушках только по делам фабрики, но не личным делам мастров.

3. Уменьшить срок ученичества на 1 год, т. е. с 4 лет на 3 года.

4. Увеличить заработную плату на 200%.

5. В случае неудовлетворения—объявляем забастовку.

Старшие рабочие, кроме двух чеканщиков, Кутузова и Семенова, которые к нам относились, как к товарищам, еще не знали о нашем решении. Они видели, что ученики как-то изменились, о чем-то шепчутся, не ругаются, помогают друг другу, но объяснить себе эту перемену они не могли.

К директору решили пойти все вместе. Говорить будет выбранная делегация (Ратманский, Федя Мальцев и я), остальные же должны были нас поддержать.

После шаша собрались у конторы. Рабочие, не зная, в чем дело, остались смотреть. Директор фабрики, Бялер, длинного роста, с большими усами, страшилище всех нас, увидев сборище, выбежал из конторы.

Мы испугались. Некоторые стали пятиться назад. Вперед выступили Миша, Федя и я. «Вам что нужно?»—гаркнул он. Тогда Миша начал: «Мы хотим с вами поговорить о нашем положении».—«Что? Вы хотите со мной говорить?». Он посмотрел на нас, как-будто не веря своим глазам, потом глаза у него выкатились, весь стал красный, как рак.

«Вон, сморкачи, вон! Матерей пришлите! вон! вон! вон!...»

Мы бросились бежать. Он вслед за нами. Мы, подняв свист и шум, спустились вниз по лестнице (фабрика находилась на втором этаже) и выбежали на улицу.

Собравшись, решили еще раз послать делегацию и, если директор не хочет говорить, положить ему требование и уйти, а на следующий день не выходить на работу.

Сердце наше готово было выпрыгнуть наружу, когда мы вошли в контору. Директор сидел к нам спиной и не слышал, когда мы вошли. Овернувшись и увидев нас, процедил сквозь зубы: «Вам что нужно?» Миша протянул ему требование. Он прочел несколько строк и набросился на нас. Мы стали пятиться к выходу. «Что? Требование? Забастовка? Буянить? Вон, мерзавцы! Вон!...».

Нас все подростки ждали у входа. «Ну, что?»,—набросились они.

«Не хочет с нами говорить»,—отвечали.

«Ладно, мы его заставим говорить»,—послышались голоса.

Утром никто на работу не вышел, собрались мы у фабрики и решили устроить совещание с тов. Кутузовым, на котором порешили, чтоб тов. Кутузов еще поговорил с директором. Переговоры тов. Кутузова ни к чему не привели, так что нам осталось одно—бастовать.

Время было летнее; дни были прекрасные. Собирались мы ежедневно на Кукушкиной даче и гурьбой отправлялись на прогулки. Руководил нашими прогулками молодой студент Маркуша (тов. Маркуша был руководителем нашего подпольного кружка Р.С.-Д.Р.П.).

Вести о забастовке долетели до других фабрик и заводов. К нам прислали делегации, нам слали помощь.

Первая делегация, во главе с тов. Мальчиковым, была от фабрики Маршака, которая выразила нам свою солидарность и собрала 18 рублей для нас у себя на фабрике. Было еще собрано 8 рублей на фабрике Бриль и Гершмана и т. д.

С тов. Кутузовым виделись ежедневно. Он нам рассказывал, что фабрика почти что не работает, что рабочим совестно перед нами, что они несколько раз готовы были бросить работу, но директор им угрожал представлением списков бастующих воинскому начальнику. Это их удерживало. Директор и мастера ходили с опущенными головами. Они не ждали от нас такой организованности. Сочувственное отношение рабочих фабрики и переполох хозяев вселили в нас веру, что мы добьемся своего.

Первая неделя прошла очень организованно. Ни одного случая малодушия, ни одного слова, что нужно идти на уступки. Вторая неделя была кошмарная. Началось с того, что родители некоторых из подростков избили их за отказ идти работать, других насильно приводили к директору фабрики и умоляли, чтоб он их принял обратно; он соглашался. Поработав несколько часов, мальчик убегал обратно к нам и, горько плача, рассказывал обо всем...

Пришлось идти на уступки, потому что каждый день забастовки обходился нам слишком большой ценой. Некоторые совершенно измучились, да к тому же забастовка длилась 14-й день. Дирекции тоже, видно, нужно было кончать. Тов. Кутузову удалось притти к следующему соглашению: дирекция обязуется принять всех без исключения, уплатить за время забастовки и увеличить заработную плату каждому в отдельности.

Все, кроме Миши Ратманского и меня, стали на работу. Мы ушли на другую фабрику, зная, что нас все равно выбросят через месяц, да к тому нам было совестно за то, что мы не добились всего, чего требовали.

Отношение старших рабочих фабрики к подросткам изменилось. Они почувствовали в них силу, считались с ней, и вместо прежнего деспотического «так было и так будет» появилось внимательное отношение к жизни подростка.

Нас же забастовка всех переродила. Мы стали верить в наши силы, несмотря на то, что не все выиграли. Она нас закалила в борьбе. Она нас объединила с подростками других фабрик.

Забастовка мальчиков на „Старом Лесснере“

Объявление войны в 1914 году было встречено на рабочих окраинах Питера забастовками, местами сопровождавшимися стычками с полицией, опрокидыванием трамваев. Особенно энергично прошли против-военные забастовки в Выборгском районе. Кое-где там даже выросли баррикады.

В противовес против-военным забастовкам в центре города происходили многочисленные демонстрации с портретами царя. С пением национального гимна черносотенцы-гимназисты, дворники кричали до хрипоты, вопили о немецком засильи (что не помешало им устраиваться в теплых тыловых местечках). Демонстрации сопровождались избиением всех, кто не снимал шапок, и закончились разгромом немецкого посольства на Морской.

Рабочие, проявлявшие свое недовольство, отсылались на фронт.

Когда началось пробуждение от патриотического угара и когда царское правительство захотело заручиться поддержкой рабочих и поставило на всех фабриках и заводах вопрос о выборах представителей в Военно-Промышленный Комитет, это вызвало только против-военную кампанию, хорошо использованную большевиками, и большинство уполномоченных принесло с собой в городскую думу большевистский наказ.

Бройдо и Гвоздеву пришлось в Военно-Промышленном Комитете выполнять роль подставных представителей от рабочих. Жалованье рабочим все уменьшалось. Рост заработной платы совсем не поспевал за ростом дороговизны. Ставки для мальчиков колебались от двадцати до сорока копеек в день. На заводе «Старый Лесснер» рабочим стали выплачивать особую надбавку на дороговизну: «взрослым по три копейки, а мальчикам только по одной копейке в час».

На других же заводах и взрослые, и ученики надбавку получили одинаковую. Это возмутительное обстоятельство и повлекло за собой тот случай, который я хочу описать.

В обеденный перерыв, за пять минут до начала работы, когда пустили уже динамо, зашевелились приводные ремни, мягко за-

рокотали им в ответ шестерни, а некоторые рабочие принялись уже за инструменты,—в мастерскую вошли несколько учеников из другого цеха, стали о чем-то переговариваться с нами (слесарно-механическая мастерская), а затем мы вместе исчезли.

Через некоторое время в нашем клубе (попросту в уборной) битком набились ученики всех цехов. У дверей—«стрёма»—стража. Собрание длилось недолго. Делается сообщение о том, что учеников обходят, несколько слов о тяжелом положении.

— Что же делать, товарищи? Если смолчим—нам еще убавят жалованья.

Нестройный хор голосов предложил послать делегацию к «пузатому чорту» (директору).

Быстро выбрали трех человек и остались ждать.

Через пять минут возвращаются парламентарии и сообщают, что их не приняли, а велели приходить всем.

— Все идем!

Веселым, шумным потоком направились мы к управлению завода и быстро наполнили обширный кабинет директора.

Директор Бачманов, развалившись громадной тушей в кресле, играл браунингом. За спиной его сгрудилось несколько человек из администрации.

Воцарилось неловкое молчание. Заплывшие глазки директора скользили по фигурам молодых забастовщиков. Основательно прощупав нас глазами, он стал расспрашивать тех, что постарше, каково наше жалованье.

— Ну, что-ж, вам незачем приходить сюда. Работайте старательней—получите прибавку.

Ребята жмутся, но не уходят. Задние кричат:—Мы все вместе пришли.

— Так что же вы хотите?—Молчание.—Да отвечайте ж.

Чувствую, что надо кому-нибудь начать. Набрался храбрости и выступил вперед.

— Мы требуем прибавки на дороговизну, такой же, как и на других заводах.

— Прибавки не будет.

Оглядываюсь, ища поддержки. Раздается сдержанный говор: «тогда расчет... забастовка, не будем работать».

Решился: «Давайте расчет!»

— Расчет? Через три дня получите, а ты первый.

— Всем расчет, всем. Забастовка... Пойдем, ребята... У, крошечки!

С шумом вываливаем, бежим одеться в мастерские и направляемся толпою, человек в триста, к выходу.

У ворот наряд полиции. Встречаем ее должным образом—«А, фараоны, испугались!». Нашему самолюбию льстило такое особое внимание фараонова племени.

Полицейское «прразойдись» не помогло. Стали тут же группами обсуждать положение и решили, что взрослые должны нас поддержать.

А потом, к Неве и в воду, купаться.

На следующий день забастовщики рассеялись вокруг завода, переговаривались со взрослыми рабочими, дразнили усиленный наряд полиции. Вдруг крики: «держи, держи!», и в ответ крупная ругань. Вижу—бегают товарищ по мастерской, за ним—«фараон». У заводских ворот о чем-то возбужденно говорит рабочий и какой-то подросток с ним. Как оказалось, сын хотел проникнуть с отцом внутрь, но за штрейкбрехерство жестоко был избит. И в следующие дни штрейкбрехерам, поневоле принуждаемым, и батькам досталось не мало тумачков. Всего было пять случаев штрейкбрехерства.

Забастовка длилась уже четвертый день. На воротах вывесили объявление о расчете. Наши надежды на поддержку со стороны взрослых не оправдались. Момент для забастовки был неудобный: выиграть не было надежды.

Мы собирались группами и обсуждали, кто куда пойдет искать работу. Собирались уже после обеда брать расчет, и все же были в очень приподнятом настроении. Шутки, смех, остроты донимали городских. О случившемся не горевали. Погода стояла хорошая. За три дня ребята отдохнули и радовались этому.

После обеда идем за расчетом. Встречают нас взрослые и сообщают, что заводоуправление согласно принять нас на старое жалование и без увольнения зачинщиков. Они предлагали нам согласиться на эти условия, так как в ближайшую же мобилизацию нас могли забрать в армию, между тем как завод давал отсрочку, а, кроме того, время было плохое, и новую работу мы едва ли нашли бы.

Ребята заволновались. Перспектива возвращения на завод никому не улыбалась. Стыдно было, что остались с носом, но, в конце-концов, конечно, пришлось согласиться.

А дело было вот в чем. Когда уже окончательно был решен вопрос о нашем расчете, коллектив социал-демократов (большевиков), учитывая все обстоятельства, решил добиться принятия нас на старых условиях. Поручили проведение этого т. Лобанову¹⁾. Тов. Лобанов предварительно обратился к ликвидатору Никончику, который был на хорошем счету у заводоуправления, и после долгих уговоров добился его согласия идти вместе. Пошли. Тов. Лобанов входит в кабинет директора, оглядывается—увы, того уже и след простыл. Не хотел, видно, из-за каких-то трехсот мальчишек престиж в глазах начальства терять. Но тов. Лобанову удалось и одному справиться.

¹⁾ Тов. Лобанов—старый большевик, председатель Южбюро Всеросс. союза металлистов.

Снова потянулись мы к заводу в 6 часов утра. Жаркое летнее солнце напоминало о том, что не грех было бы пойти пошататься, выкупаться. Но забастовка кончилась.

У ворот, в сторонке, один лишь городской. Праздник кончился. В мастерских «гуляк» окружили взрослые рабочие, стали расспрашивать. Некоторые в шутку спрашивали: «ну, что, много выиграли?» Но мы чувствовали наше превосходство и с достоинством отвечали:

— А все-таки побастовали.

Первый арест ¹⁾

Небо сплошь покрыто черными тучами. Деревья царского сада замерли. В воздухе чувствуется духота.

— Будет гроза,—говорит Ратманский, осматривая небо.

— Эх, красота какая,—добавляет он, втягивая всей грудью воздух.

Молния сверкнула змейкой, осветив часть неба; загремел где-то далеко гром. Ратманский, уловив момент ухода швейцара с парадного крыльца шестизэтажного дома, проскользнул в дверь и стал подниматься вверх; я последовал за ним; через пять минут мы были на чердаке этого дома, в комнате тов. Клары.

Посреди комнаты на столе кипит самовар, лежит ломтями нарезанный хлеб и колбаса, и стоит коробка шоколадных конфет. На кушетке, сбившись в кучу, сидят ребята нашего кружка: Мальчиков, Белокреницкий, Прусак, Ситниченко и др.; на стульях и подоконнике сидят наши руководители-пропагандисты Киевского коллектива Р.С.-Д.Р.П.

Пропагандисты разговаривают, шутят; ученики молчат. Среди пропагандистов 19-ти, 22-летние студенты и курсистки, дети богатых родителей, энергичные, немного идеалистически настроенные, готовые все свои силы и знания отдать рабочему классу. Среди учеников—14-ти, 16-летние рабочие-подростки, ясно смотрящие будущему в глаза.

Собрались мы подискутировать о войне. Пораженцы, оборонцы и интернационалисты выставили докладчиков. Докладчики горячились. Каждый из них верил в свою правоту и эту веру хотел передать другим.

Вот Маркуша, здоровенный детина, с приятным лицом, говорит о пораженчестве. Слова медленно вылетают из его уст,

¹⁾ очерк из жизни дореволюционного кружка молодых рабочих г. Киева, который, выйдя из подполья, составил основное ядро Киевской организации союза.

носясь по комнате. Невольно начинаешь ему верить, что поражение приблизит Россию к социализму.

Фрося Спицына — плехановка, опутив глаза в землю, размахивая руками, говорит о гибели русской культуры, об образовании из России германской колонии, о патриотическом чувстве...

А вот Филипп тяжелой артиллерией разбивает в пух и прах все доводы противников, ни одного целого места не оставляет от оборончества и намечает линию интернационалистов.

Мы, ученики, обратились в слух: жадно ловим каждое слово. В прения втягиваемся и мы. Первым говорит Мальчиков, он рисует картину гибели мира.

— Если рабочий класс не сумеет выступить против всемирной бойни, если он не сумеет объявить войну войне, то с европейской культурой будет то, что было с римской,—заявил Мальчиков.

Эта мысль вносит совсем новое, она врежется в наши головы.

Шум. Облава.

Мы в одиночку спускаемся по крутым лестницам черного хода. Дождь крапает мелкими каплями, тускло горят фонари, согнувшись, шагаем мы по грязным улицам.

— Прибавь шаг,—говорит Мальчиков, идущий за мной. Я иду, а в голове всплывает все слышанное; все прения как-будто сортируются мозгами, раскладываются по ящикам, и все то, что было так запутано, становится ясным.

— На рассвете на работу,—говорит Ратманский, как-будто мысля вслух, когда мы расходимся.

Нашему социал-демократическому кружку молодых металлистов было поручено организовать при профсоюзе металлистов фракцию Р.С.-Д.Р.П., которую и решили мы организовать на первом общем собрании союза.

Собрания металлистов уж давно не было. Оборончески настроенные правленцы все ждали разрешения от губернатора на созыв легального общего собрания; наконец, после долгих ходатайств, им удалось добиться «разрешения».

В маленьком домике на Тарасовской улице, № 9, в котором наш союз занимал комнату, собралось человек сорок; шли расспросы, споры полупрошепотом, уплата членских взносов; комната продолжала наполняться людьми. У всех было таинственно-праздничное настроение.

Правленцы, сидящие у стола напротив входа, разговаривают с группой людей, которая их окружила; по углам комнаты образовались кружки; ребята нашего кружка сговаривались с представителями заводов о составе бюро фракции и о работе фракции.

— Товарищи, я только что получил извещение... нам не разрешили открыть собрание,—сказал председатель правления

тов. Крылов, весь побледневший, и, быстро написав соответствующее объявление, повесил его на стене.

Никто не хочет уходить. «Откройте собрание»,—кричат со всех сторон. Шум все возрастает. Вдруг все умолкло. В комнату вкатился обрюзгший надзиратель в сопровождении двух городских и дворника. Глаза его блестят, трет руки, вертится из стороны в сторону.

— Это что за собрание? Что за сборище?—кричит надзиратель на растерявшихся правленцев.

— Мы только что получили бумагу... Мы собирались рас...ходиться,—дрожащим голосом говорит т. Крылов.

— Дайте мне лист бумаги,—буркнул надзиратель, сев у стола.

Пользуясь тем, что городские не заметили вторых дверей, Михаил Маленький, Ханин, Мальчиков и другие незаметно удрали.

Надзиратель, сев у стола, переписывает всех. Когда очередь дошла до арсенальца Ермакова, он спросил:—это вы у меня работали?—Ермаков весь изменился, лицо передернулось.—Я,—сказал он.—Вы можете идти.—Ермаков поспешно вышел.

После революции, когда узнали, что Ермаков провокатор, мы поняли, какую «работу» он исполнял у надзирателя.

Переписав всех, надзиратель велел нам следовать за собой. Вечер был темный, погода прескверная. Старшие пошли молча, что-то обдумывая, а мы малыши, болтали: нам было и страшно, и весело.

Проходной двор. Несколько человек шмыгнули туда и скрылись. Лыбедской полицейский участок. Нехотя входим в канцелярию. Надзиратель устраивает переключку. Нехватает 10 человек. Он стал матерно ругаться. Кончив ругаться, он вызвал малышей (до 17 лет). Мы вышли.

— Вишь—члены, тоже член,—указывая на нас, говорит надзиратель окологлавному.

— Членом союза может быть всякий рабочий без различия национальности, вероисповедания, пола и возраста...—выхватив членскую книжку из кармана, стал читать С. Белокреницкий (ему тогда было 14 лет).

— Что мне ваш устав, я сам устав,—кричит надзиратель.

Белокреницкий прячет членскую книжку профсоюза.

— Чего вы стоите,—обратился надзиратель к городским. Обыскать всех и отвести в камеры.

Нас обыскали, забрали ремни, ножички и повели по длинному коридору вниз, по полуосвещенной лестнице. Скрипнула дверь, и мы очутились в грязной, сырой, кишевшей клопами и крысами камере. Крысы были до того смелы, что через несколько минут после нашего появления, они свободно бегали меж нашими ногами. Нары грязны, стены исписаны разными изречениями и подписями.

Мы взлезли на нары, сели на корточки и затянули песню: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат»... Песня по-

неслась по камере и сразу оживила всех. Все стали бодрее, даже старики, которые все время хныкали, потянули за всеми. «Пусть неправда и зло»—носится по камере.

Никто не заметил головы городского, которая торчала в отверстии двери и о чем-то кричала, и пришли в себя, когда дверь открылась, и в камере очутились надзиратель с городскими. Они погрозили разместить нас по камерам. Мы перестали петь.

Спать мы не думали ложиться. Сев в кружок, старики рассказывали о своей жизни, о работе, о хозяевах. Начало светать. Заглянуло солнышко через маленькое решетчатое окошечко, все умолкло. Потому ли, что рассказы иссякли, или не хотелось говорить при дневном свете... Каждый стал думать, и тяжело так стало, что-то давило, пригибало...

Зазвенели ключи, открылась дверь.

— Выходи на прогулку,—кричит грубый голос из коридора. Толкая друг друга, стали выходить. На долю Ратманского и Белокреницкого выпало взять парашу.

Во дворе полицейского участка было много народу. Купцы, попавшие во время облавы, хорошо одетые, оборванцы, с жуликоватыми движениями и взглядами, и крестьяне, откуда-то привезенные. «Политические»,—говорили они, показывая пальцами.

— Давай на сапоги,—пристает бойкий парнишка к тов. Шаповалову, когда мы входим обратно.

— Как на сапоги,—удивленно спросил Шаповалов.

— Или я твои выиграю, или ты мои.

Шаповалов отказывается. Парнишка стал было требовать, но увидя, что подошли товарищи Шаповалова, быстро скрывается.

Вогнали нас обратно в камеру. Старики захныкали, молодые с ними ругаться, но недолго это продолжалось: дверь открылась настежь, и нас повели в канцелярию.

В канцелярии разделили нас на группы и, под усиленным конвоем городских, стали отправлять в центральное сыскное управление. Малышей (до 17 лет) выделили отдельно. Когда все группы отправили, тогда малышей направили в районные участки.

Ратманского, Белокреницкого и меня в сопровождении городского послали в Плоский участок. День был солнечный, светлый. Купив семечек, мы медленно шли по улицам, грызя их. Городовой попался добродушный. Ратманский всю дорогу агитировал его. Он говорил ему о неравенстве, о богатых и бедных и о причинах нашего ареста. Городовой равнодушно все выслушивал и только несколько раз сказал: «да, бывает».

По дороге нас встретили матери Ратманского и Белокреницкого и моя сестра. Увидав нас, они навзрыд стали плакать, идя по противоположной стороне улицы.

В Плоском полицейском участке нас подержали несколько часов и, после небольшой взятки, выпустили на свободу.

Секретно

Его Превосходительству
Господину Минскому Губернатору

Правитель Канцелярии
7 августа 1913 г.
Минского Губернатора

Минского Уездного Исправника

РА П О Р Т

Койдановский Волостной Старшина Антон Алексеев КОТ 30 истекшего июля, являсь к приставу 3 стана вверенного мне уезда, заявил, что крестьяне деревни Ледники, Койдановской волости, Федор Фомин Маковский 19 лет, Лаврентий Павлов Короневич 19 лет, Андрей Григорьев Сорокач 17 лет, Георгий Каминский 20 лет и Иван Довнар в ночь на 22 июля, проходя по улице деревни Байдаки, пели революционные песни и оскорбляли ВЫСОЧАЙШУЮ особу Государя Императора.

При производстве по сему делу приставом 3 стана дознания установлено, что поименованные крестьяне в ночь на 22 июля, действительно, проходя по улице деревни Байдаки, пели противоправительственные песни, выражаясь:

Россия, наша мать, ты губишь нас.
Из-под Порт-Артура гнали, как собак...
Царь испугался, издал манифест:
Мертвым свободу, живых под арест.
Долой, Царь-собакарь.

Все это подтверждено и показаниями допрошенных свидетелей. Донося о вышеизложенном ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, докладываю, что произведенное по сему делу дознание, — полученное мною от Пристава 3 стана 4 сего августа за № 561, мною одновременно с сим передано на распоряжение Начальнику Минского Губернского Жандармского Управления, о чем донесено Г. Прокурору Окружного Суда и сообщено участковому товарищу прокурора.

Исправник (подпись)

(Бел. Госархив, Дело Канцелярии Губернатора)

И У ИСТОКОВ ДВИЖЕНИЯ

Н а ч а л о

I

Целый ряд организаций РКСМ, игравших потом крупную основную роль в союзе, создались в период от марта до октября 1917 г. К Октябрьской революции мы имеем уже оформленные организации рабочей молодежи в Ленинграде, Москве, Екатеринбурге, Иваново-Вознесенске, Владимире, Туле, Перми, Воронеже, Витебске и т. д. Питерская организация объединила в конце 1917 года около 16 тысяч молодежи. На общегородской конференции Московского Союза 3-го декабря 1917 года, помимо 10 районов и подрайонов, участвовало четыре организации из уездов (3 фабричных и одна — крестьянская). На Урале 25 ноября 1917 года состоялся уже Областной съезд Союзов.

В основном, организации состояли сплошь из рабочей молодежи. Некоторые организации возникли прямо из недр рабочей молодежи, вызванные к жизни ее движением, некоторые сперва создались как объединения части интеллигентной молодежи, примыкавшей к нашей партии и постепенно сплотившей вокруг себя массы рабочей молодежи. Второй вид союзов организационно стоял, естественно, с самого начала ближе к партии, чем первый, у которого была, главным образом, лишь идейная, политическая связь с партией.

На переход этих большевистских ядер интеллигентной молодежи к массовой широкой работе среди рабочей молодежи повлияли, с одной стороны, начавшееся среди самой рабочей молодежи движение, с другой — резолюция 6-го Съезда нашей партии (август 1917 года), высказавшегося против узкопартийных организаций молодежи и за создание широких массовых объединений рабочей молодежи, идейно связанных с партией.

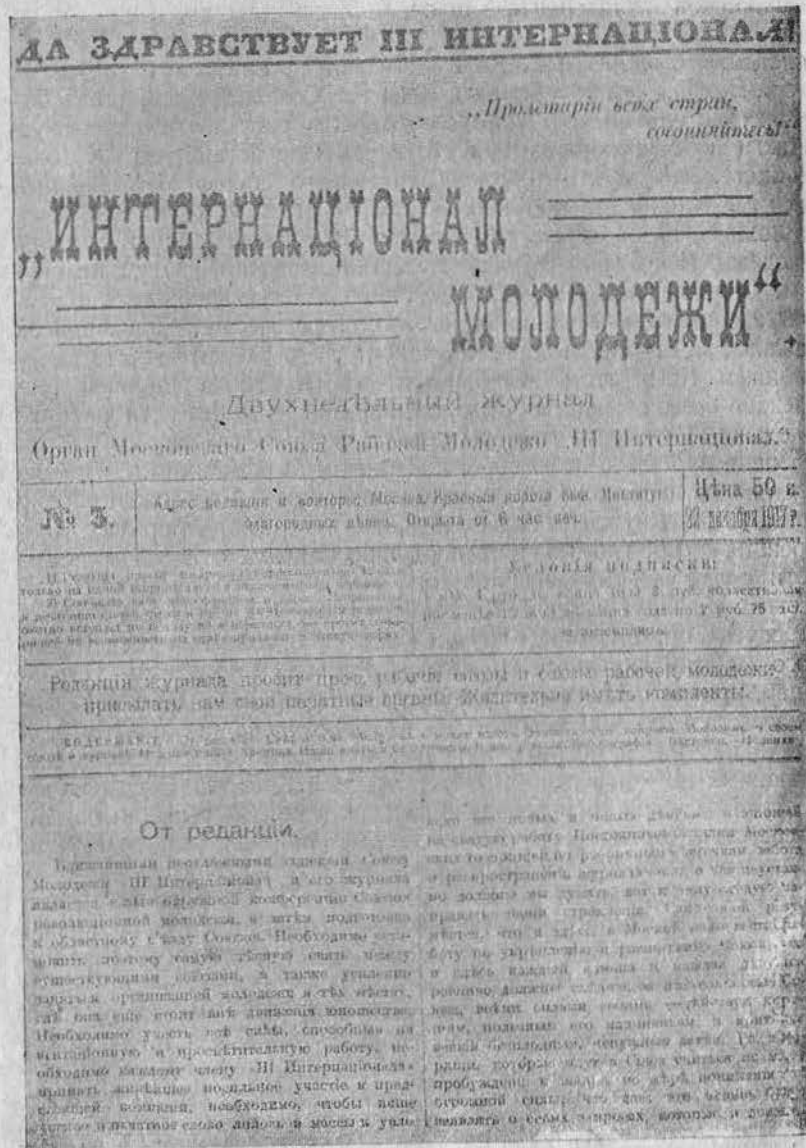
Образцами этих двух типов организаций являются Питерский и Московский Союзы, оказавшие громадное влияние на характер

Обложка журнала „Юный Пролетарий“

Такие же «Комитеты Молодежи» создались на заводах Петроградского, Нарвского, Невского районов. Движению способствовало еще то, что на некоторых заводах Питера (Путиловский, Лессер, Парвийнен) еще до февральской революции существовали революционные кружки рабочей молодежи, работники которых приняли после революции горячее участие в начавшемся движении (один из них, теперь покойный, путиловец В. Алексеев много помог созданию классового союза, был делегатом от рабочей молодежи на 6-м Съезде партии и первым председателем Петербургского комитета союзов).

На Выборгской стороне заводские ячейки молодежи объединились в районную организацию «Труд и Свет». При выработке устава в нее удалось проникнуть и завоевать симпатию молодежи некоему либералу Шевцову. Последний, пользуясь неопытностью первых работников, пытался придать всему движению чисто культурно-просветительный характер, поставив его совершенно «вне политики», и вне всякой связи с социалистическими партиями. С помощью фабриканта Нобеля, учувшего всю важность для буржуазии работы Шевцова, удалось открыть школу грамотности, школу черчения и курсы кройки и шитья. Не разобравшись, в чем дело, рабочая молодежь валом повалила в организацию. Она насчитывала вскоре 15.000 рабочей молодежи. Шевцову удалось использовать тягу рабочей молодежи к общегородскому объединению и на общегородском собрании представителей районов провести свою программу и создать «Всерайонный Совет Рабочей Молодежи Труда и Света». Высокопарные принципы «Труда и Света» путали головы рабочей молодежи и выдавали сущность организации. Тут были и «общественно-воспитывающая» организация, и девиз «Из народа и для народа» и «основательное изучение программ всех партий», дабы, «достигши совершеннолетия, рабочий-подросток знал, куда ему примкнуть», и «воспитание из девушки-работницы хорошей жены и хозяйки» и самое заманчивое — «дать общее и специально-техническое образование и улучшить положение рабочих-подростков». Шевцов метил очень далеко — во «Всерайонном Совете Труда и Света», куда он вошел, поднимался вопрос о всероссийской организации. Однако, рабочая молодежь Питера судила иначе.

Развертывание революции, обострение классовой борьбы, вопрос о правах молодежи с 18 лет при выборах в Учредительное собрание, — все это показывало рабочей молодежи никчемность организации «Труд и Свет», действовавшей всюду, где шел вопрос о борьбе за интересы рабочей молодежи лишь петициями и делегациями в различные министерства Керенского. В «Труде и Свете» началась борьба революционной молодежи (в том числе немногочисленных членов партии, работавших в организации) с Шевцовым и его соратниками. Некоторые районы начали откалываться от «Труда и Света» (Нарвский, Невский) и искать пути к объеди-

Снимок с обложки журнала „III Интернационал“

нению. К этому времени (в июне), на почве поднятой «Правдой» кампании за избирательные права молодых рабочих и солдат, на одном из собраний был создан «Социалистический Союз Рабочей Молодежи» с ярко выраженной классовой программой и тактикой. Выбранные в Организационный Комитет Союза три товарища были членами партии, что дало возможность сразу взять правильную линию (на этом собрании присутствовал и представитель ЦК большевиков). Вокруг этого союза, носившего сперва межрайонный характер, количественно небольшого, и стали объединяться революционные, недовольные «политикой» Шевцова элементы рабочей молодежи. Некоторые районы (Нарвский, Невский) сразу примкнули к Социалистическому Союзу Рабочей Молодежи, другие удались завоевать в течение одного-полутора месяца; дольше всех держался за старое Выборгский район. 18-го (31-го) августа Межрайонным Комитетом «Социалистического Союза Рабочей Молодежи» была созвана общегородская конференция всей рабочей молодежи Петрограда (выборы шли по фабрикам и заводам). Конференция прошла с небывалым подъемом и энтузиазмом. Это было время после июльского разгрома большевиков, когда вожди партии частью были вынуждены скрываться, частью сидели в тюрьмах. Конференция ясно, громко и единодушно заявила о своей солидарности с партией большевиков: она выразила это посылкой приветствия сидящим в тюрьме вождям партии. Конференция заявила о роспуске организации «Труд и Свет» и о создании общегородского «Социалистического Союза Рабочей Молодежи Петрограда», приняв основные положения его программы. На конференции участвовало 130 человек, из которых лишь несколько тогда были в партии, и человек пять-шесть примыкало к анархистам. Выбранный на конференции Петербургский Комитет Союза начал работу. Последняя шла довольно туго, так как не было ни опыта, ни средств. Партия была занята надвигающимися политическими событиями и никакой помощи оказать почти не смогла.

Таким образом, Питерский союз еще до Октября объединил около двух десятков тысяч рабочей молодежи, имел свои ячейки почти на всех крупных заводах, носил характер массовой широкой организации рабочей молодежи.

В Москве движение носило несколько иной характер. Стихийное движение по заводам и фабрикам, подобно питерскому, возникло там несколько позднее. Основная причина этого лежит, конечно, в том, что центр революционных событий был, главным образом, в Питере. Союз молодежи создан в Москве в июне непосредственно при МК партии. Он носил название «Союз Молодежи при М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б)». Объединял он группу учащейся и рабочей молодежи, частью уже входившей в партию, частью к ней примыкавшей. В союз принимались лишь сочувствующие большевикам, по партийным рекомендациям. Ни ячеек на заводах, ни районов он еще не имел, насчитывая всего 200 человек. Своей

целью ставил развитие в членах союза идеи революционного марксизма и помощь партии. Начиная с августа, отчасти вследствие начавшегося движения рабочей молодежи в районах (Замоскворечье), отчасти под влиянием резолюции 6-го Съезда о массовых организациях молодежи, началась работа по районам по созданию более широкого Союза—«Союза Рабочей Молодежи III Интернационала». Некоторое время оба союза существовали параллельно, но в октябре «Союз Молодежи при МК партии» объявил себя распущенным и все его члены перешли в «Союз Рабочей Молодежи III Интернационала». На первой конференции этого союза 8 октября 1917 г. было представлено уже 4.000 членов. Входила в него преимущественно рабочая молодежь и лишь отдельные учащиеся. Союз имел районные организации: в московском «Социал-Демократе» в этот период можно встретить извещения о собраниях союза в Лефортове, Хамовниках, Басманном, Рогожском, Городском, Сокольничьем и Замоскворецком районах. Программа союза мало чем отличалась от программы Питерского Союза. 13 октября вышел уже первый номер органа Московского союза «Интернационал Молодежи».

Насколько уже тогда союз имел влияние в массах рабочей молодежи Москвы, показывает политическая демонстрация рабочей молодежи 15 октября 1917 г. Демонстрация была организована комитетами обоих союзов по призыву «Интернационального Бюро Юношеских Социалистических Организаций» и должна была явиться протестом рабочей молодежи против продолжения войны. Демонстрация была утверждена 8 октября на 1-й общегородской конференции союза. Участвовало из районов около 5.000 рабочей молодежи. Среди плакатов, направленных против войны, были и плакаты с лозунгом: «Протестуем против лишения избирательных прав 18-ти и 19-летних». На Скобелевской (теперь Советской) площади состоялся грандиозный митинг, на котором демонстранты приняли следующую резолюцию: «Требуем от Всероссийского Съезда Советов немедленно взять власть в свои руки и предпринять шаги к установлению немедленного перемирия на всех фронтах и заключения всеобщего демократического мира». Через две недели рабочая молодежь с оружием в руках, на баррикадах Москвы, подтвердила свою резолюцию.

В чем заключалась работа союзов рабочей молодежи до Октябрьской революции?

Прежде всего, союзы объединили вокруг себя наиболее энергичную часть рабочей молодежи, вовлекли ее в революционную классовую борьбу. У нас нет точной статистики, но из нашего опыта мы знаем, что 90% молодых товарищей, принимавших в 1917 году активное участие в союзах рабочей молодежи, стали активными борцами нашей партии. Союзы боролись за экономические требования рабочей молодежи, проводили 6-часовой рабочий день для подростков, проводили своих представителей в зав-

имевшихся союзов оторвались от союзной работы для защиты революции и непосредственного революционного творчества в органах пролетарской власти. «Работа в союзе после второй революции свелась на нет»,—докладывает представитель Тулы на 3-й общегородской конференции Москвы 3 декабря 1917 г. «Политические события отвлекали лучшие силы союза от работы в своей организации. Многие товарищи ушли в Красную гвардию, многие увлеклись партийной работой»,—пишет питерский «Юный Пролетарий» 21 января 1918 года. На 5-й московской конференции союза 31 марта 1918 г. ставится вопрос—«Дальнейшая деятельность союза», и докладчик по этому вопросу констатирует,—что «перед нами стоит факт разрушения союза». Просматривая состав этой конференции, мы не видим там почти никого из старых руководителей союза. Естественно, что единственным постановлением конференции по вопросу о дальнейшей деятельности союза явилось решение «создать группу активных работников, разделив между ними работу». То же самое в еще больших размерах было в питерской организации. Этим ослаблением движения на-ряду с общеполитическими событиями объясняется тот факт, что Всероссийское объединение союза удалось создать только спустя год после Октябрьской революции и спустя 1½ года после зарождения основных организаций.

Говорить об участии союзов в самом перевороте и его закреплении не приходится. Указанное выше само говорит об этом. Молодежь и ее организации стеной стоят за новую власть—в этом духе все резолюции этого периода. Заслуживает быть отмеченной резолюция по текущему моменту, принятая 2-й общегородской конференцией Московского союза, состоявшейся спустя месяц после переворота,—26 ноября 1917 года. Резолюция характерна своей классовой революционной выдержанностью, особенно важной в тот момент, когда были колебания даже среди партии. Особенно ясно и последовательно ставится в ней вопрос о «свободах» и Учредительном Собрании. Вот выдержка из этой резолюции: «Никакие сентиментальные соображения не должны удерживать от решительных мер по борьбе с политическим влиянием буржуазии. Беспощадное закрытие желтой прессы, самая ожесточенная борьба с саботажем, решительное проведение на местах Советской власти во всех углах России, создание по первому слову техники могучей Красной гвардии, борьба с калединовщиной—таковы должны быть ближайшие задачи.

Считая, что учредительное собрание, как учреждение парламентарное, всесловное, является пережитком в эпоху диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, «Союз рабочей молодежи» находит теперешний созыв его компромиссом со стороны партии революционной социал-демократии. Но, считаясь с Учредительным Собранием, как с фактом, мы будем его признавать лишь в случае проведения в жизнь программы, намеченной

2-м Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Эта резолюция, как нельзя больше, выражает настроение организованной рабочей молодежи в тот момент.

Необходимо отметить попытку идейного раскола, сделанную в Питерском союзе. Мы уже указывали на тяжелое положение Питерской организации к началу 1918 года. Начавшаяся эвакуация, близость фронта, остановка промышленности—все это вызвало кризис организации. «Наш союз переживает крайне трудные дни. Массовая безработица, отсутствие активных работников,—вот главные причины нашего бедствия»—с такими аншлагами выходит «Листок Юного Пролетария» 21—25 января 1918 г. К этому прибавились те причины, на которые указывалось раньше: недостаток опыта, отсутствие помощи партийной организации, поглощенной революционной работой, громадный численный состав союза и т. д. На этой почве выявилась небольшая группа (5—7 человек) активных работников союза, предложивших ликвидировать союз в его настоящем виде и создать новый «Коммунистический союз рабочей молодежи», составленный из одиночек—активных работников союза. Достаточно привести несколько цитат из речей и воззваний этой группы, чтобы увидеть ее далеко не коммунистическую сущность. «16 тысяч являются тормозом для активных работников». «Не нужно выбирать (руководящие органы) общим голосованием, а подбирать таких товарищей на основе личного знакомства». «Революционерами могут быть только мыслители», параграф 5. В члены союза принимаются только товарищи, желающие работать в каком-нибудь из отделов. Не принимающие участия в работе или не имеющие возможности делать это по причинам, независящим от союза, подлежат исключению из числа членов союза по решению общего собрания» (из проекта устава КСРМ). Эта группа стоит за роспуск союза, за создание вместо массовой организации небольших сознательных ядер в замкнутых, «вольных коммунах», как тогда выражались. Эта попытка вызвала отпор в союзе. «Нам предлагают создать секты. Никогда ни одна коммуна, находившаяся вне рабочего класса, не имела влияния на рабочий класс, который воспитывается в процессе борьбы, а не в сектах. Отбросим анархистский бред изолированных «коммунистов» (В. Алексеев)». Собрание районных комитетов союза 19 января отвергло (всеми голосами против 8) предложение группы, и последняя вышла тогда из союза, заявив об организации ею нового «Коммунистического Союза Рабочей Молодежи». Анархистский характер этой группы подтверждается ее персональным составом (туда вошло несколько товарищей, известных своим анархистским настроением). Попытка раскола несколько встряхнула организацию. Выносятся масса резолюций, клеймящих ушедших «дезертирами» и призывающих к активной работе. Ушедшая группа ничем, кроме выпуска двух воззваний и проекта устава, себя не проявила, не найдя ни сочувствия, ни симпатии в массах

рабочей молодежи. Последовавшее вслед за этим немецкое наступление на Питер повлекло за собой уход на фронт всех активных работников союза и полный распад организации.

III

Брестская «передышка» дала возможность рабочей молодежи вновь приняться за организацию. Летом 1918 года наблюдается подъем движения. Помимо общеполитических условий, этому способствует и то, что часть старых работников вернулась на непосредственную работу в союз. В Петрограде в апреле 3-я Общегородская Конференция делает попытку восстановить союз, но это ей мало удается: избранный ею П. К. не смог справиться с работой. В июне 4-я чрезвычайная конференция постановляет во что бы то ни стало воссоздать союз и принять меры к созыву Всероссийского С'езда. Создается новый ПК, снова начинает выходить орган союза, оживают районы,—организация вновь пошла вперед. В Москве после 6-й конференции (19 мая) союз понемногу оживает, но здесь дальнейшему оживлению мешает то, что наиболее активные силы отдаются работе по созыву Всероссийского С'езда. В марте происходит 1-я губернская конференция союзов Нижегородской губернии, создающая Губком, на ней участвуют 36 делегатов. Со всех концов России получают сведения об оживлении и росте движения (Воронеж, Владимир, Уфа, Рыбинск, Екатеринбург, Саратов, Курск, Калуга, Тамбов и т. д.). В августе-сентябре в некоторых губерниях происходят губернские конференции, создаются объединения.

Как работали в этот период организации? Прежде всего, нет почти ни одного союза, который не жаловался бы на отсутствие или острый недостаток средств. Последнее влечет за собой то, что союз вынужден сам добывать себе средства к существованию, т. е. устраивать спектакли, танцы и проч., что не дает возможности приступить к серьезной работе. Второе—недостаток интеллигентных сил, что мешает постановке просветительской работы. И, наконец, неналаженность взаимоотношений с другими организациями (партией, советами, профсоюзами). Такова общая, за немногими исключениями, картина. К этому надо прибавить неопытность, отсутствие единого руководства. Вот, например, выдержка из отчета о районном с'езде союзов Владимирской губернии 2—3 июня 1918 года: «Организацию решено было произвести следующую: устава на с'езде не вырабатывать, а предоставить это местам, сообразно их условиям. Руководствоваться основными принципами: 1) Интернационал, 2) Вся власть Советам, 3) Молодежь». В последней формуле чрезвычайно удачно дается все, на чем объединялись и создавались тогда организации. Несмотря на тяжелые условия, кое-где удается создать школу грамоты, занимаются буржуазные особняки под клубы, организуются кружки,

читаются лекции. Но основное, что имеется почти в каждой организации, это—митинги и боевая дружина. Точных цифровых данных о социальном составе организаций нет, но имеющиеся сведения говорят, что 80—90% в основных организациях составляет рабочая молодежь. Среди активных работников, последняя также была в абсолютном большинстве. Средняя возрастная группа в союзе была от 16 до 20 лет. Открытие чехо-словаками восточного фронта заставляет некоторые организации, уже немного окрепшие, отдать снова часть своих сил на защиту революции. Из своего скудного ядра активных работников Питерский союз в два дня мобилизует и отправляет в августе на фронт 7 активных работников (среди них члены ПК). Летом 1918 года по России уже насчитывается несколько печатных органов союза (Питер, Москва, Урал, Владимир, Воронеж и т. д.).

В этот же период (особенно осенью и зимой 1919 года) заметно появляются и первые крестьянские организации. Исключительное значение в зарождении и развитии союзов крестьянской молодежи имели несомненно два факта: раз'езд части рабочей молодежи (особенно Питера) по деревням и возвращение в деревню демобилизованных молодых солдат и матросов. Эти элементы, в большинстве случаев, и являлись инициаторами местных крестьянских ячеек. В 1918 году движение в деревне только начиналось, развилось же оно, главным образом, в 1919—20 г.г. Помощи от городских организаций деревня почти не получала, так как те сами были слабы. Перед деревенской молодежью встал ряд новых вопросов, ответа на которые она искала и порой найти не могла. Характерна для того периода следующая выписка из протокола заседания правления одной из крестьянских организаций Нижегородской губ. В порядке дня стоял вопрос об... Интернационале—«обсудив вопрос об Интернационале, собрание не пришло к определенному решению в виду непонимания сущности, цели и задач Интернационала. Поэтому правление союза обращается к членам с просьбой узнать от взрослых товарищей об Интернационале, и тогда правление союза вынесет уже определенное решение»,—и это в 3-х верстах от Нижнего-Новгорода.

Сельская интеллигенция относится к союзу враждебно или равнодушно. Докладчики с мест на Калужском губ'сезде (1 декабря 1918 г.) отмечают «саботаж, за небольшими исключениями, местной трудовой интеллигенции, погрязшей в обывательщине, в мелких житейских интересах». Те, которые помогают союзам, хотя руководить ими. Это встречает отпор со стороны молодежи. Тот же с'езд, оживленно обсуждавший этот вопрос, говорит в своей резолюции: «Молодежь использует знания народных учителей, но не допустит их руководить своими организациями». Несмотря на эти неблагоприятные условия, союзы начинают оказывать влияние на деревню. В селе Льва Толстого (Калужской губ.) союз молодежи постановил устроить в трапезной монастыря народный дом.

Это постановление удалось провести в жизнь, и теперь, по выражению докладчика, «на месте креста водружено красное знамя социализма». В деревне разгорается, имевшая потом столь большое значение, борьба между молодежью, ставшей за новые порядки, и стариками. На ряду с союзами в деревне существуют культурно-просветительные кружки, состоящие или исключительно из молодежи или с преобладающим влиянием молодежи. Эти кружки лишь с большим трудом (да и то далеко не все) постепенно вовлекаются в политработу или организуются в союзы. На том же Калужском съезде из представленных 30 организаций только 16 были союзами молодежи, остальные 17 — культурно-просветительные кружки и общества.

Этот период в общем был, как мы уже говорили, главным образом, периодом оживания существовавших и создания новых организаций. На Северо-областном съезде, созванном 20 октября 1918 года Петербургским комитетом, на-ряду с представителями 12 союзных организаций, участвовали делегаты 11 партийных комитетов, приглашенных на съезд. Это делалось для того, чтобы вызвать на местах инициативу и помочь созданию союзов. Большинство представленных на съезде организаций создано летом — осенью 1918 г. Резолюция съезда по докладам с мест дает следующую картину движения, рисуя положение не только в северной области. «Везде и всюду начинается творческая организационная работа молодежи, но попытки организовать принимают подчас уродливые формы. Отсутствие единой программы устава создает путаницу и направляет организации по ложному пути». На съезде естественно поднимался уже вопрос о работе в деревне. Съезд особенно подчеркнул отсутствие помощи со стороны партийных организаций, и в специально принятом постановлении «обращает внимание Сев. обл. к-та РКП (б) на безразличное, а подчас недоброжелательное отношение парторганизаций к попыткам организации молодежи и к существующим ее ячейкам». Молодежи и партии пришлось много поработать над тем, чтобы изжить это «безразличное, а подчас недоброжелательное» отношение некоторых местных партийных работников.

IV

Оживление работы, наблюдавшееся летом 1918 года, естественно поставило практически вопрос о создании Всероссийского объединения. Необходимость его сознавалась давно. Инициативу созыва взяли на себя Питерская и Московская организации. По соглашению между Питером и Москвой, в последней было создано организационное бюро по созыву съезда из представителей московского питерского и уральского союзов. Как мы уже говорили, по целому ряду причин вся тяжесть работы по созыву съезда легла на плечи московских товарищей.

Всероссийский съезд состоялся 28 октября — 4 ноября 1918 г. Единственной задачей съезда было — создать всероссийскую юношескую организацию. «На наших глазах разворачивается мировая социалистическая революция, и мы должны приобщиться к ее строительству мощной организацией» — так формулировал в приветственном слове съезду его задачу представитель организационного бюро. На съезде присутствовало 175 делегатов, представлявших 22.100 чел. организованной молодежи. Съезд объединил большинство имевшихся организаций, за исключением оторванных от центра гражданской войной: наиболее сильно были представлены обе столицы и центрально-промышленный район. 80% делегатов были рабочие и крестьяне, что показывает пролетарский состав как самих союзов, так и их руководящего ядра. Из всего съезда лишь 88 были членами партии, 38 сочувствующих и 45 беспартийных, один левый эсер, один анархист и три с.-д. интернационалисты. Такой состав съезда придает особенный вес и значение всем его решениям, в частности по вопросу о солидарности с РКП (б) и о наименовании союза коммунистическим.

Некоторые разногласия выявились по вопросу о названии союза. Питерская и Московская организации предлагали назвать организацию — Коммунистическим союзом молодежи. Часть делегатов возражала на том основании, что слово «Коммунистический» будет отпугивать массы рабочих, а в особенности, крестьянской молодежи. Эти соображения большинством делегатов опровергались. Интересны прения, которые вызвало предложение уральской делегации об организации на-ряду с союзами домов «юного пролетария», куда входила бы поголовно вся молодежь, и задачей которых была бы культурно-просветительная работа. Эти дома должны были, по мысли товарищей, явиться формой массовой работы союза. Некоторые защитники этой идеи отстаивали принцип обязательного вступления в «Дом юного пролетария» всей молодежи. Большинство выступающих считало создание таких организаций вредным параллелизмом, считало необходимым в самый союз вовлекать широкие массы рабочей молодежи; особенно большие возражения встретил принцип принудительности. Съездом предложение уральцев было отвергнуто.

Съездом голосовались и были приняты три основных принципа юношеского движения в России: 1) «союз солидарен с РКП (б), союз ставит себе целью распространение идеи коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России» (принято единогласно при двух воздержавшихся), 2) «союз является независимой организацией» (принято единогласно) и 3) «союз называется: Российский Коммунистический Союз Молодежи» (принято большинством против 6-ти, при 17 воздержавшихся). Эти основные положения вошли в программу союза, принятую съездом.

Съезд проходил с громадным подъемом. Взрыв энтузиазма вызвало оглашение полученной приветственной телеграммы от германской рабочей молодежи. Телеграмма гласила: «Германское юношество, собравшееся в Берлине со своим Либкнехтом, приветствует русских товарищей и заявляет, что готово последовать их прославленному победой примеру. Берлин, 27 октября». Это был первый привет рабочей молодежи России от поднимавшегося на борьбу германского рабочего юношества. Это был вместе с тем первый и последний привет Либкнехта нашему союзу. Оглашение этой телеграммы и тот энтузиазм, который она вызвала, никогда не забудет ни один из участников съезда.

Заводские мальчики ¹⁾

Заводские мальчики.

Мальчик завода „Русский Рен“ обратил к Выборгскому районному Комитету с просьбой предоставить мальчикам 18 апреля место демонстраторов при групповых митингах некоего Выборгского района впереди рабочих со своими оркестрами и своими флагами с надписью „Охрана детского труда“. Районный Комитет постановил удовлетворить их просьбу и передать разработку плана в организационную комиссию, которая, со своей стороны, обращается ко всем мальчикам, работающим на фабриках и заводах Выборгской стороны, чтобы они избрали из своей среды представителей для обсуждения советского праздника Первое Мая. Представителей просить явиться во вторник в 5 ч. вечера на Сахаровский пр. № 77 (завод „Рено“) в столовую рабочих.

Организационная Комиссия Районного Комитета обращается ко всем районным Комитетам Р. С.-Д. Р. П. организовать среди мальчиков таковыя демонстрации.

Организационная Комиссия Выборгского районного Комитета Р. С.-Д. Р. П.

¹⁾ „Правда“ от 16 апреля, № 29.

„Труд и Свет“

Посвящается инициатору Союза
рабочей молодежи гор. Ленинграда,
рабочему юноше Выборгского района,
завода «Рено»

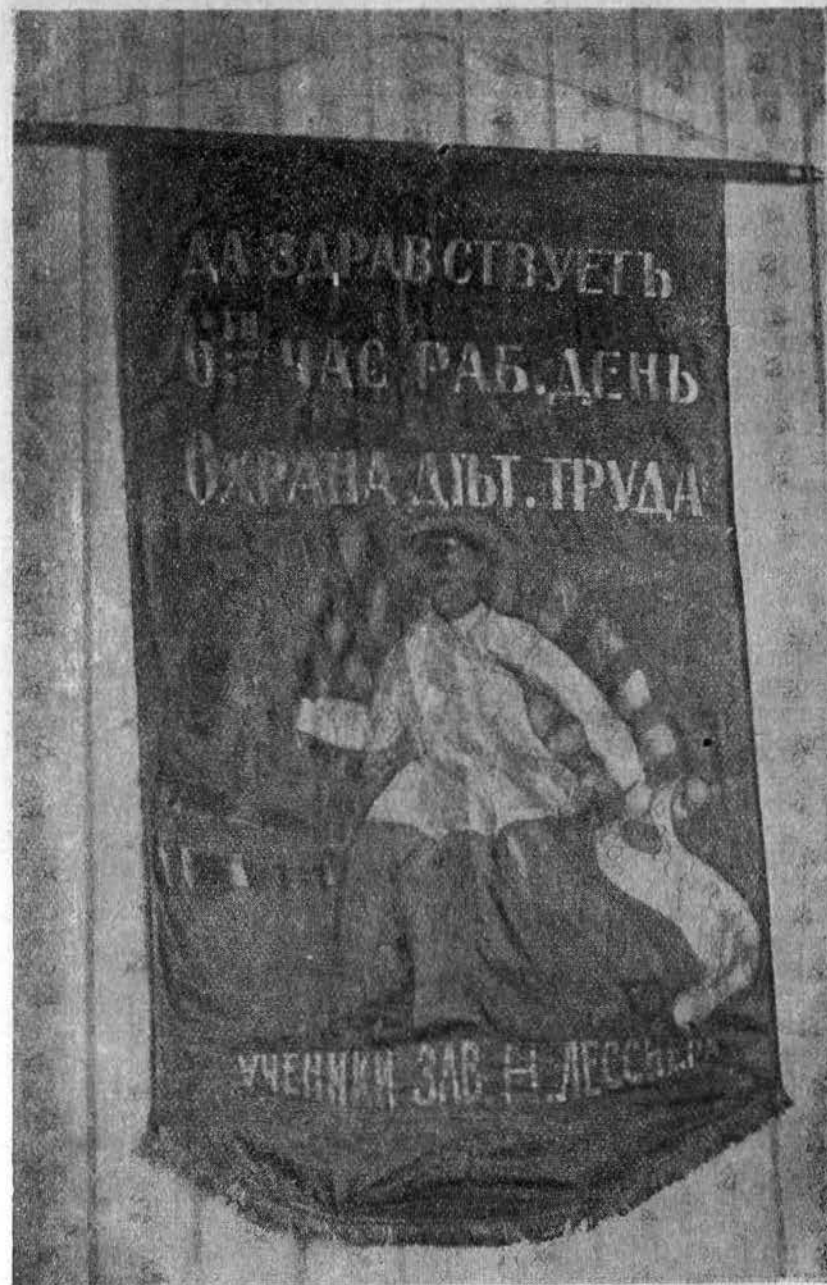
тов. Метелкину

После свержения царизма в 1917 году все рабочие вздохнули свободно и стали готовиться с большим энтузиазмом к празднику 1-е мая, впервые свободно и не боясь никаких репрессий.

Приготовление к встрече этого всемирного рабочего праздника шло усиленным темпом. Я в это время работал на заводе «Новый Лесснер», Выборгского района, тогда мне было 17 лет. Мы, молодежь, желали встретить праздник весны отдельно от взрослых рабочих.

Недолго думая, создалась инициативная группа из пяти молодых товарищей, работавших еще в старое время в подпольных кружках; она быстро приступила к пропаганде и организации первомайского праздника. На одном из заводских собраний молодежи (до 20 лет) этой группой и был сделан доклад об истории и значении 1 мая для пролетариата и о том, почему необходимо праздновать таковой самостоятельно. В своих речах товарищи указывали на то, что самостоятельная первомайская манифестация молодежи покажет Временному Правительству нашу сплоченность и готовность борьбы за свои права. Наше собрание единодушно утвердило наши предложения и планы и тут же выбрало тройку для организации и выполнения празднества 1 мая во всем Выборгском районе, куда вошел и я.

Ближайшим заводом был завод «Рено», куда мы и пошли. Придя в завод, мы увидели мальчика лет 13—14, ведшего агитацию среди рабочей молодежи своего завода. Он доказывал рабочей молодежи, что необходимо создать свой союз молодежи для ограждения и требования своих прав, это находило отклик

Знамя завода „Новый Лесснер“—к 1 мая 1917 г.

среди молодых рабочих, которые оказались даже дальновиднее нас; когда я разговорился с юношей, который вел агитацию, то я узнал, что ему один товарищ дал маленькую книжку, в которой было написано, что за границей существуют союзы молодежи; попросив эту книжку и прочитав ее, у меня блеснула мысль пойти поговорить с тем товарищем, который дал ему эту книжку. Мы четверо отправились к нему, нас он принял очень дружелюбно, много рассказал нам о том, как нужно создавать союзы молодежи, и как они существуют за границей.

Впоследствии я узнал, что беседу мы вели с секретарем Выборгского районного совета рабочих и солдатских депутатов, членом партии (большевиков) Чугуриным¹⁾.

После такой беседы решили собраться в столовой завода «Рено», где и обсудили дальнейший план нашей работы. Мы решили провести по всем заводам Выборгского района митинги не только уже о празднике 1-го мая, но и о создании союза молодежи при каждом заводе. В течение недели мы обошли все заводы Выборгской стороны, молодежь на всех заводах встречала нас с радостью и даже устраивала овации. Взрослые же рабочие относились к нам с насмешками и недоверием. Вполне понятно, почему это так было. Эс-эры и меньшевики не любили молодежь за то, что она была настроена инстинктивно по-большевистски. Партия же большевиков в то время, занятая борьбой против Временного Правительства, еще мало уделяла внимания нашему движению, но поддержка была в лице отдельных товарищей, и мы не падали духом.

Когда мы собрались через неделю, стали делать доклады о своей работе, то у нас получились блестящие результаты: около 4—5 заводов с 30 тысячами рабочей молодежи решили вступить в союз и принять участие в празднике 1-го мая. Однажды на собрании тов. Метелкин внес предложение о том, что у нас до 1-го мая есть свободное время, и предлагал провести митинги по другим районам. Предложение тов. Метелкина было принято единогласно. Распределили между собой все районы. Мне и тов. Михайлову достались два района: Московский и Невско-Заставский. Придя в означенные районы, мы застали местную молодежь уже готовящейся к празднику 1-го мая, нам оставалось только сделать доклад о том, что необходимо создание союза молодежи. Рабочая молодежь слушала нас со вниманием и тут же приступила к созданию своей организации; взрослые, как и в других районах, относились к нам с насмешкой, и даже были случаи на заводах, где в завкомах были меньшевики или эс-эры, что нам не разрешали даже устраивать собрания, и только благодаря содействию отдельных взрослых рабочих и членов партии большевиков нам удалось провести таковые почти во всех за-

¹⁾ Иван Чугурин—рабочий-большевик, учился в парижской партийной школе, которой руководил Владимир Ильич.

водах Московской и Невской заставы. После проведения митингов во всех районах Петрограда, мы решили собрать представителей всего Петрограда от рабочей молодежи. Собрание было назначено в Выборгском районе, в столовой завода «Рено». Когда мы принесли наше объявление в редакцию газеты «Дело Народа»¹⁾,

Знамя к первомайской демонстрации 1917 г.

редактор названной газеты отказался поместить наше объявление, мотивируя свой отказ тем, что в объявлении стоят резкие требования о 6-часовом рабочем дне для молодежи и допущении 18-летних к выборам.

¹⁾ Газета, издававшаяся в 1917 г. центральным комитетом эсеров.

Тогда мы отправились в редакцию газеты «Правда», где наше объявление было принято. Через четыре дня собрались представители рабочей молодежи. Собрание было оживленное, обсуждали вопросы: о 6-часовом рабочем дне для молодежи, о допущении 18-летних к выборам, о введении представителей молодежи в завкомы и Советы и масса др. Здесь был заложен впервые фундамент для создания питерского объединенного союза рабочей молодежи.

На заводе «Рено», благодаря инициативе рабочего юноши, тов. Метелкина, праздник 1-го мая рабочая молодежь отпраздновала с большим подъемом, другие заводы не отставали, все районы шли отдельными организованными колоннами, со своими знаменами и лозунгами. На демонстрации присутствовала вся рабочая молодежь Петрограда.

Когда, после праздника, представители рабочей молодежи вновь собрались и сделали отчетные доклады о проведенном празднике, то в итоге выяснилось, что в каждом районе рабочей молодежи в демонстрации участвовало от 7 и до 13 тысяч человек. В среднем подсчитали, и вышло, что на празднике присутствовало около 100 тысяч человек рабочей молодежи. На этом же собрании по дальнейшим докладам и информации с мест выяснилось, что с нашей организацией никто не считается, и что в райсоветах и завкомах представителей молодежи не признали, за исключением Выборгского района, в котором молодежи дали одно место в Совете и проведены представители во все завкомы. После обсуждения этого вопроса представители всех районов решили устроить демонстрацию протеста с требованиями 6-часового рабочего дня для молодежи и признания представителей рабочей молодежи в Советах и в фабзавкомах. В конце заседания, по вопросу о выборе Центрального Комитета, взял слово некто Шевцов, и по сие время еще неизвестный рабочей молодежи. В своем докладе он указывал, как можно выбрать всерайонный совет рабочей молодежи. Шевцов даже предложил свою квартиру и услуги. Мы, конечно, обрадовались такому неожиданному случаю и приняли его предложение. Он же предложил назвать нашу организацию «Труд и Свет». Против этого никто из присутствующих делегатов в то время не возражал.

Теперь я хочу познакомить рабочую молодежь с тем, что представляла из себя организация «Труд и Свет». Прежде всего, организация эта была «внеклассовая» и в первую голову ставила только «культурно-просветительную работу». В организацию входили все партии, начиная с меньшевиков и кончая анархистами. Всерайонный совет организации «Труд и Свет», просуществовав 3—4 месяца, несколько не улучшил материального, организационного и идейного положения рабочей молодежи, которая в начале хлынула тысячами в эту организацию, но увидя, что организация, вернее верхушки, занимаются только одними экскурсиями да

открытием ремесленных школ и уклоняются от политической борьбы, без которой «Труд и Свет» приходил в бездеятельность,— рабочая молодежь сперва в одиночку, потом целыми районами стала уходить из организации. На разложение организации «Труд и Свет» много повлияла вновь народившаяся инициативная группа Социалистического союза рабочей молодежи, под руководством работников партии большевиков.

К тому времени уже в самом Всерайонном совете получился раскол на три группы: 1-я группа большевиков, во главе с товарищем Алексеевым, который первый раскритиковал организацию «Труд и Свет», 2-я группа—меньшевики и эс-эры, которые поддерживали организацию «Труд и Свет», 3-я группа—анархисты, которые вносили дезорганизацию в 1-ю и 2-ю группу, вначале поддерживавшие 2-ю группу, а впоследствии примкнувшие к большевикам. Что же делали комитет всерайонного совета организации «Труд и Свет» и его районные отделения?

За все свое недолгое существование—4 месяца—Всерайонный совет устроил две экскурсии, выпустил 2—3 книжки о значении организации «Труд и Свет», несколько воззваний и устроил 10—15 раз заседания представителей от районных комитетов; был также устроен один митинг всей молодежи Петрограда под лозунгом: «Вся молодежь—в организацию «Труд и Свет». Я хорошо не помню, где происходил этот митинг, в цирке ли «Модерн» или во дворце «Кшесинской», но помню, что этот митинг провалился, явилось лишь 2—3 тысячи чел. молодежи. Организаторы, выступившие на митинге, в большинстве своем указывали на бездеятельность организации. По окончании митинга, как и всегда, было предложено желающим записываться в организацию, но таковых не нашлось, и предложение осталось «гласом вопиющего в пустыне».

Что же касается районов, то в Выборгском районе, который по тому времени считался самым сильным районом, с 15—18 тысячами членов организации «Труд и Свет», были открыты две спортивных площадки, две школы, из них: одна—кройки и шитья, вторая—столярная. Были устроены две экскурсии: одна в Шлиссельбург, другая в Кронштадт.

В других же районах дело обстояло плачевнее: некоторым районам удалось открыть свои клубы, но молодежи, не получая удовлетворения, в особенности в политическом отношении, мало их посещала; некоторые районы не имели даже и маленькой комнатки и для заседания районного комитета пользовались чайными. Вот наглядная картина плачевного состояния, в котором очутились «Труд и Свет» и его работники.

Рабочая молодежь, выходя из организации «Труд и Свет», стала самостоятельно бороться за свои права. По всем районам рабочая молодежь волновалась, и были случаи частичных забастовок, например, на заводах Пузырева, Экваль и других. Когда

такие случаи появились в других районах, то делегаты всерайонного совета решили, наконец, выступить, и в конце июля была намечена демонстрация, с требованием всех тех прав, о которых мы так много говорили.

Шевцов пытался сорвать демонстрацию протеста, доказывая, что таковую устраивать бесполезно. Шевцову возражал тов. Алексеев, и его поддерживали анархисты. Шевцов, видя, что его предложение провалилось, внес предложение, чтобы на демонстрации были не красные знамена, а голубые. Когда Шевцову задали вопрос: почему знамена голубые, а не красные, он ответил, что красные знамена уже потеряли свое значение и злободневность, а голубые есть символ молодежи. Анархисты предложили, с своей стороны, черное знамя, а большевики настаивали, чтобы знамя было красное. Вокруг определения цвета знамени шла упорная борьба, и дебаты ни к чему не привели.

Когда, в назначенный день, выступила молодежь на улицу с оркестрами и революционными песнями и двинулась к Марсову полю, то у манифестантов оказались красные и черные знамена, голубых из сотен знамен, оказалось, не было и десятка.

Из всей манифестации отличался Нарвский район, который шел с большевистскими лозунгами: «Война—войне». «Мир—хижинам, война—дворцам». Когда Нарвский район проходил мимо Невского, то со стороны буржуев были попытки сорвать знамена, но молодежь, героически защищаясь, отстояла свои знамена и благополучно дошла до Марсова поля. Остальные районы шли также под большевистскими и анархистскими лозунгами. Что касается манифестации в целом, то она прошла не так удачно: если мы насчитывали в праздник 1-го мая в рядах молодежи до 100 тысяч человек, то на демонстрации протеста собралось не более 10—12 тысяч молодежи. Но демонстрация всетаки имела довольно внушительный вид. Неудачу демонстрации можно объяснить следующими причинами: прежде всего она была назначена после июльских событий, когда в Питере царила полная реакция, и тем, что в некоторых районах молодежью руководили меньшевики и эсеры, которые отказались участвовать в манифестации и удерживали таковую.

После митинга-протеста с Марсова поля демонстрация двинулась к Таврическому дворцу, где помещалось в то время Временное Правительство, с требованием 6-часового рабочего дня, о допущении 18-летних к выборам и о признании наших представителей в завкомах и Советах. Подойдя к дворцу, мы обступили портал и входы дворца.

Выступавший Чхеидзе поздравлял нас с победой революции и спросил, зачем мы пришли. Когда мы ему объяснили, что просим осуществить, что написано на наших знаменах, Чхеидзе ответил: «Осуществить ваши требования я не могу, а вы напишите в совет министров ваши требования, где их и рассмотрят». В

конце своей речи он сказал, что очень жалеет, что молодежь пошла под такими опозорившими ее лозунгами, и указал рукою на черное знамя. Молодежь возмутилась и не дала ему больше говорить. Здесь же на месте мы выбрали комиссию из пяти человек, куда вошел и я. Демонстрация разошлась по домам, а мы остались вырабатывать требования. Через 3—4 часа у нас были выработаны требования и поданы министру труда Скобелеву, который обещал дать ответ через неделю, но мы этого ответа так и не могли дожидаться вплоть до Октябрьской революции.

Вскоре после манифестации собрались на заседание всерай-

онного совета, где Шевцов предложил утвердить выработанный им манифест, который хотели разослать по всей России и даже за границу. Весь манифест я хорошо не помню, но выдержки первых слов стоят в моей памяти: «Наша организация молодежи «Труд и Свет» стоит вне политики, а преследует культурно-просветительные цели». Против этого манифеста первый восстал т. Алексеев. К нему присоединились и представители других районов. Этот манифест всецело отстаивали Выборгский и Московский районы. Когда этот вопрос принял обостренный характер, то представители большинства районов покинули это собрание. Тогда, по предложению Шевцова, собрание было решено перенести на следующий раз, когда будет устроен также банкет в честь четырехмесячного существования организации и переезда в другое помещение. Но за полторы недели инициативная группа социалистического союза молодежи настолько усилила свою агитацию

и подготовила так районы, что во время банкета решено было распустить окончательно организацию «Труд и Свет».

Сделать это им вполне удалось.

Не успел Шевцов окончить своей приветственной речи, как стали появляться на трибуне ораторы с призывом о роспуске организации «Труд и Свет». Когда последний оратор, тов. Кузнецов, выступил от Выборгского района и заявил, что Выборгский район тоже покидает таковую, тогда представители всех районов поднимаются с мест и покидают зал. И так под напором революционных идей молодежи погибла организация «Труд и Свет». Но некоторые представители пытались еще спасти организацию, например, в Выборгском районе Дрязгов, который создал организацию «Труд и Свет», но, просуществовав не более месяца и не поддерживаемая рабочей молодежью, она и там рухнула. Этим раздором воспользовалась инициативная группа «социалистического союза молодежи», которая и созвала конференцию всей рабочей молодежи Петрограда в августе месяце 1917 года за Нарвской заставой, в помещении партийного комитета большевиков. Конференция единогласно высказалась за роспуск организации «Труд и Свет» и за создание новой организации «Социалистического союза молодежи». Против такого определения протестовал только один тов. Дрязгов, Шевцов же на конференции, по невыясненным причинам, не присутствовал.

На этой конференции был выбран первый Пека «Социалистического союза молодежи», куда был выбран и я. Новый Пека горячо принялся за работу и осуществление требований молодежи. Но и новому ПК пришлось столкнуться с рядом причин, которые тормозили работу, как-то: отсутствие денег и помещений. И нередко ПК союза молодежи, за неимением помещения, заседал в Коломенской тюрьме на Фонтанке. Рабочая молодежь, объединенная в социалистический союз, снова бросилась в революционную борьбу под руководством своего ПК за свои требования; так прошло время до октября. С наступлением Октябрьской революции рабочая молодежь героически сражалась против войск Временного Правительства. Я помню, как необученная молодежь сражалась против казачества под гор. Гатчино и героически умирала. После Октябрьской революции ПК еще усиленное повел свою работу среди рабочей молодежи: было устроено множество митингов и выпущен ряд воззваний и даже выпущен в ноябре журнал молодежи. Я помню, как на одной из конференций разбирали вопрос, — под каким лозунгом должен издаваться журнал «Юный Пролетарий». Большевики предлагали лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Я же предлагал свой лозунг: «Трепещите, угнетатели — рабочая молодежь на страже революции». Когда эти предложения поставили на голосование, за мой лозунг голосовало большинство, но когда собрали, на второй день, то большевики предложили переголосовать этот вопрос, моти-

вируя это тем, что вчера были собраны не все представители. Когда мой лозунг стали переголосовывать, то мой лозунг провалился. Итак, лозунг союза стал, как и у партии большевиков: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

В половине 1918 года я уехал на фронт и, вернувшись оттуда в 1919 году, я совершенно не узнал петроградского союза молодежи. В 1917 году не было даже комнаты для заседания райкома, а теперь я увидел, что союз имеет свои клубы с 10—15 комнатами. Если мы в 1917 году не имели ни одного платного работника, то теперь я увидел, что имеется до 10 платных. В 1917 г. нам приходилось требовать признания нашей организации у Временного Правительства, теперь же Советская власть осуществила все нужды рабочей молодежи без всякой борьбы и требований.

рами-артистами по своему делу, чтобы сравняться с западными братьями,—посему мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, провозглашаем:

Юный и Молодой Пролетариат—под Знамя «Труд и Свет!».

Манифест

Всерайонного Совета Петроградской Пролетарской Юношеской организации „Труд и Свет“¹⁾

Товарищи девушки и юноши-пролетарии!

Царизм свергнут, капитализм рушится, буржуазия трясется. Об окончательной победе над ними пусть позаботятся наши матери и отцы.

Мы же, будущие граждане, продолжатели дела отцов и матерей и наследники завоеванных прав и всяких культурных богатств, вспомним неумолимый закон истории—стирать с лица земли всякий отсталый, нецивилизованный народ.

Мы, Всерайонный Совет Пролетарского Юношества, памятуя этот жестокий, но справедливый закон истории, сочли долгом будущих граждан, обязательством совести, как представителей ваших, укрепить занятые Революцией позиции трудом и светом, ибо творческий труд и беспристрастный свет науки были и будут вековечно единые жизненные основы, на которых зиждется все лучшее в человечестве, вся его культура.

В организованном труде и организованном просвещении—действительная непобедимость Пролетариата, и посему мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы теперь можем и должны работать и учиться: мы можем и должны быть просвещенными гражданами и рабочими- масте-

¹⁾ Весь устав «Труд и Свет» проникнут стремлением удерживать молодежь от вступления в партию и от выявления своих партийных взглядов. Придерживаясь неправильного мнения, что беспартийность лучший путь для оформления своих взглядов.

Т. Б. Михайлович в 1919—20 г. работал в денкинском подполье в Одессе, был арестован, предан суду по процессу 17-ти и расстрелян. На суде и перед смертью держал себя чрезвычайно мужественно.

МАНИФЕСТЪ

ВСЕРАЙОННАГО СОВѢТА

Петроградской Пролетарской Юношеской Организаци

„ТРУДЪ и СВѢТЪ“

Товарищи девушки и юноши-пролетарии!

Царизм свергнут, капитализм рушится, буржуазия трясется. Об окончательной победе над ними пусть позаботятся наши матери и отцы.

Мы же, будущие граждане, продолжатели дела отцов и матерей и наследники завоеванных прав и всяких культурных богатств, вспомним неумолимый закон истории—стирать с лица земли всякий отсталый, нецивилизованный народ.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Юношества, памятуя этот жестокий, но справедливый закон истории, сочли долгом будущих граждан, обязательством совести, как представителей ваших, укрепить занятые Революцией позиции трудом и светом, ибо творческий труд и беспристрастный свет науки были и будут вековечно единые жизненные основы, на которых зиждется все лучшее в человечестве, вся его культура.

В организованном труде и организованном просвещении—действительная непобедимость Пролетариата, и посему мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы теперь можем и должны работать и учиться: мы можем и должны быть просвещенными гражданами и рабочими-мастерами и учениками.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, признали, что верным щитом и верным мечом Свободы и Прав и Торжества Пролетариата есть всемогущий труд и нелицеприятный свет науки, который все открывает и направляет к единой цели—Красоте Жизни.

Мы призываем всех товарищей—девушек и юношей—пролетариев трудиться, просвещаться, но быть готовыми восстать по первому зову пролетариата-отца, Совета Рабочих и Солдатских

Депутатов и первыми занять баррикады, если остаткам гнусного царизма или проищем бездушного капитализма будет должно дать последний удар.

Ныне же мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, объявляем, что наша деятельность идет и будет продолжаться под лозунгом «Труд и Свет», чтобы поднять и развить в рядах пролетарского юношества полную самостоятельность по направлениям: его исторического, естественного, юридического, политико-экономического, технического, ремесленного и профессионального образования, его умственного, нравственного и художественного воспитания, физического укрепления и всемерной самозащиты и самообеспечения как экономического, так и юридического.

Посему мы, Всерайонный Совет Петроградского Пролетарского Юношества, чтобы достигнуть этого, объявляем нашими ближайшими задачами деятельности:

1. Основание возможно большего количества «Школ Грамотности».
 2. Создание «Вольного Университета Пролетарского Юношества».
 3. Учреждение «Дома Труда и Самозащиты Пролетарского Юношества».
 4. Основание «Политехнической и Ремесленно-Промышленной Академии Пролетарского Юношества» для усовершенствования во всякой специальности.
 5. Устройство «Школы-Общины (Летнего Поселка Отдыха) Сельскохозяйственных знаний», «Школы Медико-Санитарных Знаний», для правильного ухода за жилищем, здоровьем и детьми, «Школы Домоводства и Домашнего Хозяйства» (для девушек) и «Ремесленно-Профессиональной Школы Девушек-Пролетариев».
 6. Учреждение «Литературного Дома Пролетарского Юношества» с оборудованной типографией для издания собственных повременных органов: газеты «Голос Молодого Пролетариата» и журнала: «Труд и Свет» и для распространения в среде пролетарского юношества возможно-большого количества, возможно-дешевых книг и брошюр научного и литературно-художественного содержания.
 7. Создание «Художественной Школы Пролетарского Юношества», для развития в нем чувства прекрасного—любви ко всему изящному и стремления к развлечениям высшего свойства.
 8. Основание собственного «Молодого Пролетарского Театра с митинг-концертным залом».
 9. Устройство «Клуба водных и сухопутных, спортивных и гимнастических состязаний».
 10. Организация экскурсий за город и за границу.
- На таких началах и основах мы, Всерайонный Совет Петро-

градского Пролетарского Юношества, объявляем своей заветной целью культурно-политические задачи.

Пролетариат - отец, твой долг дать пролетариату - сыну светоч всемогущей науки и диплом рабочего - мастера.

Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Министры-Социалисты, ваш долг поддержать Грядущий Пролетариат Родины вашим нравственным авторитетом и материальной властью.

Товарищи девушки и юноши-пролетарии, призываем немедленно примкнуть и сплотиться вокруг Районных Комитетов Юношей.

Да скроется сумрак, да здравствует свет!

Мы—вестники новых времен.

Весна молодая идет нам во след.

Под сенью несчетных знамен...

Вменяется в долг каждой девушке и юноше - товарищу, выбранным в свой Районный Комитет Юношей, настоящий Манифест знать, прочитать своим товарищам-выборщикам и распространить в своем районе и о последовавших результатах Всерайонному Совету доложить.

Единогласно издается в Петрограде, года 1917, месяца июня, дня 16.

(Состав. июня 10).

Председатель: Петр Шевцов.

Товарищи Председателя: Гр. Дрязгов, Ал. Бурмистров.

Секретарь: Алексей Соколов.

Выдержки из программы «Труд и Свет»

Особые положения

§12.

1. Все члены Всероссийского Совета должны на заседаниях сохранять полную беспартийность, уважать мнения каждого оратора, соблюдать порядок записи речей, не касаться партий и лиц, без особого на всякий случай разрешения председателя Всер. Совета, и безусловно подчиняться большинству.

2. Несоблюдение сего пункта (1-го) считать обструкцией.

3. Неподчинение требованию большинства в лице председателя—считать ликвидаторством.

4. За то и другое неповиновение член Всер. Совета исключается из него, сначала на несколько заседаний, а по второму разу—вовсе.

5. Относительно сделанных постановлений держать нерушимое единение, твердую солидарность и без осведомления В. Совета от происков или интриг личных врагов или врагов партийных со своего поста во В. Совете не уходить до расследования дела.

6. В единении—сила.

Всякая победа—в организации, но организация прежде всего в единении духовном или принципиальном.

Сознание собственной правоты и сознание необходимости самопожертвования ради идеи для грядущего пролетариата-брата, свободного, всемогущего—вот что должно руководить поступками и двигать умом и совестью каждого депутата-товарища.

Программа Социалистического Союза Рабочей Молодежи Нарвского района ¹⁾

а) Политические требования

1. Признание гражданского совершеннолетия с 18 лет и право выбора с этого возраста в Учредительное собрание.
2. Уравнивание девушек в гражданских правах с юношами.
3. Обязательное всеобщее и бесплатное образование и доступ всем сословиям в любое учебное заведение.
4. Право выбора подростков в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов своих представителей.

б) Экономические требования

1. Восьмичасовой рабочий день для рабочих.
2. Сокращение рабочего дня до 6 часов для подростков в возрасте до 18 лет.
3. Запрещение для подростков ночного труда.
4. Запрещение эксплуатации подростков до 16 лет и вообще детского труда.
5. Право избрания в цеховые фабрично-заводские комитеты и в другие организации представителей от рабочей молодежи и оплата их труда за время, занятое по организационным вопросам

¹⁾ Программа эта разрабатывалась Васей Алексеевым и Иваном Скоринко.

И. Скоринко

Ильич и „Труд и Свет“

Однажды, после собрания в нашем районе представителей заводской молодежи, на котором была принята «ужасная» Временное Правительство резолюция (в ней попутно мы ругнули и «Труд и Свет»), я был делегирован в редакцию газеты «Правда» передать эту резолюцию для напечатания в газете.

Придя туда и спросив кого-либо из редакции, я был впущен в одну комнату, где увидел небольшого роста человека, читавшего газету.

При моем входе он отвлекся от газеты и спросил, довольно любезно, о цели моего прихода. Я показал ему принесенную резолюцию.

Товарищ прочел ее очень внимательно, улыбнулся и спросил, кто ее писал и почему мы ругаем «Труд и Свет».

Будучи «бойким» и к тому же «активным работником», я, сгорая от авторского самолюбия, сказал, что резолюция моя, а «Труд и Свет» мы ругаем, потому что на наш взгляд эта организация «портит классовое самосознание и отвлекает нас от дела наших отцов по революции».

Товарищ заинтересовался и стал об юношеских организациях расспрашивать более подробно. Узнав, что наш рабочий район вышел из всерайонного комитета «Труд и Свет», он заволновался и несколько раз повторил, что этого делать не следует.

— Наоборот, нужно на собраниях раскрывать планы П. Шевцова и указывать молодежи, что они и П. Шевцов говорят на разных языках...— так говорил мне товарищ.

Тогда же он мне преподал несколько советов по ведению политической полемики и фракционной борьбы.

Чуть ли не бегом помчался я к себе в район и, отыскав Васю Алексея, рассказал ему о беседе.

Во время рассказа Вася попросил меня описать наружность того товарища, который со мной говорил, и когда я это сделал, Вася стал меня уверять, что это был никто иной, как тов. Ленин.

Ленина я еще в то время не видел и согласиться с Васей Алексеевым не мог. Но когда впоследствии я увидел тов. Ленина, то убедился, что об юношеской организации в редакции «Правда» со мной говорил тов. Ленин.

Устроив экстренное совещание по вопросу о всерайонном комитете, наше организованное бюро, согласно указанию т. Ленина постановило вновь войти в комитет с целью его разрушения и создания во всем Петрограде единого Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

С этого дня наш район сделался официальным оппозиционером, о чем Васей Алексеевым было указано в декларативном заявлении на заседании всерайонного комитета.

На каждом заседании наш лидер, Вася Алексеев, раскрывал сущность организации «Труд и Свет», вставая на ножи с П. Шевцовым в области принципиальных вопросов.

Васе помогали и мы. Помимо выступлений, мы вели и индивидуальную агитацию, которая по одному человеку еженедельно вырывала из рядов «Труд и Свет» и усиливала наши ряды.

Резолюция.

В июне 1917 года принята на собрании делегатов от юношей, работающих на заводах Нарвско-Петергофского района следующая резолюция:

Мы, представители 60 чел. от трудящихся юношей, работающих на заводах и фабриках Нарвско-Петергофского района.

Обсудив то, что несмотря на завоеванную свободу слова и на демократический строй России, наше коалиционное министерство с близкими из Цертелля, Скобелева, Чернова, Керенского и Пышконова, проводить политику буржуазии, расформировывать полки, отказывающихся идти на войну или чуждым нам целям и допускать такое насилие над свободой граждан, как арест без суда и следствия сотрудника «Окопной Правды» тов. офицера Хаустова за его статью против кровавой бойни и также арест товарища Харитонова (комис. Коломенского района), который по своим убеждениям не мог арестовать тов. анархистов, горячо протестуем против такого образа действия нашего коалиционного министерства с бывшими социалистами и требуем немедленно выпустить всех арестованных за свои партийные убеждения и издать постановление, чтобы не было арестов, которые сейчас практикуются на Невском, как-то, арест тов. анархистов, большевиков и также всех интернационалистов. Затем протестуем против той травли, которую поднял господин с Невского на тов. Ленина, Зиновьева и также на все крайние левые партии: анархистов, большевиков и также на тех меньшевиков и соц-рев. которые держатся платформы Циммервальда и которые стоят за единство в дни Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и требуют прекращения кровавой бойни, которая ведет страну к нищете и голоду и уносит миллионы революционной демократии.

Резолюция принята единогласно.

Председатель А. Зернов.
За секретаря Ив. Скоринко.

Союз молодежи ¹⁾

Буржуазные педагоги очень много говорят и пишут о необходимости «гражданского воспитания» молодежи, при чем под гражданским воспитанием они понимают воспитание уважения перед частной собственностью, перед существующими государственными порядками, воспитание шовинизма (или, как они говорят—патриотизма), презрение к чужим нациям и т. д. Чтобы укрепить все эти чувства в детях, они стараются устраивать всякого рода союзы молодежи, вроде «бой-скаутов», в которых молодежь с ранних лет могла бы упражняться в этих чувствах. Дети рады, что им дается возможность приложить к чему-нибудь свои силы, проявить свою активность, ловкость, сообразительность, и совершенно не замечают и не понимают, какой яд вливают при помощи этих союзов в их души. Это—яд буржуазного мировоззрения, буржуазной морали. Это—яд, который делает молодежь неспособной принять участие в великом освободительном движении, которое освободит весь мир от гнета эксплуатации, уничтожит деление на классы и даст всему человечеству возможность счастливого существования. Результаты такого гражданского воспитания мы видели у нас в России, в Питере, когда учащиеся средних учебных заведений вовлекли в демонстрацию в защиту Временного Правительства, и, окруженные враждебной рабочему классу толпой, они шли среди котелков и разряженных дам и присоединялись к тем, кто говорил о том, что Ленин при помощи немецких денег подкупил рабочих, кто ругал социалистов мерзавцами, кто избивал ораторов за то, что они имели мужество во враждебно настроенной толпе открыто выражать свои мысли. Молодежь уверили, что она исполняет свой гражданский долг, демонстрируя с этой враждебной рабочему классу толпой.

Не всякий союз молодежи хорош, есть союзы молодежи, которые, может быть, доставляют много удовольствия детям, но которые развращают их.

Есть другое «гражданское воспитание». Это гражданское воспитание, которое дает рабочей молодежи жизнь. Она воспитывает в них великое чувство пролетарской классовой солидарности, делает для них близким, дорогим, полным глубокого смысла лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», ставит их в ряды борцов «за братский мир, за святую свободу». Рабочая молодежь всех стран образует свои пролетарские союзы молодежи. Они объединены в единый «Интернационал Молодежи», который идет рука об руку с рабочим классом, ставит себе те же цели. Интернационал Молодежи не распался во время войны. И среди кровавой бойни он призывал рабочую молодежь всех стран в свои ряды, звал к борьбе.

Германской секцией «Интернационала Молодежи» долгое время руководил Карл Либкнехт, так мужественно выступивший против теперешней грабительской, хищнической войны, открыто бросивший упрек в лицо правительству собственной страны и приговоренный за это к каторге. Когда, вслед за женской международной конференцией в 1915 году, была созвана Международная Конференция Рабочей Молодежи, от Российской секции Интернационала Молодежи не могло быть правильного представительства. Не могло быть потому, что при самодержавии рабочие и работницы-подростки не могли создать правильной оформленной организации и потому еще, что война так затруднила сношения между странами, что не было возможности снестись с Россией. Но ЦК Р. С.-Д. Р. П. послал на эту конференцию своего делегата ¹⁾, чтобы заявить от имени рабочей молодежи России, что она всем сердцем с рабочей молодежью всех стран, что она идет с ней под общим знаменем Интернационала. И Ц. К. не ошибся: это доказали заводские ученики и ученицы Петрограда, уже объединившие в своих рядах около 50 тысяч. Они положили начало Российской секции «Интернационала Молодежи», они зовут к объединению всю рабочую молодежь, не только работающую на фабриках и заводах, но и ремесленных учеников и учениц и торговых мальчиков, и маленьких газетчиков, всех тех, одним словом, кто с юных лет вынужден продавать свою рабочую силу. Они зовут присоединиться к ним рабочую молодежь Москвы, Московской области, Екатеринослава, Харькова, словом, всей России. Они зовут их всех к борьбе за лучшее будущее, к борьбе за социализм.

¹⁾ В состав делегации входили т. т. Инесса Арманд и Г. И. Сафаров. сейчас редактор Ленинградской «Правды».

Борьба за рабочую молодежь

За кем рабочая молодежь,—за тем будущее. Зная это, социалисты всех стран идут в среду юношества и ведут там свою пропаганду. Они идут туда с открытым забралом, не скрывая своих взглядов и того, кто они. Они ясно и определенно говорят, чего они хотят, говорят, за что они борются. Они говорят рабочей молодежи: «Вы—дети пролетариата, вам предстоит впереди тяжелая борьба. Чтобы победить в этой борьбе—надо быть сознательными, организованными, ясно видеть, куда идешь. И чем раньше поймете вы, в чем задачи пролетариата, тем лучше. Работая на фабриках, на заводах, вы и теперь, волей-неволей, самой жизнью вовлечены в классовую борьбу пролетариата, вы не можете от нее оторваться, не изменив классовой солидарности». Юношеские социалистические организации в Западной Европе представляют собой пролетарские организации, и их газеты и журналы носят вполне определенный политический характер.

Буржуазные партии хотят отвлечь рабочую молодежь от партии пролетариата, ослабить классовый характер их организации.

Но прямо, открыто звать к этому они не смеют, они знают, что сделай они это прямо, рабочая молодежь просто отвернулась бы от них. И потому они идут к молодежи не под видом членов той или иной партии, а чаще всего просто под видом добрых, сочувствующих молодежи людей. Пользуясь доверчивостью молодежи, они стараются прежде всего приобрести их расположение, они прямо не говорят, что рабочая партия плоха, но говорят: «товарищи, вы еще не зрелы, вам рано еще заниматься политикой, рано навешивать на себя ярлык, надо сначала поучиться, приобрести знания, и только тогда вы можете сознательно решить, к какой партии вы принадлежите, не давайте влиять на себя, охраняйте свою индивидуальность, независимость». И часто товарищи-подростки идут навстречу этим призывам, сознавая,

как мало они знают, как много им надо еще учиться, они считают, что говорящий так—прав. Они не замечают, какая грубая лесть заключается в этих словах. «Охраняйте свою духовную независимость». Разве человек малознающий может охранить свою духовную независимость? Ему предлагают вместо политики заниматься историей, литературой и пр. Но в каждой исторической книжке, в каждой истории литературы отражается мировоззрение того, кто эту книгу написал. В историческую книжку, написанную буржуазным писателем, вложены мысли этого буржуазного писателя, и они влияют на того, кто эту книжку читает. Значит, и при помощи исторических или литературных книжек можно тоже оказать влияние на малознающего юношу.

Не разбираясь в окружающем, он и не заметит этого влияния. Буржуазия так и старается чаще всего повлиять на молодежь: не прямо, не открыто, а тайком.

И такое влияние самое худшее. Тот, кто говорит:—«Вам рано заниматься политикой, не давайте никому влиять на себя», в сущности, говорит:—«Не давайте никому влиять на себя, кроме меня и моей партии».

Организация молодежи в России только складывается. Первые шаги—самые важные, самые ответственные. От них в значительной степени зависит то, по какому пути пойдет все движение: будет ли организация молодежи в России организацией пролетарской, пойдет ли она рука об руку с рабочей организацией своей страны и с Интернационалом Молодежи и будет издавать свой пролетарский орган, где простым, понятным языком будут обсуждаться все вопросы экономической и политической борьбы, или же организация рабочей молодежи оторвется на время от рабочего движения, станет издавать орган культурно-просветительного характера, с сильно выраженным буржуазным влиянием, где будут обсуждаться разные отвлеченные вопросы. В первом случае Петроградской организации рабочей молодежи предстоит, вероятно, почетная роль сплотить около себя всю рабочую молодежь России, во втором—наделать ряд ошибок и на время задержать развитие организации. Мы не сомневаемся, что революционная пролетарская молодежь Петрограда пойдет по первому пути.

¹⁾ «Правда» № 57 от 27 мая 1917 года. Статья направлена против Шевцова, руководившего тогда организацией «Труд и Свет».—Для понимания сущности политики Шевцова—см. выше выдержки из программы «Труд и Свет».—Рабочая молодежь пошла по тому пути, который советовала Н. К. на I-м съезде. Питерской организации принадлежало предложение назвать союз Коммунистическим.

Н. Крупская

Как организовать рабочую молодежь ¹⁾

Со всех концов России в «Правду» обращаются с запросами, как организовать рабочую молодежь. Желание организовать у молодежи горячее, но так как дело это новое, то молодежь часто не знает, как за него взяться, ставит себе задачи слишком широкие, «например, выработать самостоятельно какую-то программу партии», то слишком узкие, «наприм., чисто культурно-просветительные цели». Для того, чтобы организация пошла по правильному пути, надо выработать общий устав, обсудить его сообща на делегатских и др. собраниях молодежи, потом дружно проводить его в жизнь. Устав надо принимать не торопясь, хорошенько обдумать все, потому что, если какая-нибудь организация поторопится, примет неудачный устав, это затруднит дело слияния рабочей молодежи России в один общий союз. И в партиях уставы принимаются обдуманно, общими собраниями после обсуждения разных проектов, взвешивается каждое слово, каждый параграф. Для молодежи это дело особенно трудное, так как знания у молодежи еще мало, знакомства с уставами разных партий нет, выражаться точно она не привыкла. Чтобы помочь рабочей молодежи выработать общий устав, предлагаю обсудить такой проект его.

Устав союза рабочей молодежи России

§ 1. Рабочая молодежь всей России, все мальчики и девочки, юноши и девушки, живущие продажей своей рабочей силы, какой бы веры они ни были, на каком бы языке ни говорили, организуются в один «союз рабочей молодежи России».

Что в союз входят подростки без различия пола, религии и национальности, необходимо непременно оговорить, а то союз молодежи какого-нибудь города может вдруг постановить, что не надо принимать девочек, или латышей, поляков или евреев, татар и т. п. Это повредит делу объединения и будет нарушением принципа братства всех трудящихся.

§ 2. «Союз рабочей молодежи России» ставит себе целью готовить из своих членов свободных, сознательных граждан, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала.

Эту цель необходимо подчеркнуть. Это великая цель, которая воодушевляет рабочих всего мира. Не может она не воодушевлять и молодежь, которая так отзывчива на все великое, честное, хорошее. Не может она не воодушевлять в особенности молодежь России, которая так недавно еще была свидетельницей, а отчасти и участницей революции. Нельзя быть пролетарской организацией, не ставя себе этой цели.

§ 3. Так как Интернационал Молодежи, куда входит рабочая молодежь всех стран, ставит себе ту же цель, и так как «союз рабочей молодежи России» верен лозунгу «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», то он примыкает к Интернационалу молодежи, объявляет себя секцией (частью этого Интернационала).

Буржуазные правительства вовлекли рабочих в грабительскую, братоубийственную войну, направили рабочих одной страны на рабочих другой, заставили их стрелять друг в друга, резать друг другу глотки. Рабочая молодежь не может сочувствовать этому. Ее лозунг: Братство Всех Народов, поэтому в своем уставе «союз рабочей молодежи России» должен подчеркнуть свою братскую солидарность с рабочей молодежью других стран.

§ 4. Чтобы быть полезными борцами за рабочее дело, рабочей молодежи нужны силы, здоровье.

С этой целью рабочая молодежь должна: а) вести уже теперь борьбу за охрану детского труда, требовать 6-час. раб. дня, здоровых условий труда, отмены ночной работы подростков, медицинской помощи и проч.; б) вести работу за повышение заработной платы, где она недостаточна для того, чтобы дать молодому рабочему или работнице возможность есть сытную, здоровую пищу, жить в чистом, теплом, сухом помещении и проч.; в) так как эту борьбу подростки могут вести только при поддержке взрослых рабочих, а с другой стороны, и взрослые нуждаются в их поддержке, то подростки должны посылать своих выборных в советы старост, вступать в профессиональные союзы и вообще идти рука об руку со взрослыми рабочими в борьбе за улучшение своего экономического положения.

§ 5. Чтобы быть сознательными борцами за лучшее будущее, молодым рабочим и работницам нужно как можно больше знаний; поэтому: а) союз рабочей молодежи России требует всеобщего дарового обязательного обучения до 16-ти лет, б) устройство библиотек, читален, курсов, научных кинематографов и проч.; в) рабочая молодежь сама не медля же берется за организацию кружков самообразования, летучих библиотек, клубов, экскурсий и проч...

Все эти занятия должны быть направлены так, чтобы они служили основной цели, будили классовое самосознание молодежи, давали бы ей возможность разобратся в окружающей действительности при происходящих событиях, давали бы возможность судить, опираясь не только на чужие слова, но и на собственные знания.

§ 6. Рабочей молодежи нужны не только знания, но и умение организовываться. Самостоятельные союзы рабочей молодежи являются лучшим средством выработать организационные навыки. Поэтому все кружки самообразования, клубы, читальни и проч., не говоря уже о самой организации, должны быть построены на основах самоуправления, должны давать возможность широкого развития самостоятельности.

Сознательность и привычка в организации необходимы рабочей молодежи для того, чтобы она могла с честью выполнять те великие задачи, которые возложат на нее разгорающиеся мировые события.

Примечания:

¹⁾ Эта статья Н. К. Крупской, помещенная в «Правде» № 75, 20 июня 1917 г. («Правда» была единственной газетой в 1917 г., помещавшей статьи о движении молодежи) играла очень большую роль для развития нашего союза; целый ряд организаций создались и оформились под влиянием этой статьи.

Э. Л.

Как мы организовали союз социалистической рабочей молодежи

1.

Это было в 1917 году.

Прочел я в газете «Правда», что в клубе «Объединение» состоится собрание протеста против лишения избирательных прав молодежи с 18 до 20 лет. На собрание приглашалась вся молодежь указанных возрастов.

— Надо пойти,—решил я,—ведь мне тоже только 19 лет.

Собралось молодежи что-то около 80 человек. Когда я пришел, на трибуне громко ораторствовала Екатерина Пылаева. Она делала это так пылко и с таким воодушевлением, что в зале перестали шелкать вездесущие даже тогда семечки.

— Мы не можем допустить, чтобы молодежь лишилась избирательных прав,—говорила она.—Разве наших братьев и сестер не эксплуатируют наравне со взрослыми?

— Правильно, товарищ. Правильно,—неслось из зала в ответ на эти слова оратора.

Речь Пылаевой слушатели покрыли бурными аплодисментами.

Затем высказались еще несколько товарищей. Их речи были не менее громкие, хотя и повторяли содержание первой.

— Да, надо протестовать. Но как?

Настал момент принятия практических мероприятий.

Предложений было много. Но все они были неосуществимы за отсутствием средств.

Можно было, конечно, пройтись по улице с пением революционных песен, но вряд ли это оказало бы воздействие на Временное Правительство,—так думали мы.

Из плоскости вопроса об избирательных правах для молодежи вопрос постепенно перешел на общее экономическое положение рабочих-подростков.

— С нами не хотят считаться даже наши же товарищи, взрослые рабочие.

— Надо организовать,—раздались крики из зала собрания.

— Правильно. Организоваться. Ни денег, ни помещения. С чего начать?

Все пожелания разбивались об эти материальные препятствия.

— А знаете что,—говорю я.—Давайте, организуем платный митинг-концерт. Помещение раздобудем бесплатно. Музыкантов и ораторов—тоже. А с вырученными деньгами начнем работать.

Предложение это понравилось всем. Тут же было решено митинг посвятить вопросам организации молодежи, на самом митинге произвести запись желающих вступить членами в ряды нашего союза.

— А в какой? Надо придумать название новому союзу.

— «Союз Молодежи Трудящихся».

— «Союз Несовершеннолетних».

— «Кружок Революционной молодежи».

— «Буря».

— «Пламя».

— «Союз Социалистической Молодежи».

Предложения ставятся на голосование, и большинством голосов наш союз получает название «Социалистический Союз Молодежи».

— Позвольте,—говорит один паренек,—позвольте поправочку. Молодежь-то всякая бывает, ежели даже и социалистическая. Потому нам нужно еще добавить, что именно рабочая молодежь.

Поправка эта вызывает бурные прения.

Дело в том, что на собрании присутствует часть учащейся молодежи Петрограда, которая не хочет остаться за бортом нового союза.

Наконец, достигается соглашение, по которому допускаются в союз те учащиеся, которые сейчас участвуют на организационном собрании.

— А больше принимать не будем. Мы—рабочая молодежь.

После этого принимается предложение союзу именоваться «Социалистическим Союзом Рабочей Молодежи».

Для организации митинга и дальнейшей организационной работы на этом собрании был избран организационный комитет в составе семи лиц.

2.

Из семи избранных товарищей на заседание комитета (у дверей клуба «Объединение») явилось только трое: Пылаева, Рывкин и я. В дальнейшем еще один из нас (Рывкин) не мог принимать участия в практической работе (он где-то служил и был постоянно занят).

Зато Пылаева и я целиком отдались новому делу.

Перво-наперво дело стояло за помещением. Выбор пал на цирк «Модерн», где постоянно устраивались митинги, лекции и собрания. Этот цирк мог вместить несколько тысяч человек. Пошли к сторожу цирка, записались в очередь (так просто), и помещение цирка было обеспечено за нами.

Труднее дело было с ораторами.

Что за ораторами надо было обратиться в партию большевиков, в этом мы ни на момент не сомневались, так как и Пылаева и я были уже членами партии.

Пришли во дворец Кшесинской. Направились в комнату секретаря Петроградского Комитета Партии. За столом секретарь—тов. Бокий.

— Вам чего?

— Товарищ, давайте ораторов. У нас митинг-концерт.

— Где это—у вас?

— У нас—у «Социалистического Союза Рабочей Молодежи».

А мы—организационный комитет этого Союза.

— Вот как,—удивился т. Бокий и стал расспрашивать нас насчет юношеской организации «Труд и Свет». Узнав, что мы члены партии,—обрадовался.

— Ладно. Пришлем обязательно.

— Только таких, которые поосновательнее.

— Ладно, ладно...

Вышли мы из комитета радостные. Был солнечный день, веселый. На башенке дворца Кшесинской алел флажок: «Р.С.Д.Р.П. (б)». Осталось еще найти музыкантов и заказать афишу о митинге.

Тут мы действительно набегались. Музыкантов можно было достать только в воинских частях, при чем надо было найти такие воинские части, где в полковых комитетах было большинство большевиков.

— А то не дадут нам.

Исходили мы всю Петроградскую сторону и Васильевский остров—нигде ничего: то заняты, то деньги вперед требуют, то просто не дают, или требуют:

— Напишите бумажку, от какого вы учреждения.

А у нас ни бумажек, ни учреждения. Одно только название Союза.

Наконец, на Выборгской стороне в одной из казарм нам повезло. Капельмейстер оказался бородатым, добродушным большевиком.

— Митинговать хотите? Ишь—тоже. Ну, да ладно. Человек восемь пошлем, пусть сыграют. А бесплатно нельзя,—никто не хочет идти даром.

Уговорились, что оркестр пойдет за восемь рублей с уплатой после выручки от продажи билетов на митинг.

Осталось заказать афишу. Но ни одна типография не бралась сделать ее нам в кредит. Обращались даже в типографию партийной газеты «Правда».

— Не можем,—говорили там,—заняты.

— Что делать?

Тут я вдруг вспомнил, что у меня один приятель работает в маленькой типографии, на углу Фонтанки и Забалканского проспекта.

Понеслись мы почти бегом к нему. Долго пришлось уговаривать приятеля, чтобы он тайком от хозяина напечатал нам двести экземпляров небольшой афиши. Наконец, он согласился. Пошли вместе чай пить. Убедили окончательно паренька. Дело с афишами, стало-быть, было в шляпе.

Тем временем наш Союз временно приютился в клубе «III Интернационала», членом которого я состоял тогда. С помощью этого клуба мы раздобыли красную материю, и на ней вышили белыми буквами первое название нашего Союза.

Этот плакат-знамя в день митинга висел на дверях цирка «Модерн», а затем был повешен на трибуне.

Молодежи на наш митинг собралось много, главным образом, из Петроградского и Выборгского районов.

В Выборгском районе в это время шли разногласия между членами юношеской организации «Труд и Свет».

Выступали на нашем митинге товарищи партийцы-большевики: Рахья, Степанова, Слуцкий, Харитонов.

В конце митинга я обратился к молодежи с призывом записываться в Социалистический Союз Рабочей Молодежи.

Запись желающих организовали тут же, в цирке. Записалось около полтораста человек. Записавшимся я раздал заранее приготовленные записочки с адресом клуба «III Интернационала» и с назначением там же, в клубе, на следующий день, понедельник 3 июля, общего собрания всех записавшихся.

Молодежь долго не расходилась из цирка «Модерн», усиленно дебатировав организационные вопросы и расспрашивая нас о целях и задачах нового союза рабочей молодежи Петрограда.

Н. К. Крупская

Письмо в Москву

Дорогие товарищи!

Получила через «Правду» ваше письмо и пользуюсь okazji, чтобы переслать вам ответ, ибо письма идут непомерно долго. Расскажу о положении дел в Петербурге. Среди учащихся средних учебных заведений ведется очень определенная буржуазная пропаганда, со специальным натравливанием на большевиков. Учащиеся принимают участие в кадетских демонстрациях за Временное Правительство и т. д. Из всей массы учащихся средне-учебных заведений выделился лишь сравнительно небольшой «Союз Социалистической Молодежи». Туда входят и социал-демократы, и анархисты, и эс-эры. Считают они в своих рядах несколько сот, но активных членов—человек 100, из них большевиков—человек 6—10. Адрес их ЦК такой: Владимир Абр. Тартаковский, Таврическая, 11, кв. 6.—Петроград.

Рабочая молодежь организовалась отдельно—под влиянием местной организации считают они организованной рабочей молодежи тысяч 50. Каждый район организовался отдельно. Каждый завод посылает своего делегата в районный комитет молодежи. Всех районов—8 (не все районы его организованы, вообще-то их в Петрограде больше). Каждый район из своей среды посылает делегатов в Центральный Совет Юношества. Надо сказать, что в Петрограде со стороны может показаться не очень отрадным,—молодежь настроена очень революционно, ведет энергичную работу, среди них, как очень сильной публики, много здорового пролетарского инстинкта, но не знают они еще меры своих сил.

Затребовал от них Совет Раб. и Солд. Деп. устав. Чтобы писать устав—нужен опыт; советчиком к ним попал какой-то нелепый тип, мнящий себя великим писателем, не то эс-эр, не то про-

сто либерал. И соорудили они нелепый устав, при чем, когда пришлось с нами говорить, вложили они в него совсем не то, что там написано. Есть еще и другое—не знают меры своих сил. Если кто будет судить по уставу, отнесется к петроградскому союзу молодежи отрицательно, но все это дело поправимое, и питерская молодежь стоит на правильном пути. Скоро выпустим в книгоиздат «Прибой»—брошюру по вопросу, как организоваться рабочей молодежи.

Думаю, что рабочей молодежи и учащимся надо пока что организоваться отдельно. Тем из учащихся, которые вполне разобрались в партийных вопросах, следует входить в союзы рабочей молодежи и работать там, но стремиться слить организацию учащейся и рабочей молодежи не следует,—у них разная среда, разные интересы, возникает много недоразумений, не вполне определившаяся публика из учащихся будет вносить нежелательный дух в рабочие организации. Организациям рабочей молодежи придавать чисто партийный характер не следует, так как в такие организации необходимо втянуть самые широкие слои рабочей молодежи. Молодежь очень старательно охраняет свою независимость, боится навязывания каких-либо взглядов со стороны и проч. Из этой здоровой боязни вытекают часто наивные задачи, которые она себе ставит. Например, петроградская рабочая молодежь собирается выработать свою собственную программу. Конечно, в ходе работы найдена будет мера сил, по существу же стремление к независимости во взглядах—стремление здоровое. Очень обяжете, товарищи, если будете писать подробно, как обстоит дело с организацией рабочей молодежи в Москве.

С товарищеским приветом: Н. Крупская.

30/V 1917 г.

2-я Ленинградская общегородская конференция партии

(3-го июля 1917 г.)

Тов. Крупская в своем докладе указала собранию, что вопрос об организации молодежи—важный вопрос, не разрешенный до сих пор не только у нас, но и на Западе. По последнему подсчету Международного Социалистического Бюро в 1915 г. на 17 стран насчитывалось около 120.000 организованной молодежи, находящейся под социалистическим влиянием. Между тем буржуазные организации молодежи насчитывают значительно большее количество организованных членов. На Конгрессе 1915 г. указывалось на недостаточную самостоятельность организаций молодежи. Только в пяти странах организациями управляла сама молодежь, в остальных же управление принадлежало взрослым, которые вырабатывали весь план занятий молодежи. К этим странам относится и Германия, где организациями молодежи руководила партия, выделяя для этого комитеты из партийных членов. Этим объясняется, почему организация молодежи не приняла в этих странах массового характера.

Переживаемый революционный момент привел петроградскую рабочую молодежь к сознанию необходимости создать свои организации. Наши организации молодежи насчитывают до 50.000 организованных по районам членов. Организация поставлена таким образом: представители от заводов образуют районные комитеты, представители районных комитетов избирают на 1½ месяца Центральный Комитет. Всю эту организационную работу молодежь провела самостоятельно. Дав ей право на самостоятельность, партия совершенно не обращала внимания на эту организацию.

Это дало возможность втереться в Центральный Комитет организации типу из «Маленькой Газеты», окружавшему себя

ореолом таинственности и беспартийности. Этот тип, которого они выбрали делопроизводителем Центрального Комитета, пишет им уставы, статьи, программы. Классовый инстинкт подсказал молодежи недопустимость линии, проводимой их делопроизводителем, и среди них раздается определенный протест против него. Классового самосознания у молодежи еще нет, но классовый инстинкт сказывается в их действиях сильно. В духе этого пролетарского инстинкта и раздаются горячие речи их ораторов, которых среди них довольно много. Кто слышал 1-го мая речи 13—14-летних юношей, тот не усумнится, как много в них вложено пролетарского инстинкта. Во всех странах буржуазия старается оторвать молодежь от рабочих. В Германии, например, молодежь до 18-ти лет не имеет права участвовать на политических собраниях. Буржуазный писатель (Киршенштейн) доказал, что для охлаждения юношества необходимо подчинить его влиянию вождей, т.е. оппортунистов германской с.-д. партии. Связь между организациями молодежи и взрослых, несомненно, должна быть самая тесная. Но, принимая во внимание то обстоятельство, что активную роль молодежь будет играть только в своих юношеских организациях, и что активность имеет более воспитательное значение,—надо давать им полную самостоятельность своих организаций. Благодаря тому, что мы оставили свою молодежь без внимания, она наделала много ошибок при выработке своего устава. Например, от вступающего в союз требуется «хранить свою беспартийность до совершеннолетия», но сами толкуют это только так, что прием в союз у них производится на основе принадлежности к какой-нибудь партии, что союз их—беспартийный. Контакт между партийными организациями молодежи должен быть самый близкий. Мы должны рекомендовать заводам внимательное отношение к заводской молодежи. На одном заводе Выборгской стороны совет старост отказался принять представителя от союза молодежи. Юноши отправились искать правды в Исполнительный Комитет Совета. Чхеидзе их приветствовал, но помочь им отказался. Дружеское отношение к молодежи необходимо, иначе молодежь отойдет от нас. Считаясь с уровнем знания и понимания нашей молодежи, мы не можем настаивать на партийности союзов молодежи, пусть их организации будут беспартийными. Наша задача помочь молодежи в ее занятиях.

Союз Выборгской стороны образовал 8 научных, довольно мудреных секций, спор о которых показал, что молодежь стоит на здоровой пролетарской почве. Мы можем влиять на молодежь, но форсировать ее развитие мы не должны. Сейчас они приняли, под влиянием их делопроизводителя Шевцова, устав чисто буржуазной организации, но пролетарский инстинкт молодежи заставляет ее толковать этот устав совершенно иначе, и надо дать их отношению к уставу перебродить... Достаточно, что по духу их организация является чисто пролетарской, связанной с Интернационалом

Молодежи. Нашей задачей является создание из молодежи активных работников.

Выступавший по докладу тов. Крупской тов. Харитонов указывает, что цифра 120.000 членов в союзах молодежи 17 стран потому так мала, что Интернационал Молодежи создан накануне войны и работал в крайне тяжелых условиях. В Западной Европе два типа организаций молодежи: 1) зависимый от партии, с которой он связан. Все посты в организации заняты там партийными чиновниками; 2) самостоятельные организации, находящиеся только в формальной связи с партией. В Германии, где существует первый тип организации, союз молодежи насчитывает 100.000 членов, при 1.000.000 членов партии, что составляет около 10%; в Швейцарии, где второй тип, 10.000 членов союза молодежи при 20.000 членов партии, что составляет около 50%. Везде, где организации молодежи самостоятельны, как в Швейцарии и скандинавских странах, там они носят массовый характер, и наоборот,—страны, как Америка и Германия,—несамостоятельные организации. Деление на эти два типа организации не случайное. Оппортунисты всегда стремились держать молодежь, как более революционную, в ежовых рукавицах. Война доказала правильность этого положения: везде, где организации юношества были самостоятельны, там они служили оплотом революции. В Гамбурге союз молодежи оказался на положении преследуемого со стороны с.-д. партии.

Принимая во внимание опыт завода, мы должны стремиться, чтобы наши организации молодежи были самостоятельными. Центральный Комитет нашего союза молодежи насчитывает за собой около 50.000 членов, но масса эта еще не вполне закреплена и не получила в некоторых районах определенной формы организации. Своим невниманием мы толкнули ее в объятия либерала Шевцова. Еще до появления к ним меня и т. Крупской юноши чувствовали что-то не совсем ладное во всей организации. Районные союзы, Петергофский, Нарвский, Александро-Невский, Васильевостровский, Коломенский и др. уже сговариваются об удалении Шевцова. Последний опирается на союз Выборгского района. Наметилось стремление создать новый центр, не считаясь с тем, что сделано уже старым. Я считаю этот шаг неправильным с точки зрения единства союза. Интернациональная комиссия ПК выделила комиссию, занявшуюся вопросом организации молодежи. В этой комиссии наметилось три точки зрения: 1) тов. Крупской—массовая самостоятельная организация пролетарской молодежи; 2) тов. Рахья,—исходящего из опыта Финляндии,—организация молодежи при партии и 3) моя,—организация социалистической молодежи с определенной программой. У нас целый ряд социалистических течений, и было бы нелепо требовать от молодежи определенного к ним отношения, но если союз будет иметь социалистические задачи, несомненно, он будет служить подготовительной школой для создания работников нашей партии.

И. Скоринко

В семнадцатом

I

В апреле 1917 года я еще работал в Башенной мастерской Путиловского завода. И вот, однажды, получили из цехового комитета газету большевиков «Правду», где прочел краткое сообщение, гласившее следующее: «Сегодня в 7 часов вечера на Выборгской стороне в столовой завода «Рено» состоится собрание представителей рабочей молодежи по вопросу об организации союза молодежи».

Характерно то, что другие газеты (эс-эров и меньшевиков) такого сообщения не содержали.

С этой газетой я тотчас же направился к работавшему в нашей мастерской, бывшему члену социал-демократического кружка т. Зиновьеву, — побеседовать о новости.

Бросив работать, мы от нетерпения готовы были тотчас же лететь на собрание, чтобы не опоздать.

В некоторое затруднение нас привело то, что туда приглашались делегаты фабрик и заводов.

Цеховый комитет, состоящий в большинстве своем из эс-эров, на нашу просьбу (большевиков) разрешить устроить собрание молодежи мастерской на предмет выбора делегата, — ответил категорическим отказом, а устроить собрание рабочей молодежи всего Путиловского завода было немисливо.

Не смущаясь таким казусом, мы с Зиновьевым решили «делегироваться». Мандат на имя т. Зиновьева был подписан мной, а на мое имя — им.

В назначенное время мы уже были в столовой завода «Рено».

Но до этого нами вся молодежь мастерской была взволнована идеей организации союза молодежи. В уборной мы в кругу подростков в самых радужных тонах рисовали будущность союза молодежи.

Уезжая, мы их оставили беседующими о союзе. От них же, успокоив свою совесть и получив большую уверенность в своей задаче, мы получили санкцию на представительство молодежи Путиловского завода.

По приезде в столовую завода «Рено» мы уже застали огромное собрание молодежи, говорившее нам о серьезности и важности собрания.

Разбившись по группам, подростки вели оживленные беседы, выявляя физиономию нарождающейся организации. Попутно знакомились друг с другом.

Уже здесь стали выявляться лица, которым суждено было играть известную роль в союзе.

Особенно мне врезалась в память фигура т. Бурмистрова. На этом собрании он был чрезвычайно возбужден, бегал по столовой, жестикулировал. Увидя его, я тотчас же подумал: «или нервно-больной, или анархист». Оказалось последнее.

Шум стоял отчаянный.

Но вот началось собрание. К сожалению, не помню, кто был его председателем.

Началось оно с приветствий. Говорили преимущественно подростки. Это были совершенно особые по своему построению и мыслям речи.

Оратор выходил, краснел, от непривычки видеть перед собой большую аудиторию, выбрасывал ряд отрывистых, не связанных одна с другой, фраз, хватался за отдельные лозунги и вызывал у остальной молодежи бурю восторгов и желания тоже говорить.

Но, несмотря на разбросанность мыслей ораторов, мы прекрасно понимали то, что они хотели сказать.

Как ораторы здесь выделились только т.т.: Бурмистров, Кузнецов (анархисты) и Дрязгов (меньшевик).

Говорилось же здесь о нуждах молодежи, о необходимости союза, и в самых оптимистических тонах здесь предугадывалась та роль союза, которую он проявит в будущем в революции.

От имени рабочей молодежи Путиловского завода выступал я. Это было мое первое публичное выступление. От непривычки я ужасно робел и смущался, и что я там говорил, я не мог вспомнить даже в тот день. Но помню, что я говорил горячо и убедительно.

Мое выступление от имени путиловцев аудиторией было принято чрезвычайно тепло и восторженно.

Ведь это свидетельствовало о том, что несколько тысяч подростков Путиловского завода, имеющего богатое революционное прошлое, будут верными и активными членами нарождающегося союза.

Заключительным приветствием была речь представителя Шведского Социалистического Союза Молодежи, которого случайно встретил кто-то в Петрограде и привел сюда на собрание.

После приветствий собрание перешло к деловому порядку дня. Докладчиками были, насколько помню, тт. Дрязгов, Кузнецов и др.

По ряду вопросов, несмотря на сильное противодействие небольшой группы меньшевистски настроенной части молодежи (была и такая), были приняты самого революционного содержания резолюции.

В заключение было принято пожелание о необходимости проведения в районах широких конференций рабочей молодежи, на которых раз'яснить цели и задачи вновь организуемого союза.

Подогретые приветствиями, полные энергии, мы разошлись для работы по предприятиям и для подготовки к конференции.

II

На следующий день после собрания на заводе «Рено» я и т. Зиновьев, взяв на себя инициативу организации конференции и союза в Петергофском районе, подали заявление в цеховой комитет Башенной мастерской, где просили нас временно освободить от работы с тем условием, что мы свое время будем отдавать устройству митингов и докладов по фабрикам и заводам.

Смотря на это, как на общественную работу, мы полагали, что освобождение от работы нам дано будет беспрепятственно, но мы ошиблись.

«Создание юношеских отдельных организаций будет ничем иным, как баловством. Молодежи не следует создавать своих организаций, во-первых, потому, что рабочая молодежь имеет возможность входить в любую рабочую организацию, а во-вторых, потому, что молодежь, выделяясь в самостоятельный союз, тем самым подрывает мощь рабочего класса и способствует его поражению».

Последний довод был выдвинут настолько серьезно и был произнесен таким тоном, что напугал меня и т. Зиновьева, и мы чуть было не оставили и мысли о союзе.

Одновременно смущали нас и сами рабочие, узнавшие от цехового комитета про наше желание. Первые дни мы являлись темой шуток и острот. По мастерской ходила карриатура, где изображался митинг нового созыва: на горшках сидели малыши, перед которыми, зажимая нос, я держал речь, а т. Зиновьев, тоже зажав нос, звонил в колокольчик.

Шутками нам не давали проходу по мастерской. Мы пали духом.

К нашему счастью, нас выручил Вася Алексеев¹⁾, которому мы сообщили об общегородском собрании, а также ответ цехового комитета.

¹⁾ Впоследствии руководитель всей ленинградской организации. Погиб.—см. ниже его биографию.

Назвав ответ последнего «ерундой», он рекомендовал духом не падать, а проводить без смущения ту работу, которую мы себе наметили.

С своей стороны, он обещал устроить собрание рабочей молодежи у себя на заводе «Анчар». Дня через три к нам, действительно, явились делегаты завода, поддерживавшие все время с нами связь.

Получив от цехового комитета отказ, мы не успокоились и подали вторичное заявление, где доказывали необходимость создания Союза Рабочей Молодежи.

Все было тщетно и напрасно. Цеховой комитет с нашими доводами не соглашался и настаивал на ненужности Союза Молодежи.

На мой взгляд, их точка зрения была такова потому, что мы были членами партии большевиков, симпатий к которой цеховой комитет отнюдь не питал.

Это было первым и крупным препятствием в нашей союзной работе.

Такие же точно препятствия, как оказалось впоследствии, встретились перед молодежью при организации союза и в других районах. Особенно неблагоприятным в этом отношении оказался Обуховский район (часть нынешнего Володарского).

Пришлось для устройства собраний на фабриках и заводах и прочей организационной работы совершать прогулы, что, конечно, тяжело отражалось на нашем кармане. В дни получения жалования нам с т. Зиновьевым приходилось получать на 75—80% меньше, чем другим подросткам. А, кроме того, за наши прогулы и малую получку приходилось выслушивать и от старшего, и от домашних.

Дошло дело до того, что в один прекрасный день, после получения жалования, к моему станку подошел т. Зиновьев и, чуть не плача, рассказал мне о том, что его дома родители за прогулы и малое жалование высекли.

Помимо этого препятствия, мы встретились и с другими.

В тех заводах, куда нас не пускали, мы делегатов на конференцию выбирали таким образом:

Извлекали какого-либо бойкого и сознательного товарища и поручали ему, в порядке оповещения во время работы, поставить в известность молодежь завода об организации Союза и предложить утвердить хотя бы его в качестве делегата на конференцию.

На Путиловском заводе (в целом) трехтысячное собрание рабочей молодежи было собрано нами, по сравнению с другими заводами, легко.

Правда, кое-какие возражения были в завкоме даже и от большевиков, но Вася Алексеев, принявший к этому времени деятельное участие в организационной работе, их уладил.

Интерес к собранию, устраиваемому молодежью, в среде взрослых был настолько велик, что на него явились чуть ли не все рабочие завода, и мы наши доклады делали чуть ли не перед 20—25-тысячной аудиторией.

На собрании Васей Алексеевым и Зиновьевым были сделаны доклады о положении рабочей молодежи, их нуждах и задачах и о Союзе Молодежи. Известие об организации Союза Молодежи было встречено с необычным энтузиазмом, если судить по тем оглушительным аплодисментам, которыми нас наградили.

После нас выступал ряд товарищей, которые говорили, насколько нужна организация Союза Молодежи, и обещали возрождаемому Союзу все свои силы и энергию.

Здесь же, в конце собрания, было решено при каждой мастерской создать ячейки молодежи, и уже от них выделить делегатов на районную конференцию.

Но насколько серьезно и сознательно относились к нашим докладам юноши тяжело-индустриальных предприятий, настолько странно и невнимательно к ним относились девушки, в особенности текстильщицы.

Вспоминается следующий факт.

Васей Алексеевым мне было предложено провести собрание девушек, работающих на бумаго-прядельной фабрике «Кенига» (в Екатерингофском парке).

Крупно побеседовав с фабзавкомом по поводу жизненности Союза Молодежи, но, тем не менее, получив разрешение на устройство собрания, я принялся делать доклад: «Положение рабочей молодежи и ее задачи» и встретил к своему докладу такое непонятное отношение, которое заставило меня усомниться в будущем нашего Союза.

В процессе доклада я услышал, что часть девушек, близких к трибуне, бурно о чем-то спорят.

Прислушиваясь к их спору, я обнаружил, что предметом разногласий был никто иной, как я. Одна называла мои глаза «очаровательными», другая находила их «гадкими». Третьей нравились мои волосы, другой они были противны. Моя особа была здесь разобрана с головы до ног. Для меня это было непонятно.

Я с тоской думал о том, что если такая молодежь и пойдет в Союз, то он очень мало от этого выиграет. Такая молодежь в Союзе будет искать не работы и знания, а флирта и развлечений.

Я счастлив, что мои опасения не сбылись. С первых дней Союза большинство искало в нем знаний и нашими глазами смотрело на него. Редко, редко кто-нибудь из попавших в Союз, не видя возможности в нем побалагурить и пофлиртовать, исчезал.

III

В конце апреля 1917 года (дата, к сожалению, забыта), когда от большинства фабрик и заводов делегаты были зареги-

стрированы (регистрация велась мной и т. Зиновьевым в мастерской, что отрывало нас от работы и порождало скандалы с цеховым комитетом, куда на нас жаловался мастер), Вася Алексеев выхлопотал помещение Путиловской школы, и была устроена «первая Петергофско-Нарвская районная конференция рабочей молодежи» (официальное ее название), на которой было выбрано организационное бюро.

Персонально организационное бюро состояло из следующих товарищей (все без исключения рабочие): Вася Алексеев, Зиновьев и я (большев.), Зернов (анархист), Васильев (эс-эр), фамилий остальных, к сожалению, не упомянул.

В наказе, который давался делегатами с мест, центральное место занимало желание молодежи видеть скорей свой клуб, где бы она могла полезно проводить свободное от работы время.

После выборов организационного бюро работа пошла значительно живее.

На первом же заседании бюро, которое происходило в райкоме партии большевиков (Ново-Сивковская ул.), было констатируется, что дальнейшая наша работа зависит целиком от помещения и клуба. Если помещения не будет, то молодежь будет оторвана от нашего бюро, и этим самым работа нашего бюро будет мертвой.

Для подыскания помещения была избрана комиссия в составе: Васи Алексеева, Зернова и меня.

Это была самая что ни на есть тяжелая работа, которая исполнялась нами в союзе молодежи за все время нашего в нем пребывания.

Средств в то время не было никаких, и надежды на их получение мы также не видели. Все домовладельцы, не имея от нас никаких гарантий об уплате, отказывали.

Как выход из положения, анархист Зернов внес предложение, — совершить экспроприацию комитета партии народной свободы (кадетов), который прозябал в Петергофском районе, но ведь каждый поймет, что мы с этим не могли согласиться и как большевики, и в силу тактичности.

Зернов за это нас обвинил в мелко-буржуазной идеологии, священном отношении к частной собственности и на собрании молодежи поставил это в минус работы бюро.

Пробовали мы достать помещение у Совета Рабочих Депутатов Петергофского района, но там только над нами посмеялись, выразив в шутовском тоне опасение, что без присмотра старших мы будем шалить и проказить.

Заводы и фабрики также не шли нам навстречу, и мы уже считали дело безнадежным, когда случайно Вася Алексеев сумел так доказать райкому партии большевиков необходимость более внимательного отношения с его стороны к нашей организации.

Райкомом нам была дана маленькая проходная комната. Но при переезде в это помещение часть нашего бюро категорически запротестовала. Зернов и Васильев заявили, что в кабалу и под контроль большевиков они не пойдут и против этого переезда протестуют.

Мы сделали попытку им доказать, что никакой кабалы нет, что здесь вопрос исключительно весь в помещении.

Все было напрасно.

Тогда часть бюро узурпаторским способом известила молодежь о факте переезда.

Вскоре, кляня большевиков, к нам стали захаживать и остальные члены бюро, постепенно вовлекаемые в работу.

Вначале вся наша работа выражалась в заседаниях. Наши заседания побивали рекорд продолжительности.

Бывали такие дни, когда бюро, собравшись в 6 часов вечера, часа в два ночи засыпало за слушанием доклада и, проснувшись утром, подкреплялось принесенным из лавки хлебом и открывало по докладу прения.

А прения у нас были длинными, яростными и принципиальными.

Когда было найдено помещение, на ближайшем заседании бюро был поднят вопрос о наименовании нашего союза.

Фракция большевиков предложила назвать союз «Социалистическим Союзом Рабочей Молодежи», так как, по-нашему мнению, это наименование давало верное определение политической физиономии нашей организации.

Как и полагается «честному» анархисту, Зернов побагровел, возмущенно ударил кулаком по столу и предложил союз назвать «Свободные Юношеские Федерации»...

Ввиду того, что за наше наименование высказалась и меньшевистская и эсеровская молодежь, к печали и горю Зернова,—это было принято: 9 голосами за, 1 против и 1 воздержавшийся.

Помню, что Зернов с тоскливой иронией воскликнул драматично:—стоит ли теперь находиться в «Социалистическом союзе», наша дорога идет от вашей влево.

Но бедняге пришлось до самой смерти итти сзади нас по нашей же дороге.

Досужие языки, все еще пренебрежительно относившиеся к нашей молодой организации, это название использовали и стали называть нас—«союз социалистических младенцев».

При выборе лозунга союза произошел еще больший шум.

Вася Алексеев предложил союзу взять лозунг социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Васильев настаивал на лозунге социал-революционеров: «В борьбе обрешь ты право свое».

А Зернов предложил настолько «ужасный» анархический лозунг, что мы, не сдержавшись, расхохотались, и этим подлили масла в огонь.

Он заявил, что «кровью» добьется принятия его предложения и громогласно вызвал меня на дуэль.

Я в ответ на это предложил бюро Зернова «отвозить».

И вот, несмотря на возмущение Васи Алексеева, «все бюро» прижало Зернова в угол и добросовестно его избило.

Только тогда Зернов с удовлетворением заметил, что «голосование у нас идет, как в итальянском парламенте», и успокоился. К тому же, мы его еще исключили на два заседания, чем несказанно ему польстили.

Лозунг социал-демократов был принят десятью голосами за и два—против.

На последующих заседаниях нами разбирался устав и программа Социалистического Союза Рабочей Молодежи, которые были разработаны Васей Алексеевым и мною.

В точности я их не помню, но в общих чертах они заключаются в следующем:

УСТАВ С. С. Р. М.

1. Членом Социалистического Союза Рабочей Молодежи может быть всякий подросток от 13 до 18 лет, работающий на заводе, фабрике или ином предприятии, а также признающий программу и устав союза.

2. В члены С. С. Р. М. подростки принимаются без различия религиозных воззрений.

3. Члены Соц. Союза Раб. Мол. могут быть одновременно членами любой политической (кроме буржуазных) социалистической партии.

4. В члены союза подростки принимаются по рекомендации члена какой-либо социалистической партии или союза.

5. Разрешение родителей или лиц, их заменяющих, на вступление подростка в союз не требуется.

6. Авторитетным органом Союза Молодежи является общее собрание молодежи или конференция, собираемые не реже одного раза в месяц, и полномочные при наличии на них больше половины всех членов.

7. Общее собрание выбирает организационное бюро на срок 3 месяца, дает ему руководящие указания, заслушивает его отчеты и доклады, обсуждает все вопросы как внутрисоюзного значения, так и обще-политического.

Организационное бюро, избираемое на 3 месяца, руководит всей текущей работой союза, созывает общее собрание и выполняет его задания и постановления. Организационное бюро ведает денежными делами союза и отчет дает общему собранию и ревизионной комиссии.

Оно же ведает учетом членов союза.

Устав был очень короткий, недоговорен и неполон, но для нас это был шедевр литературной и творческой работы.

А кроме того, наличие устава несколько узаконяло наш союз и давало ему солидную окраску.

Должен сообщить, что обсуждение данного устава происходило с 8-ми часов вечера до 11-ти час. утра, с перерывом на сон с 2-х ч. ночи и до 7-ми час. всего, следовательно, мы потратили на него 10 часов.

Прения, и довольно яростные, велись по следующим вопросам:

Кто-то требовал права вступления в союз ученикам всех без исключения училищ. Предложение было отклонено, но неофициально, без занесения в устав; было разрешено вступление в союз ученикам ремесленно-заводских училищ, в частности Путиловского.

Один настаивал на включении в устав параграфа запрещающего вступать в союз подросткам, связанным с религией и какими-либо партиями (хотя бы и большевиков). На основании этого параграфа, Васе Алексееву, мне и Зиновьеву, Зернову, Васильеву и еще двум товарищам пришлось бы или покинуть союз или оставить партию.

Из 10 человек за предложение высказалось 5; таким образом, если бы вопрос был поставлен на голосование, то предложение прошло бы, или получилось равное количество голосов, что для нас было бы также невыгодно, ибо тогда, при одинаковом количестве голосов, перевес имела бы та сторона, за которую высказался председатель. Выручил нас Зернов. Возмущившись мыслью о возможности ухода от анархистов, он вскочил, закричал на всю комнату — «Чтобы я порвал с анархистами! Никогда! Накось, выкуси!» — И поднес члену бюро под нос кукиш. Тот не стерпел обиды и дал Зернову в зубы.

Я учел этот момент и внес предложение исключить ударившего за буйство на два заседания.

Большинством он был удален, и при голосовании большинство получилось за наше предложение (5 из 9).

Н. Скрипник

VI съезд большевиков и юношеское движение

Движение революционной рабочей молодежи, принявшее уже довольно широкие размеры, в первое же полугодие революции 1917 года выдвинуло ряд вопросов, которыми болели тогда наши юношеские рабочие организации. Во время войны молодежь весьма сильно пострадала. Ее наиболее сильные и физически крепкие представители были мобилизованы и служили пушечным мясом для империалистической бойни. Передовая сознательная молодежь, еще до войны выступавшая в революционном движении и могущая дать ответы на запросы мятущихся юных душ, была изъята царским правительством и брошена или в тюрьмы и ссылки или на фронт, а новые, впервые внутренней борьбой добившиеся ответа на свои мучительные вопросы, представители молодежи следовали по их пути. И только февральская революция доставила возможность широкого воздействия на массы рабочего класса. Надо сказать, что это воздействие вначале ограничено было весьма слабо. Наша партия, лишь выступившая из подполья, строилась и перестраивалась для предстоящей тяжелой революционной борьбы. Но работала сама жизнь. Впервые открылась возможность для рабочей молодежи участвовать вместе со своими взрослыми товарищами во всей этой совокупности митингов и демонстраций, лекций и собраний, партийных дискуссий и т. д. и т. п., — во всем том, что носит название революции. А месяца через полтора, через два из-за границы прибыли находившиеся там в изгнании большевики, среди которых некоторые принимали энергичное участие в западном юношеском движении.

Тов. Володарский, Надежда Константиновна Крупская, Харитонов и некоторые другие, прибывшие из-за границы, вместе с местными петербургскими товарищами развили довольно широкую агитацию и вообще работу среди молодежи. Этому соответствовал и растущий запрос со стороны самой молодежи к организации своих рядов. Этим стремлением начинали пользоваться

различные беспартийные «социалисты», думавшие построить свое влияние на молодежь на неопределенности ее революционных стремлений, чтобы революционной фразеологией отшатнуть ее от пролетарской партии. Эти «беспартийно-социалистические» союзы имелись не только в Петербурге, но и в других городах, находясь под значительным влиянием социал-революционеров, трудовиков и тому подобных группировок мелкой буржуазии. Наряду с этим существуют и организации молодежи, находившиеся под влиянием оборонцев, меньшевиков, эсеров, как, например, в Москве.

Различие между этими двумя фактически враждебными нам организациями молодежи состояло в том, что оборонцы, меньшевики призывали молодежь к занятию чистой наукой—химией и т. п. «выработать научное мировоззрение» для того, чтобы в дальнейшем стать действительными гражданами и участниками политической жизни класса в настоящее время,—к политической «нейтральности» и даже безразличию. Другие же формации, беспартийные революционные, наоборот, призывали молодежь к участию в революционной жизни, но под флагом беспартийности—фактически оказывали на молодежь влияние мелко-буржуазное и буржуазное, делая организуемые и руководимые ими союзы фактически подголосками соглашательских партий. Против этих, враждебных классовому пролетарскому движению юношеских организационных формаций уже с начала революционного движения начали образовываться организации рабочей молодежи под большевистским влиянием, при чем эти организации существовали фактически трех типов.

В Латвии союзы молодежи организовывались под именем «Спартак» еще во время войны и были чисто партийными. Это были замкнутые, конспиративные, нелегальные организации молодых большевиков, ведшие пропагандистско-организационную деятельность среди остальной рабочей молодежи и входившие в состав общей местной организации большевиков.

Представитель Латвии, тов. Ленцман, на VI съезде партии выступил в защиту такого строения организации рабочей молодежи и предложил, чтобы «юношеские организации имели название союза молодежи при РСДРП большевиков». Но это предложение не встретило почти совершенно сочувствия в партийной организации. Только представительница Москвы, Самойлова (Землячка), на основании московского опыта, поддержанная покойным тов. Подбельским и некоторыми другими москвичами, считала необходимым организацию партийных юношеских союзов, но она выдвигала задачей организацию при союзах молодежи клубов, которые могли бы объединить молодежь, организованно в партию не входящую. Организационная принадлежность союзов молодежи к партии VI съездом партии отвергнута, и съезд признал необходимым, «чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные союзы, организационно не подчиненные, а только духовно связанные

с партией». Это положение с того времени является незыблемым в отношениях между партией и союзом молодежи. Самостоятельная организация союза молодежи, на которую партия всемерно воздействовала и которой помогает, но оставляет за союзом молодежи характер лаборатории, в которой вырабатываются молодые умы и молодые силы рабочего класса.

Вместе с тем, перед VI съездом партии встал вопрос о характере воздействия со стороны партии на союзы молодежи. Отвергнув принудительно партийный характер союза молодежи, съезд, естественно, должен был установить, что «вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характер опеки над ней».

Но, разрешив эти вопросы взаимоотношения партии с союзами молодежи, VI съезд встал перед новым вопросом, относительно которого велись горячие споры и дебаты в самом юношеском движении: как нам, большевикам, работающим среди юношества, выступить перед рабочей молодежью: с открытой ли проповедью революционного большевизма, с постановкой перед ними во всю ширь задач и положений революционной борьбы рабочего класса, с полной и неурезанной программой и тактикой пролетариата, приобщая к развивающейся великой пролетарской борьбе как отдельных представителей молодежи, так и всю организованную молодежь,—или принять во внимание, что молодежь еще не пережила многого, что уже испытано взрослыми товарищами и жившими больше классовым инстинктом, чем классовым сознанием, и посему считать необходимым, чтобы союзы молодежи определялись под общим интернационалистическим лозунгом, не отталкивая всей массы рабочей молодежи от союзных организаций своей определенностью.

Тов. Крупская в своем выступлении на съезде высказалась против того, чтобы придать союзу рабочей молодежи название социалистической. Это означало бы отвергнуть от союза молодежи пролетариев, которые еще не стали социалистами и которые могут в союзе, формально носящем название социалистического, на деле вырабатываться в активных борцов за социализм. Особенно резко представителем этого мнения выступал т. Смилга, который, впрочем, предложил юношескую организацию называть союзом молодежи, стоящим на классовой точке зрения.

Это течение имело за собой известное число сторонников среди молодежи, которая организовалась в союз, или имевший название союза рабочей молодежи, или принимавший название союза молодежи III Интернационала. Представителями другого течения на съезде выступали, с одной стороны, тов. Харитонов, работавший среди молодежи за границей и энергично работавший по организации ее в Петербурге, а с другой стороны, представитель союза социалистической молодежи тов. Алексеев. Тов. Алексеев указывал на то, что в их союзе имеется и некоторое оборонческое

крыло, но и меньшевики, и эсеры потеряли уже всякое влияние на молодежь, и большевики на деле завоевали себе весь союз. Необходимо это оформить, необходимо перед молодежью ясно наметить пути, по которым мы призываем их идти. Название социалистический (наименование коммунистический было принято лишь затем в 1918 году) надо принять именно потому, что нам необходимо отмежеваться от беспартийно-социалистических влияний на молодежь, которые на деле развращают ее революционной фразеологией.

Тов. Харитонов в своем докладе на съезде указывал, что весь ход юношеского движения в западных странах, где оно во время войны, как революционно-пролетарское, было организовано тов. Карлом Либкнехтом в Германии и Хеглундом в Швеции, показывает нам необходимость такого оформления юношеских организаций социалистической рабочей молодежи, в то же время признал, что надо «стремиться к тому, чтобы организации эти с самого уже своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу Молодежи».

Отметим еще некоторые вопросы, возникшие при обсуждении доклада о союзе молодежи. Один из делегатов, тов. Коган, внесил, небольшую по виду, но весьма значительную по содержанию, поправку, отвергнутую съездом. Он предложил из принятого съездом текста—«местные союзы должны преследовать по преимуществу цели развития классового сознания пролетарского юношества» вычеркнуть слово—по преимуществу. Эта небольшая поправка на деле означала бы, что союзы молодежи должны иметь исключительно агитационно-пропагандистский характер, совершенно отказываясь от задачи работы по выработке научного мировоззрения своих членов, по освещению и по сознанию молодежи «проклятых вопросов» развития мира и человечества, стоящих перед каждым человеком, вырабатывающим свои взгляды. Наоборот, союз молодежи должен помогать своим членам на этом пути, должен разрешать и выяснять мучительные сомнения, встающие у молодежи, когда она на первых шагах своего развития выдвигает перед собой вопросы о возникновении мира и человека, о жизни и смерти, об основных причинах бытия, об отношении между бытием и сознанием и все те другие вопросы, которыми перемучился и переболел каждый из нас; пойти на помощь своему члену, помочь ему разобраться в этих вопросах не в одиночестве, а вместе со своими товарищами, коллективным путем дать возможность им в разрешении своих сомнений пользоваться научным опытом,—все это должно остаться задачей союза молодежи наряду с непосредственной его задачей развития классового сознания рабочей молодежи.

Точно также была отвергнута другая поправка тов. Преображенского, который предложил «организовать в союзах молодежи секции сочувствующих партии из молодежи старших возрастов». Такое организационное строение было отвергнуто, как совершенно не соответствующее необходимым взаимоотношениям между партией и союзом молодежи. Резолюция съезда, по вопросу о союзе молодежи, заканчивалась следующими словами: «в настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие классовых социалистических организаций союза рабочей молодежи одной из неотложных задач и вменяет партийным организациям в обязанность уделить этой работе возможный максимум внимания».

Партия последовала намеченному пути и все время твердо держалась его, но прежней задачей, намеченной резолюцией VI съезда, остается в силе попрежнему содействие партии союзу молодежи, это является одной из ее неотложных задач.

Многие из вопросов, выдвигаемых по докладу о союзе молодежи на VI съезде партии в 1917 году, затем превратились в юношеском рабочем движении в новые, неожиданные разногласия и разномыслия. Будущему историку революции, который будет анатомировать резолюции, выносимые по однородным вопросам на всем ходе революционного движения, возможно будет, может быть, установить известные связи, имевшиеся в союзе рабочей молодежи, споров о классовости и массовости, о допущении учащейся молодежи в коммунистический союз, о совершении коммунистической и общепросветительной работы, работы союза молодежи и многих других вопросов, по которым в настоящее время спорят и дебатуют наши энергичные пролетарии, связь этих вопросов и резолюций с теми, которые стояли в 1917 году на заре нашего юношеского движения. Думаю, однако, что эти сравнения полезно производить не только будущему историку, но настоящим работникам союза молодежи, дабы, оглядываясь назад, и на опыте прошлого строить правильные взаимоотношения союза молодежи, этого отряда юных разведчиков пролетарской армии, к основной армии рабочего класса—коммунистической партии.

Резолюция VI съезда РСДРП (большевиков) о союзах молодежи

С первых дней революции в целом ряде городов России, и в особенности в Петербурге, началось широкое движение рабочей молодежи и рабочего юношества в целях создания самостоятельных пролетарских организаций молодых рабочих и рабочих.

Русская буржуазия, как западно-европейская, великолепно понимая, какое огромное значение имеет подрастающее поколение рабочего класса на весь ход и развитие классовой борьбы, попытается,—и отчасти такие попытки уже сделаны,—использовать эти организации в целях подчинения молодых пролетариев своей буржуазной идеологии, внедрения в их ум и сознание понятия об обществе, патриотизме и т. п., отвлекая рабочую молодежь, хотя бы на время, от активного участия в экономической и политической борьбе рабочего класса. Партия пролетариата, в свою очередь, отдает себе отчет в том огромном значении, какое рабочая молодежь имеет для рабочего движения в целом: съезд считает поэтому необходимым, чтобы партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи. Вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характера опеки над нею.

Учитывая опыт Западной Европы, где самостоятельные организации социалистической рабочей молодежи, в отличие от опекаемых официальными партиями, почти повсюду являются опорой левого интернационалистического крыла рабочего движения, наша партия должна и в России стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией.

Но в то же время партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого начала своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул

к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции преследовали по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защитой экономических и политических правых интересов несовершеннолетних рабочих и рабочих.

В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделять этой задаче возможно большее внимание.

Л. Шацкий

От большевистского кружка—к массовой организации

По-разному началось пролетарское юношеское движение в необъятной России.

Иногда, как в Петрограде, оно возникало стихийно, на фабриках и заводах, под экономическими лозунгами, в виде политически бесформенных коллективов рабочей молодежи, бывших предтечей пролетарской юношеской организации.

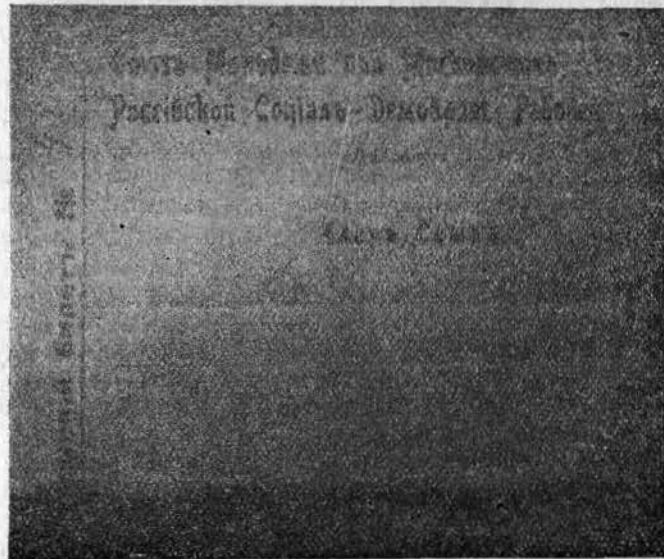
Нередки были случаи, когда союзы рабочей молодежи возникали по инициативе учащихся-большевиков. В Москве первая пролетарская юношеская организация—Союз Молодежи при МК Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (б)—была создана группой большевиков-учащихся и рабочих, значительная часть которых входила в подпольные социалистические кружки еще до февральской революции 1917 г. и работала уже активно в партии.

В начале июня 1917 года в помещение городского района Р.С.-Д.Р.П. (б-ков) явилась группа товарищей, назначившая здесь первое собрание будущего союза. Среди этих инициаторов находились: Леонтий Котомка—наш поэт и сочинитель зажигательных воззваний, Рузя Черняк, которую мы, за ее «командный» характер и чрезвычайную энергию, сейчас же прозвали «красной генеральшей», Зверев, который заговорил на первом же собрании по поводу какого-то пункта нашего устава насчет Каутского и Маркса и сразу же прослыл «философом», Стенин—молодой кожевник, пропавший затем с союзных глаз на восточном фронте, Золото-серебряник Афанасьев, читавший в нашем кружке по политической экономии замысловатые рефераты «по Богданову», молчаливый и спокойный Полетаев и его антипод, веселая, щебечущая, вечно движущаяся Ася Залкинд. Были и другие.

Настоящее учредительное собрание союза удалось организовать лишь 11 (24) июня.

На нем предварительно обсуждался устав союза, утвержденный на одном из последующих собраний, и был избран комитет и секретарь союза. Присутствовало человек 30—40, разместившихся на ученических партах, называвших еще друг друга зачастую по цвету гимнастерки или блузки.

Сейчас же после своего рождения союз, как и полагается, начал расти. Происходило это весьма примитивно. Молодого члена партии или товарища, приходившего на лекции в клуб, огорошивали вопросом: сколько лет? и с молниеносной быстротой обраба-

Билет Союза Молодежи при Моск. Комитете Р. С.-Д. Р. П. (б).

тывали и зачисляли в союзный актив. Через некоторое время количество членов «Союза при МК» достигло приблизительно 200.

За все время своего существования союз продолжал оставаться сравнительно узкой организацией. У него не было районных организаций и была лишь одна фабрично-заводская ячейка на военно-промышленном заводе Басманного района, человек в шестьдесят, во главе с Яковом Филипповым.

Члены союза были все членами партии или определенно сочувствующими. Такой состав организации обеспечивал чрезвычайную сплоченность и товарищескую спайку среди ее членов, молодых как на подбор, сознательных, горячих и веселых.

В уставе «Союза при МК», который включал тогда и программу и, собственно, устав, говорилось об экономическом положении рабочей молодежи. Но на практике союз этими вопросами

мало занимался. Его основная работа сводилась к практической помощи партии и развитию сознания своих членов. Союз имел чрезвычайно тесную связь, что показывает уже само его название, хотя формальное подчинение союза МК партии в работе почти не проявлялось.

Мы выполняли тогда самые разнообразные партийные поручения и задачи: организовывали продажу партлитературы на всякого рода собраниях во всех концах города, участвовали в уличной агитации предвыборной, выборной и всякой иной (за что иногда украшались синяками), участвовали в организации партийных демонстраций и т. д. и т. д.

Времена были горячие, и работы было по горло не только днем, но и ночью. Особенно в дни крупных демонстраций и выборов. Всем членам союза памятна демонстрация 4 июля 1917 г., когда на нынешней Советской площади в Москве удалось собрать лишь несколько тысяч человек для поддержки питерских рабочих и солдат. Как только демонстрация вступила на Тверскую улицу, ее встретил оглушительный свист (которым затем так эстетически восторгались буржуазные газеты) офицеров, торговцев и прочей буржуазной сволочи. Наши союзники (профессиональные хористы всех партийных клубов, завсегдатаи всех партийных вечеринок) силились «перепеть» белогвардейских свистунов, в чем им усердно помогали рабочие завода Михельсон. Затем началась свалка вокруг знамен, значительную часть которых несли наши ребята. Демонстрация с большим трудом дошла до Капцовского училища, в Леонтьевском переулке.

После разгрома июльского выступления в Петрограде союз выпустил, совместно с социалистическими организациями учащихся, декларацию-протест против гнусной клеветы на большевистских вождей, обвинявших буржуазию, печатью и юстицией в связи с германским генеральным штабом (с тем самым, с которым действительно позже связались тогдашние обвинители: ген. Алексеев, украинская рада, эсеры и грузинские меньшевики).

Одновременно члены союза вступили в отряд городского района, который должен был защищать партийную организацию от казачьих и юнкерских нападений. Помню, как в облачные ночи мы таскали на себе из партрайона в союз портных тяжелые свинцовые ящики с патронами, завернутые в мешки, как впервые некоторые брали в руки создания российской техники—берданки земской полиции, и как обучались новоявленные воины, так сказать, предки Красной армии, главным образом, путем нечаянных выстрелов в комнате при спуске предохранителей. До вооруженной борьбы в Москве тогда не дошло.

Страдным временем были для нас выборы сначала в городскую (где большевики получили лишь 11% голосов), а потом и в районные думы, где наша партия завоевала уже почти половину, а в рабочих районах и большинство голосов. Большевистские плакаты

постоянно срывались и приходилось их сторожить, делая дневные и ночные обходы.

Трудна, но интересна была агитация на улицах и во дворах. Приходилось дежурить у ворот домов, где находилась избирательная урна, что было особенно тягостно в буржуазных районах, где происходили самые забавные столкновения с попами, генералами и расфуфыренными дамами, когда им предлагали красный номер 5, которого они боялись пуще огня.

Работа просветительная шла у нас в общем и целом хорошо: интересно, серьезно и весело (это отнюдь не противоречит друг другу).

Только с клубом было неважно. Решили его открыть, чтобы через него привлекать к союзу беспартийную рабочую молодежь, готовя ее в клубе к поступлению в организацию. Как и полагается, устроили вечер в честь открытия с приветствиями, во время которых, редко выступавший с длинными речами, несколько затихший Котомка в середине забыл, о чем ему надо говорить. В клуб записалось человек восемьдесят молодежи, но оказалось, что путем создания особых нормальных организаций для беспартийных многого сделать нельзя.

В самом же союзе дело шло великолепно. Политические события не давали нам, правда, сделать что-либо законченное. Но «в развитии» дело было «на мази». Большой кружок по политической экономии учился по «Краткому курсу экономической науки» Богданова.

Артисты первой студии Художественного театра, т. т. Валентин Смышляев и Попов, организовали в союзе драматическую школу, до того интересную, что и комитетчики союза, которым почему-то неловко было записываться в школу (мы, мол, люди серьезные и занятые), приходили на ее занятия, садились на «камчатке» и с завистью глазели на ее веселых учеников и учителей.

Собирались несколько раз и литературный кружок, несмотря на то, что Котомка ему угрожал «Облаком в штанах»,—одно название приводило многих в исступление. Спорили о характерах героев различных художественных произведений с жаром и пылом. Устроили также несколько лекций и докладов на различные интересные темы. Даже, когда, выгнанные с Цветного бульвара после июльских дней, союзники, переселившиеся вместе с городским районом партии в маленький домик союза металлистов на Троицкой улице, имели в своем распоряжении маленький садик—и тогда просветительная работа в союзе не замерла.

Уже в июле месяце в Москве мощно поднялся и другой столп будущего юношеского движения—Союз Рабочей Молодежи «III Интернационал» в Замоскворецком районе (или Замоскворецкой республике, как его злобно называли буржуи). Этот союз, организованный т. Тером и идейно руководимый партией, был от нее независим. Он имел свои ячейки почти во всех крупных пред-

приятнях района и насчитывал, по словам его организаторов, до 1.000 членов.

Между обеими организациями быстро завязались хорошие отношения, и после «переговоров», ходу которых помогла резолюция VI съезда партии о юношеском движении, решено было организовать Союз Рабочей Молодежи «III Интернационал» по всей Москве. Старый союз выделил для этого Организационный Комитет.

Работа в районах закипела. Чрезвычайно интересен тот факт, что меньшевикам и эсерам, за все время их власти и их преобладающего влияния среди пролетарских масс, не удалось создать массовой пролетарской юношеской организации.

Нам это удалось, приблизительно, в течение полутора-двух месяцев. К октябрю Московский СРМ «III Интернационал» стал уже прочно на ноги. «Командующие высоты» в новой организации всецело находились в руках старой большевистской группы. Когда этот факт стал нам ясен, был предпринят вопрос о дальнейшем существовании «Союза МК».

Он стал излишним. Массовое пролетарское юношеское движение с самого начала стало и коммунистическим юношеским движением по существу своей работы. После долгих колебаний старый союз решил себя ликвидировать, его роль была сыграна.

Но этой роли юные коммунисты никогда не забудут. Ибо она сводилась к созданию той основной группы передовиков пролетарской молодежи, которая затем вместе с питерцами подготовила мощное юношеское движение по всей России и руководила им во многих городах и деревнях по всему необъятному пространству нашего социалистического отечества.

М. Дугачев

Красная Пресня

СОЮЗ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ „III ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

Я уж не помню, кто был инициатором создания союза на Пресне... Помню, что в один прекрасный день создавалась инициативная группа из партийцев. В нее вошли: Анатолий Попов, Быстров и пишущий эти строки. На одном из собраний решено было пойти на заводы, за молодежью. Нужно отметить, в отличие от других районов, где существовали строго-партийные союзы, что наша организация с самого начала поставила ставку на беспартийных, правда, уже известных всем нам ребят. Работа закипела дружно, ибо уже тогда и Анатолий и я считались до некоторой степени «агитаторами от партии», могущими самостоятельно выступать среди рабочих. И рабочие нас знали. В результате агитации удалось сразу завербовать: Ньюшу Литвейко, Таню Рыбакову—работниц фабрики «Свет», Устинова—с завода «Тильманс», Сергея Яковлева, тогда работавшего в столярной мастерской, и других. Ядро организации, таким образом, наметилось. Разумеется, вся эта «братва» сейчас же вступила в партию. Вообще, считалось вполне естественным и как-то само собою разумеющимся, вступив в союз, сделаться и членом партии. Ячеек партийных тогда почти не было, и наши ячейки поэтому явились основой для партийных.

ВЫБОРЫ В РАЙОННУЮ ДУМУ

В Москве ведется агитационная кампания за выборы в районные думы. На Пресне все кипит... Мобилизованы все, могущие выступать, партийцы и союзники. И союз (Союз рабочей молодежи «III Интернационал») здесь на первом месте. Теперь это уже крупная организация,—больше партийная, имеющая свои ядра на

всех больших предприятиях, за исключением Прохоровской мануфактуры,—неприступной крепости «серых», т.е. эсеров.

Решили пойти на собрание в клуб эсеров «Земля и Воля», а кстати, попутно ознакомиться и с заседавшим там эсеровским союзом молодежи. Пошли, конечно, со своей аудиторией, с ребятами, которые должны своим активным согласием с нашими выступлениями посеять «смуту» среди беспартийных рабочих и тем самым

создать необходимую для нас атмосферу. Буйно было собрание... «Серые» поняли наши замыслы и немного нас потрепали. Говорили и с «тамошними союзниками». Оказывается, в организации у них главным образом учащиеся, но есть и рабочие. В углах устроили импровизированные митинги, ругались во-всю, чуть не до драки, но, с «божьей помощью» взрослых эсеров нас все же вытурили. Решили, во что бы то ни стало, «распространить», т.е. расколотить эту организацию... На заводах мы были «вне конкуренции»: эсеры и меньшевики пока

не представляли, какой опасной для них силой в результате являемся мы, и поэтому «травили» нас не особенно сильно.

Вскоре прислан был на Пресню, на партийную работу, и Гриша Беленький¹⁾. Он работал до сих пор в партийном кружке, но после того, как его чуть не убили во время одного из прогонов, весь избитый, он «поселился» у нас. Работа и в союзе, и в партии с приходом его расширилась и углубилась. Гриша Беленький, хороший агитатор, пропагандист, «всесущий, всеведущий», живой, приветливый, «взрослый ребенок», пришелся нам «ко двору». Его все полюбили.

Тов. Гриша Беленький

РАЙКОМ РАБОТАЕТ

Заседание райкома. Все те же: Анатолий Попов, Нюша Литвейко, Сергей Яковлев, Быстров, Устинов, Дугачев. Бессменные райкомщики, но уже выбранные общим собранием союза, и представители предприятий. Яковлев—секретарь союза,—постоянный платный работник. Груда вопросов—культурно-просветительная работа союза.

Дело в том, что в союзе появились нежелательные явления—флирт, почта амура, появилась и легкомысленная публика. Идеологом ее, конечно, Меркулов—веселый парень, но не в меру. (Меркулов после Октябрьской революции уехал добровольцем на фронт и там был убит. Рассказывают, что и на фронте не изменился он. Вечно веселый, жизнерадостный, идя в наступление, в передовой цепи, с песнями и прибаутками, он был ранен в живот и умер, как герой, с последними словами: «Да здравствует революция!»).

Решено было беспощадно бороться с этим устройством своими силами литературно-музыкальных вечеров, бесед, чтений и т. д.

Нужно связаться с МК. Выбрали меня и Анатолия. Послать представителя в райком Р.С.-Д.Р.П. (б) для защиты интересов союза. Подходящим для этой цели, как наиболее «буйный», оказался опять Дугачев. Заседание затянулось. Разошлись с песнями и с сознанием «доблестно» выполненного революционного долга.

ВЕЧЕР В СОЮЗЕ

Решено устроить литературно-музыкальный вечер. О подготовке, конечно, нет и речи. Незачем. Силы есть, а остальное при-

Тов. Землячка

ложится. Мигом из стульев делаем сцену, из знамен занавес, лампочку обертываем красной бумагой—и готово дело. В соседней комнате в спешном порядке «репетируем», составляем программу. В «зрительном зале» уже собралось человек 60 публики. Здесь и партийцы-рабочие, но преобладает, конечно, молодежь. Меркулов и Киселев-пекарь, снабжавший нас бесплатными калачами, выступают с частушками, Сергей Яковлев—с декламацией, девчата пляшут. Порядка, правда, мало, но зато весело. Меркулова и Киселева шумно вызывают аплодисментами, а Дугачева, за его «скучного» бурлака, проваливают. Ребята довольны, просят почаще устраивать такие вечера.

Примечание:

¹⁾ Тов. Г. Беденький—старый большевик. В годы войны был секретарем парижской партийной группы, с 1917 г. работает на Пресне, пользуясь большой любовью рабочей массы. Бессменный секретарь партийного комитета.

Я. Менис

Инициативная группа

Юношеское движение в России берет свое начало с февраля 1917 г. До февраля существовали небольшие группы молодежи, членов Р.С.-Д.Р.П. Эта молодежь, вышедшая из подполья, составила основное ядро социалистического движения рабочей молодежи.

В апреле 1917 г. в Киеве группа молодежи рабочих, прошедших подпольно-кружковую школу Р.С.-Д.Р.П. (б), организовала инициативная группа по организации союза рабочей молодежи. В состав этой группы вошли следующие товарищи: Михаил Ратманский ¹⁾, Мальчиков, Ситниченко, Белокреницкий и Менис.

Работала инициативная группа самостоятельно, но держала связь с комитетом Р.С.-Д.Р.П. (б). На всех заседаниях инициативной группы присутствовали члены городского комитета Р.С.-Д.Р.П. (б), т.т. Чиримисов и Лаврентий.

Руководителем подпольно-кружковой (дореволюционной) школы, из которой вышли члены инициативной группы, была группа молодых интеллигентов в 12—15 человек. В феврале, когда партия вышла из подполья, фракции, которые боролись внутри «единой» партии Р.С.-Д.Р.П. Киева, распались на большевиков и меньшевиков.

Все ученики, рабочая молодежь подпольной школы в количестве 30 человек, пошли к большевикам, а руководители-интеллигенты—к меньшевикам.

Крах II Интернационала, оппортунизм социал-демократических партий, отход интеллигенции к меньшевикам—все это заставило инициативную группу с большей осторожностью подходить к разрешению вопросов, стоящих перед ней. На первых заседаниях инициативной группы рельефно выразились два положения, которые легли в основу ее работы.

Первое положение—самое отрицательное отношение к учащейся интеллигентной молодежи. Членами ССРМ могут быть только молодые рабочие. Второе—некоторое недоверие к партии, вера

в инстинктивное, революционное настроение рабочей молодежи. Молодежь должна толкать партию на революционный путь.

Второе положение ходом развития русской революции было быстро отброшено инициативной группой. Все члены инициативной группы были активными партийными работниками. В партии разгорелись споры по вопросу об отношении к Временному Правительству (Керенского). Инициативная группа стала на точку зрения «ленинцев».

В Киевской организации Р.С.-Д.Р.П. (б) тезисы тов. Ленина об отношении к Временному Правительству встретили очень мало сочувствия. На собрании перед VI Всероссийским партийным съездом они собрали всего несколько десятков голосов, из которых большая часть принадлежала молодежи, группировавшейся вокруг инициативной группы. Большинство была принята «знаменитая» резолюция поддерживать Временное Правительство «постольку, поскольку». В виду малого сочувствия партийных кругов, инициативная группа, за подписями председателя С. Мальчикова и секретаря М. Ратманского, послала через т. Петрова-Савельева—единственного защитника ленинской позиции среди делегатов Киева на VI партсъезде—телеграмму на имя Ильича²⁾, в которой от имени революционной рабочей молодежи организованной инициативной группы выразила полную поддержку его революционной позиции и борьбе с нерешительностью (меньшевизмом) в партии. Опыт в своей работе инициативная группа черпала на созданных членами по фабрикам и заводам группах рабочей молодежи, которые впоследствии были названы коллективами.

Работа подвигалась очень медленно. Связь с другими группами молодежи, которые возникли в целом ряде городов, отсутствовала. Даже с Питером и Москвой не было связи. Мелочи, которые теперь кажутся очень простыми, занимали много времени.

Нужно отметить, что главный вопрос инициативная группа разрешила довольно быстро, или, вернее, он как-то сам разрешился. Это вопрос о том, что является основой союза, стимулом организации работы. «Основа союза,—постановила инициативная группа,—активное участие в развивающихся революционных событиях, экономическая защита молодежи и саморазвитие». Таким образом, экономическая защита молодежи и саморазвитие были поставлены на второй план.

Самым спорным вопросом, который инициативная группа продискутировала свыше двух месяцев, был вопрос об уставе, о том, кто может быть членом ССРМ. По этому вопросу у инициативной группы было только два мнения, разногласий о приеме в члены союза только рабочих не было.

1-е. В Союз может входить только более развитая часть рабочей молодежи, которая сознательно разбирается в револю-

ционных событиях,—менее развитая входит в клубы Союза и лишь после обработки входит в Союз.

2-е. Членом Союза может быть рабочий-подросток, который желает поступить в Союз, который хочет активно работать.

Развивающиеся революционные события, требующие объединения всей рабочей молодежи, революционность ее настроения, невозможность на практике произвести деление на более или менее развитых и отрывочные сведения из Москвы и Питера—склонили инициативную группу ко второму мнению.

Июльские события: разгром партийных организаций, арест и избивание членов партии оттянули не мало утверждение устава. Лишь в августе был окончательно утвержден устав социалистического Союза Рабочей Молодежи, заимствованный из статьи Н. Крупской в «Правде».

Небезынтересно остановиться на участии инициативной группы в июльских днях. Белогвардейцы совсем обнаглели. 5 июля днем целые толпы юнкеров, офицеров, буржуев и чиновников стали разбивать большевистские будки, продающие литературу, и избивать членов партии. Из будки на Думской площади продавщица литературы удрала. Будку окружила громадная толпа. Шура Ситниченко пробилась сквозь толпу к будке и стала продавать газеты, которые покупались нарасхват. Группа юнкеров избила парня, защищающего большевиков, и стала напирать на будку. Напор буржуазной толпы был велик. Будка, треща, упала. Шура выскочила. Белогвардейцы вытащили газеты и брошюры, зажгли их. Пламя подхватило листы газет и «зараза была уничтожена». Рабочие-подростки бросились спасать литературу, их избили, а некоторых арестовали. Будку с литературой у завода Артиллерийского Ведомства два дня охраняли молодые рабочие. Белогвардейцы к ней не смели подойти.

До июльских дней инициативной группой была проделана большая работа. Организованы были группы рабочей молодежи на некоторых фабриках и заводах и отчасти налажена была связь с молодыми членами партии. Это дало возможность приступить к широкой работе. Инициативная группа разработала план созыва делегатского собрания рабочей молодежи, которое должно было утвердить устав союза и выбрать комитет. Она выпустила воззвание к рабочей молодежи, в котором указывались цель и задачи союза. Открылось делегатское собрание в сентябре в здании Высших женских курсов. Прибыло около двухсот делегатов, представлявших свыше 3.000 рабочей молодежи (модус представительства—от 10 до 15 человек посылают одного, и на каждые 15—по одному).

Первым вопросом порядка дня был текущий момент. Делегатское собрание единогласно приняло большевистскую резолюцию. Выступившие меньшевики и эсеры из Социалистического Союза учащих горячились, спорили, но их резолюция ни одного голоса не собрала. Делегаты по первому же вопросу показали, за кем идет

рабочая молодежь. Напрасны были их «совершенства» и по остальным вопросам повестки дня.

Сособенно горячились представители учащихся—меньшевики Орлов и Коган по вопросу о возможности быть членом Союза только рабочей молодежи.

— А Ленин—не интеллигент, а Троцкий—не интеллигент?—кричал Орлов. Отвечавший ему молодой рабочий из судостроительной верфи, тов. Гончаренко, говорил:

— Куда тебе, грешному, о Ленине говорить. Если ты хочешь действительно работать в союзе с нами, то тебе не нужно быть членом, а то ты хочешь не работать, а управлять.

Вечером был утвержден устав союза и выбран комитет из 11 человек. В состав его вошли следующие товарищи 11 крупных заводов и фабрик: фабрика Маршака—Мальчиков, фабрика Цивкина—Ротманский, арсенал—Каменский, судостроительная верфь—Гончаренко, Южно-Русский машиностроительный завод—Горюхов, электрическая станция—Зорин, типография—Александра Ситниченко, завод Артиллерийского Ведомства—Менис и еще три товарища, фамилии которых забыл.

Председателем комитета ССРМ был избран тов. Мальчиков, секретарем тов. Ратманский. Большим тормозом в работе инициативной группы в первое время у комитета ССРМ было отсутствие помещения. Как ни странно может казаться теперь, такой пустяк был тормозом в работе. Через год—два, когда члены инициативной группы читали книгу Ленина «Государство и революция», они поняли глубокий смысл слов, что «всеобщее, прямое и тайное голосование в руках рабочего класса есть фикция, когда все материальные средства (помещение, печать, деньги) находятся в руках буржуазии».

Тот, кто захочет внимательнее приглядеться, изучить корни развернувшегося сейчас широкой волной пролетарского юношеского движения на Украине, должен будет обязательно вернуться к изучению его многочисленных родников.

Настоящий очерк должен будет явиться первой попыткой нарисовать картину одного из таких источников «живой воды» революционной энергии рабочей молодежи.

Примечания:

¹⁾ М. Ратманский (см. воспоминания т. Мениса в отделе «Предшественники») был руководителем киевского союза молодежи и ушел вместе с отрядом союза, составившимся из делегатов конференции, на фронт, для борьбы с бандами Зеленого и был убит под Трипольем.

²⁾ Приводится ниже в отделе документов.

Временное Правительство и молодые железнодорожники

Волна Февральской революции докатилась и до депо Юго-Восточной железной дороги, в Орле.

Там слышались звуки марсельезы...

Рабочие полны надежды, энтузиазма...

А на ряду с этим, где-то—за тысячи верст, на полях Европы идет ужасная братоубийственная война... Это обстоятельство невольно заставляло рабочих призадуматься.

Буржуазия учитывает это; и вот делается распоряжение по железным дорогам: всем прибавить к месячному окладу по 60 рублей. Такой подачкой буржуазия думала подкупить взрослых рабочих, тогда как о прибавке молодежи ничего не говорилось, наверное потому, что буржуазия с ней не хотела и считаться.

Взорвало это наших ребят из депо... Заволновались ученики инструментальной мастерской. Бросили работу в своем цехе и пошли по другим мастерским звать за собой остальную молодежь.

Рабочие поддержали молодежь и стали подбадривать ее.

А несколько человек нашлось и таких, которые говорили: «Побольше плеток бы вам, узнали бы тогда, как бросать работу».

Но дело уже приняло серьезный оборот. Недовольство растет и растет, и лишь только подлый и гнусный прием администрации сохранил участок от всеобщей забастовки. В то время в ревкоме сидел эсер Загозда, который не принял никаких мер для развития забастовки и даже, наоборот,—спелся и дал возможность администрации прогнать молодежь из мастерской. Таким образом, агитации развить не удалось.

Проходит день...

В инструментальной мастерской остался один Филиппыч, который задерживал выдачу инструментов, а около двери толпа рабочих все прибавлялась... Часть работы потребовала от ремонтера помощи учеников.

На следующий день, по приказу администрации, нас в мастерскую не пустили. Тогда мы послали к администрации наших активных ребят. Администрация пошла «на попятный» и сказала, что ученикам тоже имеется прибавка, но в половинном размере, и что это была ошибка, а «вам, молодым рабочим, нехорошо так поступать». Даже грозили увольнением наших ребят.

Не знаю, эта ли угроза, а может быть, прибавка на нас сильно подействовала, и мы после обеда приступили к работе.

В этот же день приезжает из Воронежа большевик Берлов. Он узнает, в чем дело, и, конечно, становится на нашу сторону. Он требует у администрации полной прибавки всей молодежи.

Его требования хорошо помогли. Мы все получили по 60 рублей и с этих пор узнали, что вся наша сила в объединении.

Так прошла наша «маленькая» забастовка.

Она оставила глубокий след, и товарищи теперь вспоминают, как в буржуазную революцию Керенского коммунисты шли помогать и бороться за дело рабочих.

А. Жеребцова

В волнах революции

4-е апреля 1917 года. Весенне-праздничный день. В одной из комнат дома Поклевского за длинным столом сидят десятка два юношей и девушек, по-весеннему светло одетых. На полурезвеческих лицах написано столько внимания и серьезности к собранию и обсуждаемым вопросам. Павел Завьялов в своих бронебоссах (галюши максимальных размеров), которые ему не мешает носить даже сухая погода, старается иметь представительный-важный вид и непомерно часто ковыряет пальцем в носу. Миша Бородин беспрерывно ерзает на стуле с видом человека, в компетенцию которого входит все на свете, выступает по каждому поводу и без повода, словоохотливый Лев не уступает ему в речах. Крючкин — веселый товарищ — часто острит. Солидно председательствует Юровская.

Это основоположники юношеской организации при Екатеринбургском комитете РСДРП (б).

Сосредоточенно обсуждают вопрос о создании юношеской организации, ее целях и задачах, выбирают комитет.

А на завтра, в одной из комнат парткомитета нам отводится угол, стол, все необходимое для организации, и стены комитета пестрят целями и задачами юношеской организации из двух пунктов:

1) юношеская организация ставить себе целью воспитать молодежь в духе социализма и 2) помогать комитету партии в черновой работе, прежде всего, в распространении партийной литературы по фабрикам, заводам, казармам путем организации с этой целью артели из состава членов организации молодежи.

Этого было мало, но у нас отсутствовал всякий материал, с помощью которого можно было бы расширить объем нашего понимания задач и целей юношеского движения.

Вспоминается еще одно собрание. Обсуждается вопрос, должна ли организация стоять на определенной политической плат-

форме, в частности, программы с.-д. партии, или только должна знакомить членов с программами партий и стараться воспитывать молодежь в духе социал-демократических принципов.

Споры жаркие, отчаянные. Горячие юные головы стараются убедить друг друга, каждая в своем мнении.

Дискуссионный пыл становится так велик, что когда на собрание заходит только что приехавший в Екатеринбург тов. Крестинский, Н. Н.¹⁾ и извещает желание поделиться своим мнением с молодежью... ему отказывают в слове. Не хотят никакого влияния со стороны взрослого товарища. А когда в конце собрания производится денежный сбор на первомайское знамя, и т. Крестинский не отстает в этом деле от других, собрание проникается к нему полным доверием и разрешает высказаться.

Юношеская организация существовала не больше 2 месяцев, и когда организация РСДРП заняла революционно-большевистскую позицию, большинство наших членов разбежалось, а группа комитетчиков (Хаймс, Юровская, Завьялов, Жеребцова, Лев, Крючкин и др.) осталась на положении генералов без армии.

Такая непродолжительность существования организации молодежи, да еще в самые остро-революционные дни, находит достаточное объяснение в том, что союз с первых дней своей работы взял неправильный курс. Нужно было пойти на фабрики и заводы, там организовать ячейки рабочей молодежи, а мы удовлетворились большим наплывом в наши ряды городской молодежи, в большинстве случаев учащейся, очень юной по возрасту, обывательской по психологии. Парткомитету было не до нас. Он был занят борьбой с соглашательскими партиями и агитационной работой огромной важности среди рабочих и солдатских масс. Кроме того, видели, что мы что-то делаем. И действительно, вся техническая работа лежала на нас: рассылка «Уральской Правды», расклейка воззваний и агитлисток, работа в библиотеке, распространение большевистской литературы, уличная агитация на летучих митингах и многое другое.

В моей памяти сохранился не один случай, когда наших ребят, разносивших по казармам «Солдатскую Правду», изрядно били. Но это не охлаждало революционного пыла молодежи.

Партийный комитет обратил внимание на наше политическое просвещение, и с нами был проведен цикл бесед по с.-д. программе (минимум).

Юношеская организация, несмотря на ее быстрый распад, была первым камнем юношеского движения, предшественницей организовавшегося после 6 съезда (августовского) партии мощного Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

Тов. Н. Н. Крестинский—старый большевик. был секретарем ЦКРКП (б) до X съезда партии, народным комиссаром финансов. Сейчас—полпред в Берлине.

Бурные октябрьские дни.

На Урале, в его столице, рабочие и солдаты—за революцию, за советскую власть.

Саботируют чиновники телеграфа, телефонной станции.

Соц. Союз Рабочей Молодежи, насчитывающий в своих рядах 600 членов, быстро мобилизует свои силы на помощь партийному совету.

Быстро организуются военные десятки, несущие охрану революционного порядка в городе, направляются десятки на телеграф и телефонную станцию. Телеграфисты изучают азбуку «Морзе». Телеграфисты пару суток дежурят на станции в роли телефонных барышень—и как: по 10 человек у каждого аппарата, тогда как там справляются 3 телефонистки.

Шум невообразимый. Один отчаянно громко спрашивает требуемый номер, другой убийственно медленно находит его и соединяет, третий разъединяет. Все стараются перекричать друг друга, и гвалт стоит такой, какого телефонная станция никогда не видела.

А телефонистки приходят изредка узнать, что делается на станции, и называют нас штрейкбрехерами.

Несколько бессонных ночей—в роли охраны на улице и партийном комитете.

А потом—собрание молодежи, речи об октябрьских победах, еще дальше работа по организации молодежи в области, подготовка областного съезда.

Через месяц (25 ноября)—смотр молодым силам Урала. На областной съезд съезжаются 40 представителей уральской рабочей молодежи, 40 юных, лучших, революционно-смелых.

Съезд подготавливается и проводится своими силами.

Шероховато, неуклюже, но бодро и смело выступают докладчики, и по докладам—участники съезда. И все полны неописуемой гордости за свои силы и достижения.

Не оставляет без внимания съезд и областной парткомитет, и т.т. Завьялова, Сафаров, Сосновский присутствуют на нем, как докладчики по некоторым вопросам, как постоянные участники. Нельзя не отметить прекрасного доклада Г. И. Сафарова—об Интернационале, и доклада Л. С. Сосновского—«Грядущий социализм и выработка социальной личности». Съезд происходит в Харитоньевском доме. Мрачные своды господских хором впервые оглашались языком революции, могучими призывами к борьбе, словами беззаветной преданности великому пролетарскому делу, звуками Интернационала.

Съезд был революционным, как и следовало ожидать. Он послал свой привет молодому правительству Октябрьской революции, объявил себя борцом передовых частей армии революции.

Ф. Плясунов

Штрихи прошлого

Первые робкие, нерешительные шаги организации екатеринбургской молодежи делаются в начале апреля 1917 года созданием при екатеринбургской организации РСДРП (большевиков) юношеской организации. Здесь впервые часть лучшей, энергичной екатеринбургской молодежи получает революционное большевистское крещение, получает быструю, прочную революционную закалку, здесь впервые закладывается фундамент самостоятельной организации пролетарской молодежи.

В этой юношеской организации состоят, главным образом, учащиеся, которые или уже сами находятся в рядах РСДРП (большевиков), или у которых родители так или иначе связаны с революционной большевистской работой, и только самое незначительное количество ее членов падает на рабочую молодежь. Последняя в эту организацию пришла или под влиянием личной дружбы, или просто из любопытства, увидев вывеску юношеской организации.

Работа этой юношеской организации заключалась исключительно в помощи партии и в собраниях, на которых постоянно обсуждались вопросы о том, каким образом поднять свой культурный и общеполитический уровень, при чем помощь партии проходила так:

После окончания работы уголок юношеской организации наполняется десятком-двумя парней и девушек. Быстро происходит деление на группы по два-три человека, и каждая такая группа, забрав с собой в больших свертках списки кандидатов или в городскую думу, или в земскую управу, или, несколько позже, в Учредительное Собрание, торопливо бежит по улицам своего участка, останавливаясь то у одного, то у другого дома и попутно агитируя за такой-то номер, передавая эти списки выходящим на стук мещанам—в центре города, и рабочим—на окраинах.

Вопросы о поднятии культурного и политического уровня обыкновенно практически разрешались в виде организованного

чтения вслух той или иной книги и устройства просто какой-либо беседы.

Наконец, узкая, под руководством партии, работа начинает не удовлетворять молодежь, у нее является желание самой разрушать, учиться и созидать. Это желание велико, оно день-от-дня внедряется в сознание молодежи и, наконец, в начале августа 1917 года выливается в форму организации Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

Тут разворачивается широкое поле деятельности для молодых пролетариев. Лихорадочно, спешно создаются ячейки Союза в депо, на Монетном, при Макаровской и Логиновской фабриках, на Верх-Исетском и Ятесовском заводах, создается ячейка типографской молодежи и др. Жизнь отдельных ячеек течет, примерно, в таком направлении:

Ячейка завода Ятес (теперь «Металлист») организуется под председательством молодого рабочего В. Еремина и насчитывает до 30—40 членов. Она пользуется огромной любовью со стороны взрослых рабочих, на что указывает тот факт, что организованный Екатеринбургским комитетом ССРМ сбор добровольных пожертвований на знамя Союза лучше всего был проведен именно на заводе Ятес. Этой ячейкой разворачивается воспитательная работа внутри под следующим основным лозунгом: искоренение среди молодежи хулиганства и приобщение ее к революционной борьбе и работе.

Например, в одном из протоколов ячейки мы читаем: «По первому вопросу вынесена следующая резолюция: общее собрание ССРМ завода Ятес, обсудив вопрос о поведении т. Дружинина и его действиях, постановило: 1) тов. Дружинин исключается из рядов Социалистического Союза Рабочей Молодежи, 2) в течение 3-х месяцев удаляется с работы из завода без права поступления в какое-либо предприятие, 3) тов. Дружинин по истечении трех месяцев занимает свое место, 4) об исключении доводится до сведения Екатеринбургского Центрального Комитета ССРМ, а также заводского комитета и публикуется в журнале «Юный Пролетарий Урала». Еще, ниже, в этом же протоколе записано: «Предлагается всем товарищам вести себя как можно вежливее и на собрании не допускать никаких глупостей».

...Так почти 6 лет тому назад ячейка ССРМ завода Ятес формулировала впервые вопрос о коммунистической этике и морали...

Несмотря на некоторый шум в ячейке Ятес, обыкновенно вызываемый обсуждением хулиганских поступков того или иного ее члена, надо, однако, отметить почти полное единодушие в отношении политической окраски. Совсем иное представляла собой ячейка печатников.

Ячейка печатников возникла под председательством пишущего эти строки и первое время насчитывала 30 человек. Почти с первых же дней работы в ячейке обнаружили себя различные

политические группировки, возникшие под влиянием эсеровствовавших и меньшевистствовавших в то время взрослых рабочих типографии.

Это вызывает ряд интересных моментов в жизни ячейки и дает ей школу политической борьбы... В первое время эта борьба была заметна не сильно. Ячейка, фактически рожденная двухмесячной забастовкой всех типографий города, в первые же дни своего возникновения берется за разрешение экономических вопросов.

В какой-нибудь месяц ей удается провести явочным порядком в крупных типографиях города 4—6-часовой рабочий день. Это поднимает количество ее членов до 220 человек. Несколько справившись с экономическими, ячейка втягивается в обсуждение и политических вопросов.

Роковое собрание... Обсуждается резолюция протеста против ранения тов. Ленина. Небывалый шум... Полуэсеровско-анархистские элементы ячейки протестуют против «большевистской» резолюции и заявляют, что резолюция не зависит от отдельных лиц, и проч. Два раза переизбираются председатели (смотря по тому, какая часть собрания побеждает), и, наконец, резолюция голосуется окончательно... Несколькими голосами побеждают большевики, остальные, во главе со своим вождем, рвут на глазах у всех членские билеты Союза и бросают их в лицо председательствующего... Поражение озлобляет...

После этого раскола в ячейке печатников 100—120 человек, уже окончательно политически определившихся молодых рабочих и работниц.

В дальнейшем ячейка тесно связывается с общегородским комитетом, выделяет несколько человек в отряд юношеской Красной гвардии и на Дутовский фронт.

Ячейка типографской молодежи, или секция печатников ССРМ, как ее тогда называли, была фактически единственной в Екатеринбурге ячейкой молодежи, в которой задачи экономической и политической работы тесно переплелись еще 6 лет тому назад.

Ячейка при депо ст. Екатеринбург объединяет около 50 человек, и работа ее, главным образом, идет с уклоном в сторону некоторой «милитаризации» своих членов. Эта ячейка с первого же момента своего возникновения вливается в отряд Красной гвардии ж.-д. рабочих и здесь учится обращению с оружием. Впоследствии она дает несколько своих членов на фронты.

Несколько раньше других возникнув, имея в своих рядах несколько членов бывшей юношеской организации, эта ячейка по праву считалась одно время сильной и передовой. Но потом, под влиянием ухода лучших своих членов на фронты и в связи с не-

которым разложением, происшедшим в ее рядах по поводу об-суждавшегося исключения из Союза анархистов, она утратила свою ценность и превратилась в ячейку посредственную.

Но как бы то ни было, в то время, о котором мы сейчас говорим, деповская ячейка неоднократно попадала на первое место во всех решениях и постановлениях общегородского комитета и была для многих ячеек примером.

Так развивались и крепились наиболее сильные ячейки ССРМ екатеринбургской рабочей молодежи.

* * *

Молодежь кругом зашевелилась, и с каждым днем ряды Союза все больше и больше расширяются, становятся организованнее и получают определенную твердую большевистскую окраску. Движение углубляется, растет и ширится, из искры разгорается пламя.

Стремление молодежи к спайке, организованности настолько сильно, что ее радует даже маленькое дело, которое сделал не один человек, а вся организация.

Помнится встреча 1918 года...

Комитетом было постановлено ознаменовать встречу нового года концертом-спектаклем. Для этого выделяется особая комиссия, которая принимается за подготовку праздника. Беганье, хлопоты. Сооружается частью своими, а частью приглашенными силами спектакль, приглашаются для участия в концерте оперные артисты, идут головокружительно-быстрые приготовления буфета.

Все в работе, все у дела. Каждый, выполняя данную ему работу, чувствует, что он делает ее не для себя, а для всех.

Ночь с 31-го декабря 1917 года на 1-е января 1918 года.

Море голов молодежи в музыкальном училище... Смех... Шутки... Радость.

Эта встреча еще сильнее неразрывными нитями связывает союз с рабочей молодежью и пополняет его ряды.

Даже маленькое никудашное помещение из двух комнат-шек в нижнем этаже одного из домов на Арсеньевском проспекте не смущает молодежь. Открытая там мизерная библиотека привлекает всеобщее внимание молодежи, окрыляет порыв, желание и стремление творцов грядущего.

Вспоминается зимнее время 1917 года...

В нашем клубе—из двух комнатенок—темно, холодно. Посредине одной из комнат стоит железная печь, которая ежеминутно пополняется то бумагой, то мелко наколотыми дровами (не принадлежащими союзу, а раз так, то значит, у кого-то стаченными).

На столе стоит керосиновая лампа, беспощадно коптящая и своею копотью покрывающая и без того черный потолок. В

комнате полно молодежи. За неимением стульев, сидят на окнах, столе и даже на полу, возле печки; целый ряд товарищей стоит, прислонившись к стенам комнаты...

Идет заседание общегородской конференции, обсуждается вопрос о созыве областного с'езда организаций молодежи.

Сначала все тихо и мирно, потом поднимается шум, завязывается спор. Председатель звонит, но ничего не может поделать, а потому отказывается. На его место избирается другой. Шум утих. Вопрос разрешили. Переходят к следующему.

Постановили: взять инициативу созыва областного с'езда Екатеринбургскому союзу, открыть до трех клубов при крупных ячейках, открыть школу по ликвидации безграмотности, ввести своих представителей в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и т. д., и т. д.

Задания у организующейся молодежи велики... Вырастает большая потребность в хорошей библиотеке, появляется стремление к сцене, к большой-большой работе, невыполнимой из-за малого помещения.

Двух комнат не хватает... Хочется занять что-то хорошее, чего бы хватило для всего, что предполагается сделать в Союзе. Но все-таки и при такой обстановке желание работать не угасает, а, наоборот, еще сильнее разгорается. Даже и в двух темных, холодных комнатах рабочая молодежь находит отдых, находит целесообразное времяпрепровождение.

Наконец, наступает время получения хорошего, удовлетворяющего молодежь, помещения: под организацию ССРМ отдается помещение «общественного собрания» (сейчас в нем помещается комклуб).

Праздник... Моментально перетаскивается весь «инвентарь» союза, состоящий из стола, нескольких стульев и шкафа, в новое помещение.

Здесь резкий контраст—одну часть помещения занимает союз, другая все еще находится под владычеством г-на «капитала».

В одной стороне помещения собирается рабочая молодежь, разрешает вопросы о борьбе с капиталистами, фабрикантами, заводчиками, спекулянтами, буржуазией, в другой части раздается монотонное «20», «50», «13» и т. п. Это мещане, купцы, маклера, «после трудов праведных», с трясущимися от жадности руками, в лото «пытают свое счастье». Крупная екатеринбургская буржуазия ставит на карту пот, кровь и слезы своего рабочего, набивая свои, и без того тугие, карманы.

Наконец, 20-го февраля в 12 часов ночи, собственными силами союза вышибаются в три шеи из насиженного гнезда все игроки, прожигатели жизни, вечные дармоеды-буржуа.

В «общественном собрании» на следующий день сжигаются тысячи колод карт.

Пролетарская организованная молодежь города Екатеринбурга свободно вздохнула—она получила возможность широко развить и поставить свою работу.

* * *

Однако, революция углубляется, пролетарская власть укрепляется, буржуазия, как утопающий за соломинку—хватается за каждое малейшее темное, гнусное дельце, направленное против рабочих и крестьян.

Организованная молодежь всего Урала, в частности Екатеринбург, поняла необходимость защиты революции, необходимость подготовки кадра защитников интересов пролетариата.

Для конкретной помощи рабоче-крестьянской власти, для получения военной подготовки, Екатеринбургская организация ССРМ, в феврале 1918 года, создает отряд юношеской Красной гвардии, куда вошло до 70—80 чел. лучших членов союза. Первая работа отряда союза заключалась в обучении рассыпному строю, стрельбе, обращению с бомбами и т. д., но постепенно эта работа расширяется и получает вполне организованный характер. Так, при выступлении анархистов (при занятии ими помещения «Коммерческого собрания») отряд союза уже организованно выступает, вместе с другими отрядами Красной гвардии, против них.

Начинает чувствоваться углубление работы. Одни усиленно занимаются в отряде, другие готовятся к спектаклю, третьи углубляют свои познания в кружках.

Но темное дельце, направленное против рабочих и крестьян, нашлось—это выступление банд Дутова...

Тревога... Революции впервые на Урале приходится сталкиваться с вооруженным врагом.

Рабочий Урал зашевелился... Формируются дружины Красной гвардии против Дутова... Взрослые пролетарии гор. Екатеринбурга сотнями, тысячами вливаются в эти дружины. Не отстает от них также и рабочая молодежь.

В отряде ССРМ—приподнятое настроение. Выносятся решение ехать на фронт. Рассылаются телеграммы в другие организации союза.

7—8 марта 1918 года несколько комнат Союза представляют собой муравейник. Здесь с'ехалось свыше ста человек молодежи с уральских заводов, горящих желанием померяться своими юными силами с контр-революционером Дутовым.

9-го марта производится обмундирование. Ребята меряют, примеривают. Много смешных историй: то шинель волочится по полу, то рукава длинные, то в сапог хоть обе ноги толкай...

Наконец, все улажено: красногвардейцы разошлись по-солдатски. Выдаются винтовки, кучками учатся разбирать и собирать их.

10-го марта отряд идет на стрельбище, а 11-го утром уезжает на фронт—бить дутовцев.

* * *

В это время Екатеринбургская организация ССРМ обескровливается, т. к. все лучшие работники уходят на фронт. Работа падает. Союз слабеет.

Ячейки, оставшиеся в составе небольшого количества членов, при низком возрастном составе, оказываются на положении, в полном смысле слова, предоставленных самим себе. Их работа даже по созыву собраний останавливается...

Оставшиеся в Екатеринбурге работники союза физически не в состоянии были остановить развал всех ячеек. Они поддерживали только некоторые из них, намереваясь возродить остальные с приездом руководителей союза с фронта.

* * *

Но этот развал недолго длится. 1-го мая 1918 г. отряд возвращается с фронта, и работа снова оживляется.

Екатеринбургский общегородской комитет союза, вернувшись с фронта, приступает к оживлению организации.

Распускается 1-й городской район, прикрепляются постоянные работники к ячейкам союза, открывается школа, возобновляется издание «Юного Пролетария Урала», органа ОК и ЕК, и пр., и пр.

16-го мая происходит знаменитая общегородская конференция ССРМ, на которой был поднят вопрос об исключении из союза анархистов, но этот вопрос разрешить все же так и не удалось. Конференция определенно раскололась на двое и тем доказала еще недостаточно определившуюся политическую зрелость организации.

Постепенно поднимается работа и в ячейках. Но еще одно испытание приходится вынести пролетарскому Уралу—это, как-то стремительно быстро разразившееся, чехо-словацкое восстание.

Последние числа мая. В городе тревожное настроение. Ходят слухи о восстании в Челябинске. Молодежь насторожилась и жадно ловит все, что до нее долетает...

Снова собирается отряд Союза из товарищей, живущих в Екатеринбурге. Отряд по целым ночам дежурит, то в комитете партии, то в Совете. Снова все мечтают о фронте, борьбе, но только некоторым удается эту мечту осуществить, остальные же вынуждены остаться...

Сбор отряда со всего Урала не удается, так как в Невьянке вспыхивает восстание, железнодорожное сообщение прерывается, и никто не приезжает.

Снова город пустеет. Лучшие работники союза уезжают на новый чехо-словацкий фронт.

Опять деятельность Екатеринбургской организации союза молодежи затихает. На этот раз—на целый год...

В июне город сдается... Занавес резко падает, закрывая яркие, сильные, живые, революционные порывы пролетарской молодежи Екатеринбурга, а с ним и всего Урала. За ним разыгрывается другой кошмарный акт—годовое угнетение, эксплуатация, торжество временно победившей буржуазии. Проливаются реки слез и крови, истязаются рабочие массы Урала, бесшабашно по спинам уральской молодежи разгуливает шомпол, казачья плетка.

Кошмарный, до ужаса потрясающий год колчаковщины, похравший лучшие, светлые головы пролетарской молодежи Урала, наконец, проходит. Занавес мгновенно поднимается—и перед нами, вместо слабого, кустарного ССРМ, в Екатеринбурге мощная, несокрушимая организация РКСМ. Не кустарная, без всяких планов, а определенная, углубленная работа по выработке достойных преемников взрослых борцов.

Революционное движение екатеринбургской молодежи в прошлом терпело временное поражение от контр-революционеров, теперь его ждет окончательная победа над буржуазией.

Великое прошлое пережила екатеринбургская молодежь. Еще величавее—ее будущее.

В. Бабушкин.

Гусевские ребята

Через месяц после февральской революции, в которой гусевские молодые рабочие в своем Гусю-Хрустальном принимали активнейшее участие, если не говорить даже о руководящей их роли,—в Гусе организовался Союз молодежи. Думали над названием недолго и назвали его «Социалистическим».

Это было во Владимирской губернии, в рабочем местечке Гусю-Хрустальном, в 50 верстах от города Владимира по Тульской (Рязано-Владимирской) узкоколейке, в поселке, насчитывавшем до 20.000 жителей рабочих стекольного завода и текстильных фабрик известного Нечаева-Мальцева, во время февральской революции принадлежавших министру народного просвещения Игнатьеву.

Тяжелые времена были для гусевской молодежи. Большевистских сил было мало, и все коммунистическое группировалось вокруг союза. В организованный Совет Рабочих Депутатов в большинстве прошли меньшевики.

Выбрав время поудобнее, когда несколько дней подряд не было в Гусе хлеба, наш союз явился в полном составе на заседание Совета. Немного поагитировали, и всей своей массой «выперли» со сцены президиум и назначили перевыборы Совета. На перевыборах провели большевиков.

Союз не мог заняться чем-нибудь другим, кроме «политики чистой воды».

Ребята росли «под гром пушек», жали «десять министерства капиталистов», выступали неудачно в июле, выступал Корнилов, проходило демократическое совещание, близился второй съезд Советов. Октябрьскую революцию гусевцы провели у себя довольно спокойно: в то время у них уже была порядочная и довольно крепкая большевистская ячейка. Ближайшим делом гусевцев после октября было развернуть работу, «укомплектовать» губернию такими же Союдами, создавая Союзы в мало-мальски крупном рабочем центре. Подумывали о своем журнале.

От разговоров до дела у гусевцев было недалеко. Они отправляют лучших товарищей в поход на губернию.

Ездили по губернии «главари»—Трефилов, Тимофеев, Соколов. Последний в январе 18 года после Муромы заехал во Владимир. По соседству с Нарообразом и редакцией газеты «Известия» поместился организованный незадолго до этого Владимирский Союз молодежи «III Интернационал». Последний получил приглашение на губс'езд в Гусь-Хрустальный на 30-е января 1918 г.

Первый съезд рабочей молодежи, организованной в Союзе, состоялся 1-го февраля в Гусе. На нем было 14 делегатов от 9 организаций, с 600 чел.

Сказать, что Союзы были об'единенные,—нельзя, так как, кроме принятого единого названия, «Союз молодежи, III Интернационал»,—ничего об'единяющего не было.

Не было выработано ни программы, ни устава, не избрали губкома. Съезд поручил дальнейшую работу по губернии передать Владимирскому Союзу. Ему же поручено было выпускать журнал для всей губернии.

После этого гусевские ребята еще раз «переизбрали» Совет, устроили «левую оппозицию» Брестскому миру, ездили почти всей организацией на чехо-словацкий фронт, откуда и распылились по всей земле русской.

«ВЕСТНИК ИНТЕРНАЦИОНАЛА»

В первый же месяц после Октябрьской революции во Владимире организовался Союз молодежи «III Интернационал»; организовался из среды учеников после неудачной 4-дневной забастовки в гимназии. Существовавший с марта 17 года «Об'единенный Комитет учащихся ср.-уч. заведений» забастовку осудил и тем самым похоронил себя, ибо наиболее активная часть из него ушла и организовала Союз.

Взаимоотношения с партией установились быстро, как нельзя лучше. Фронтвик Данилов—председатель парт. комитета, взял пять членов Союза, позвал к себе и заявил:—Вступай, ребята, в партию». Без всяких проволочек, без заполнения анкет, без утверждения, через 5 минут мы уже получили партбилеты, двое из нас были пятнадцатилетние, остальные—шестнадцатилетние «старички».

После губс'езда Союза в Гусь-Хрустальном Владимирский Союз выделил губернское Бюро, которое и создало в мае II губс'езд, об'единивший уже 1.200 членов и 20 организаций. Съезд выработал программу и устав, выбрал губком, которому и вручил бразды правления.

1-е мая 18 года ознаменовалось из ряда вон выходящим событием. По улицам Владимира бегают орава мальчишек и продает журнал: «Новый журнал»... Очень интересный... Журнал

«Мы жизнь куем». Это был первый номер журнала «Вестник Интернационала» Владимирского Союза Молодежи. На обложке нарисован был кузнец, поднявший над наковальней молот, а сверху идет лозунг—«Мы жизнь куем». Журнал с иллюстрациями—клише собственного изготовления из линолеума.

Сотрудники у нас появились лишь со второго номера, из Покрова прислал пару стихов нам Герасим Фейгин, которого мы знали лишь по нескольким стихам, помещенным во Владимирской газете. Впоследствии Герасим стал активным работником Союза и вовлек в Союз своего брата—Владимира. Работал во Владимире, Иваново-Вознесенске, был на фронте, лежал тяжело раненый в лазарете и, еще не оправившись совсем от раны, пал геройски под Кронштадтом.

Но вернемся к журналу. Что в нем было о молодежи? Были лишь призывы к юншествоу, отчет о губс'езде и больше ничего. Статьи больше писались на темы международной политики, о Фр. Энгельсе, «совершенно неожиданно недавно умершем»—как писал журнал. Журнал выпускался на самоокупаемость... принималась подписка на 5 первых номеров по цене 30 копеек за номер.

Журнал умер после выхода в свет двойного 1-го номера.

Перед мобилизацией на чехо-словаков прошел еще один с'езд Союзов Владимирской губернии.

На этом III с'езде, между прочими вопросами, обсуждался и вопрос об отношении к Брестскому миру. Решение было вынесено в пользу «правых коммунистов» при двух воздержавшихся «левых». Мобилизация прошла стихийно, настолько стихийно, что губком узнал о том, что Гусевская и Ковровская организации снялись на фронт почти целиком лишь на вокзале, при проходах.

Много из них пропавших без вести, много убитых. Среди пропавших (по слухам, геройски павших под Казанью) был и член Владимирского губкома, ковровец Гладышев. А сколько пало под Ярославлем при подавлении восстания, при Муромском восстании. Из Гусевского красно-гвардейского отряда пали два члена Союза во Владимире в мае 1918 года при подавлении восстания.

Куда делась старая гвардия Владимирского Союза? Ее можно встретить всюду. Я еще не видал ни одного города, где бы не было их.

КАК МЫ ОРГАНИЗОВАЛИ ГУБЕРНИЮ

Мы организовались и не знали, что делать. Кроме митингов по текущему моменту, никакой воспитательной работой не занимались. Да и где тут воспитательная работа... Мы ведь «Губ», надо организовать губернию. Но вот вопрос: как ее организовать.

Выдумали: поручили Гусевской организации вести работу в двух ближайших уездах, к Коврову—тоже прикрепили поря-

дочный район, тоже к Мурому и Владимиру. Написали «Инструкцию», где говорилось, чтобы разбить район на подрайоны и прикрепить к каждому подрайону «агитатора», главнейшей и единственной задачей которого ставилось организовывать новые союзы. «Работай, ребята. Инструкция выслана».

Пользовались всяким случаем, чтобы послать «агитатора» туда, где еще не создан Союз; пользовались всяким средством передвижения: и подводой, и велосипедом, и поездом, и просто пешком. За какую-нибудь неделю успевали создавать Союзы и в Лемешках, и в Собинке, и в Лунево, и в Гатихе, и еще, и еще где-то. Пускались и на другие хитрости. На с'езде устанавливали норму—для всякой организации один делегат; и группа бойких парней, увидя листовку, приглашавшую на с'езд, называла себя «Союзом» и высылала «делегата». По их возвращении в деревне или на фабрике уже крепко обосновывалась ячейка.

Писали письма в виде официальной бумаги, за соответствующим номером, от губкома в волысполкомы, в волнаробразы, грозно запрашивая, имеется ли у вас Союз, и если нет, то почему до сих пор не приняты меры и т. д. На робкие волостные власти губернский запрос производил соответствующее действие, и союзы росли.

Перед первым с'ездом держали все организации в такой нервной атмосфере, что нетерпеливые судоходцы, увидя об'явление в московской «Правде» о созыве с'езда на 25-е октября, от радости перепутали месяцы и прикатили в Москву 25 сентября. Потом мы получили соответствующую дружескую инструкцию из Москвы о том, как надо ехать на с'езд.

На первом с'езде от Владимирской губернии было 40 делегатов из 170 всех присутствовавших со всей России, и губерния насчитывала 7.000 членов из 22.000 представленных на с'езде.

Первым губс'ездом, переименованным свое название, был Владимирский, созданный в декабре,—через месяц, не более, после 1-го Всероссийского. На нем было до сотни делегатов от 5.000 членов—несмотря на то, что с'езд созывался телеграфным порядком, и многие Союзы о нем не знали.

А. Безыменский

„Мы жизнь куем“

В этот день Бабушкин был в мечтательном настроении. Сидел в кресле против меня и строил планы работы предполагаемого губернского, всероссийского, мирового и междупланетного объединения молодежи.

Это было в губернском комиссариате народного просвещения Владимирской губернии, штаты которого состояли из двух человек: губернского комиссара и меня, его секретаря. Занимали мы палатку в крохотной комнатке внизу «Народного Собрания».

Работы у меня было много. Кроме моих непосредственных обязанностей, заключающихся в приеме одного человека в два—три дня, я редактировал губернскую газету, сплошь состоявшую из вырезок. Эта работа отнимала у меня часа два орудования ножницами.

Остальное, незначительное, оставшееся время я отдавал на работу во Владимирском союзе молодежи «III Интернационал», только что образовавшемся из союза учащихся того же названия.

Итак, о Бабушкине.

Он говорил, а я мечтал. Неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы я случайно не угостил автора ножницами в руку.

Это подействовало отрезвляюще. Разговор перешел на более конкретную почву.

— Первым долгом надо издать журнал,—проговорил я, высказывая давно лелеемую мечту.—Сначала напишем его мы, потом, вот увидишь, в нем будет участвовать вся Россия, а потом... потом...

Васька—человек положительный. Прodelав по комнате несколько «па» танца Шикару, он схватил меня за руку.

— Идем.

— Куда?..

— В типографию—и никаких гвоздей.

По дороге условились держать себя возможно солиднее и вообще не зарываться, не строить неосуществимых планов, а исходить из реальных возможностей.

Но странно. Почему-то дорога в типографию, которая помещалась напротив, продолжалась не менее часу. Каждый из нас с жаром вставлял коррективы к плану, «системе» распространения и к формулировке значения такого начинания, как журнал.

Но, наконец, пришли. Тщательно выставив на вид портфель, который, как я думал, придавал моей особе много весу, солидности и деловитости, говорю:

— Мы хотим издать журнал в восемь полос, еженедельный. Сколько это будет стоить?.. И можно ли будет уплатить после распространения? У нас уже есть телеграммы с подпиской из Москвы, Питера и других городов.

Хотел я прибавить «из-за границы», но побоялся.

Медленно шел подсчет. С каждым стуком костяшки обрывались наши поджилки.

— Двести девяносто три рубля. Денег подождем.

Победа...

Целых два дня непрерывно шло в союзе обсуждение величайшей важности вопроса—о названии журнала.

Заседание не слишком отличалось от мук людей, отыскивающих «лошадиную фамилию».

Предлагались названия—и отвергались. Минут по пять молчали и думали. Кто-нибудь надумает и ляпнет. Спор—и снова молчат.

После долгих страданий, как-то сразу, остановились на одном и постановили:

«Вестник Интернационала».

Муки творчества начались. Писали все. Но все и рвали. Главное, спешили, чтобы выпустить журнал к 1-му мая.

В результате—из 14 статей десять были написаны мной и Бабушкиным. В первый раз я осмелился тиснуть свои стихи.

И вдруг—письмо. Настоящее, неподдельное, с почтовой маркой и штемпелем. Мы были на седьмом небе.

Это первое письмо со стихами было от Герасима Фейгина.

Журнал набирается. Тут же и я с Васькой. Мы «помогаем» мешать.

Я не выдерживаю, беру верстатку, оригинал, и медленно, поученически, начинаю набирать.

Васька с завистью смотрит на меня.

Журнал верстается. Полагаю, что дело бы шло гораздо скорее, если бы нас не было. Но уйти нет сил. Из типографии нас не выгнали бы никакими пушками.

Журнал печатается. До ночи, до того, как пришли печатники (этак часов шесть), мы похаживали около набора, трогали его пальцами и отходили, ликуя.

Машина пущена—и с первым взмахом типографских пальцев машины мы получили свежий, изумительно пахнущий лист.

А из обложки (нарисованной нашим художником Яшкой Бановичем и вырезанной им на линолеуме), кроме ликующего названия «Вестник Интернационала», заодно выглядывали вставленные набором слова:

«Мы жизнь куем»...

Нагруженные отпечатанным журналом, отправляемся в «редакцию» (часа в три ночи).

До утра, до света, сидели мы и сворачивали развернутые листы.

А после, боясь уходить, боясь, чтобы чья-нибудь нечестивая рука не прикоснулась к «Вестнику», мы положили сфальцованные номера на пол и так сладко, как никогда, заснули.

Свежие, бодрые, первомайские—проснулись мы. Живо собрали членов союза и роздали журнал для продажи во время демонстрации.

Я побежал раздавать журнал партийцам. Вернувшись, я увидел Бабушкина посреди целой армии мальчишек, которым он вручал немера «под расписку».

— Двадцать пять копеек нам, пять вам,—говорил он наставительно.

Целый день продавался журнал, и к вечеру не осталось ни одного.

Но даже часам буйной радости, при виде успеха нашего дела, не сравняться с теми секундами, в которые мы, утопая в блаженстве, слышали звонкие голоса мальчишек, заодно выкрикивавших:

— Новый журнал: «Мы жизнь куем». Новый журнал: «Мы жизнь куем»... «Мы жизнь куем». «Мы жизнь куем».

М. Гринченко

Большевистский союз

I

После Февральской революции в Херсоне, как и по всей России, начинается оживление. Освобожденные из тюрьмы политические работники организуют Совет Рабочих Депутатов. Рабочие начинают активную борьбу со своими предпринимателями за улучшение своего материального положения. Уже введен 8-часовой рабочий день, повышена заработная плата.

Лишь рабочие-подростки попрежнему влачат жалкое существование, не принимая активного участия в политической жизни. Особенно остро это дает себя чувствовать на большом заводе Гуревича, и молодежь начинает шевелиться. Еще нет сознания необходимости своей организации, но осязаемая потребность в защите своих интересов заставляет рабочих-подростков требовать места в заводском рабочем комитете.

Спротивление завкома еще больше убеждает молодежь в необходимости активного участия в борьбе за улучшение своего материального положения, а у более сознательных зарождается мысль о создании союза подростков.

Сначала организуется только группа (по нынешнему—ячейка) подростков на заводе Гуревича, которая развивает преимущественно экономическо-правовую работу. Отсутствие элементарной политической грамотности дает себя скоро чувствовать, да и развивающиеся события зовут, будят к сознательной жизни, требуют ориентировки. Это дает понять группе рабочих подростков, что необходима организация.

После долгих мытарств удалось отвоевать у Совета Рабочих Депутатов помещение, на собранные у подростков деньги изготавить печать, и объявляется первое организационное собрание рабочих-подростков. Подростки охотно откликаются на призыв, валом валют в союз. Приходят также молодые служащие, среди

которых имеются довольно развитые политические работники с некоторым подпольным стажем.

Избранный на первом собрании (присутствовало около 300 человек) комитет из 5 членов, по вполне понятным причинам, оказался неработоспособным. Работа была свалена на плечи председателя Бориса Михайловича. Превосходный организатор, хороший товарищ с тонким классовым чутьем, молодой революционер—он почти один вынес на своих плечах всю тяжесть организации союза и его дальнейшей деятельности. Он проводил дни и ночи в союзе, давая указания членам комитета и членам союза, представляя на заседаниях Совета профсоюзов и других организаций, выступая на митингах и собраниях подростков, пропагандируя идеи союза.

Пассивное отношение большинства социалистической молодежи к союзу, при огромной нужде в политических развитых работников, вызвало со стороны Бориса Михайловича и остальных работников союза неприязненное отношение к интеллигентной молодежи, отношение, не изменившееся почти за все время существования союза¹⁾.

Комитет союза подростков начинает усиленно развивать работу. Он принимает участие к кружечных сборах, устраивает экскурсии на острова, выпускает воззвания к рабочей молодежи, распространяет литературу, устраивает митинги на заводах и фабриках и вечера-спектакли. Культурно-просветительный отдел комитета организует библиотеку, драматическую студию, а организационный отдел приступает к организации коллективов на предприятиях. Рабочая молодежь в городе начинает оживать и проявлять активность. Юные кожевники организуют районный союз подростков и связываются с общегородским комитетом. Членские взносы поступают в довольно крупных размерах, и в кассе комитета собирается приличная сумма денег, позволяющая делать значительные расходы. Деятельность союза расширяется, все дело принимает солидный вид официальной пролетарской организации.

Комитет союза вступает в борьбу за введение 6-часового рабочего дня для подростков. Совет рабочих депутатов, профсоюзы и другие пролетарские организации, видя растущую молодую силу, начинают считаться с союзом, всячески приходить ему на помощь. Борьба за 6-часовой рабочий день увенчивается успехом. Рабочая молодежь получает возможность учиться, обогащаться политическими знаниями.

II

Между тем, выше этажом в том же доме совдепа ютился социалистический кружок молодежи, насчитывавший всего 16 членов. Кружок вел свою историю с 1916 года, с царского подполья, когда его организовали ученики 5—6 класса 2-й городской гимназии. Все члены кружка были буржуазные и мелкобуржуазные

юноши, занимавшиеся самообразованием и небольшой практической работой среди учащихся.

В большинстве свободолюбивые, революционно настроенные (и только), они принимали лишь пассивное участие в политической жизни города, поддерживая связь с бывшими политическими заключенными, работавшими в это время в пролетарских организациях. Среди членов кружка были, однако, такие, которые желали активной борьбы, были способны к ней и готовы на самопожертвование. Геройская смерть Ивана Шульги на Деникинском фронте и мученическая смерть Георгия Полякова на виселице белых дьяволов—лучшие доказательства сказанному.

Первый был ранен и попал в плен. На предложение деникинцев перейти к ним на службу от ответил категорическим отказом, за что был на месте расстрелян.

Второй в августе 1919 года остался в Херсоне для подпольной работы и подготовил вооруженное восстание. Накануне выступления он был задержан, оказав при аресте вооруженное сопротивление. На следующий день, когда его везли ночью в автомобиле на казнь, он, при проезде через базар, выскочил из автомобиля с завязанными руками и спрятался под одним из рундуков. Раздавшимся вслед за ним выстрелом он был ранен. Замеченный ночным сторожем, он, окровавленный, был выдан белогвардейцам и на ближайшем фонаре повешен.

Почти все остальные члены кружка из активных тесно связали свою судьбу с пролетариатом и его героической борьбой и ныне все ведут коммунистическую работу. В это время кружок большей частью занимался самообразованием, уделяя лишь минимальное внимание практической работе. Однако, жизнь властно требовала своего. Накопленные знания оставались неиспользованными, и это обстоятельство стало тяготить членов кружка. Кроме того, все новые и новые политические кампании звали к активному участию в них, что можно было осуществить, состоя в организации более мощной и широкой, чем кружок.

Союз подростков не мог, конечно, удовлетворить всем требованиям, но во всяком случае союз представлял собою солидную базу для создания крепкой юношеской организации. Долго члены кружка обсуждали вопрос; решить его было довольно трудно по многим причинам. Их останавливала и среда подростков, с которой они почти совершенно не были знакомы, и крайнее нежелание расставаться со своей интимной обстановкой, и еще многое другое. Но вопрос о слиянии назрел настолько, что и в кружке и в союзе только об этом и шла речь.

Союз колебался: боязно было впускать в свои ряды мелкобуржуазную интеллигенцию, очень не хотелось расставаться со своим названием, завоевавшим столько симпатии в среде рабочей молодежи, слишком туманны и неопределенны были перспективы будущего.

Но переговоры начались. Обе стороны мобилизовали свои силы для генерального сражения, которое произошло на одном собрании в августе—сентябре 1917 г. Вопрос о слиянии был решен в положительном смысле. Союзу было дано название Социалистического Союза Молодежи, и на втором специальном собрании был избран исполнительный комитет из 25 человек. Кругок передал свои средства и библиотеку в союз, и закинула организационная работа.

III

Первое заседание исполнительного комитета союза было посвящено двум вопросам: во-первых, конституции исполкома, во-вторых, плану дальнейшей работы.

Оба вопроса были чрезвычайно важны для будущего союза, и поэтому члены исполкома почти поголовно приняли горячее участие в обсуждении их. Исполнительный комитет, как ответственный руководящий орган союза, серьезно и деловито подошел к разрешению вопросов, обеспечив и политическую устойчивость и работоспособность. Исполнительный комитет имел ярко выраженную политическую физиономию, и по партийной принадлежности члены исполкома делились приблизительно так: 6 большевиков, 3 левых эсера, два меньшевика и остальные сочувствующие большевикам и левым эсерам.

Таким образом, политической линией исполкома была линия Совета Р. и К. Депутатов, руководимого местными комитетами большевиков и левых эсеров. Союз в целом разделял политическую линию исполкома и в его лице принимал самое активное участие в политической жизни Херсона²⁾.

С самого начала исполком развил большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу. Были организованы секции молодежи при профсоюзах: швейников, кожевников, служащих торгово-промышленных предприятий и друг.; было выпущено несколько воззваний к рабочей молодежи, установлены тесные взаимоотношения с культпросветительными организациями. Исполком принял участие в организации центрального революционного клуба и перенес туда часть своей просветительной работы, так как в клубе сосредоточивались массы молодежи. В правлении клуба был постоянный представитель исполкома союза, который проводил все необходимые союзу мероприятия через правление. Большую работу в клубе развила драматическая студия союза, которая поставляла участников на концерты и даже подготавливала серьезную революционную пьесу. Но последующие политические события положили на некоторый период конец всей работе союза.

IV

Немецкие оккупационные войска приближались к Николаеву. В Херсоне становилось тревожно. Недавно созданный Совет На-

родных Комиссаров беспрерывно заседал, пытаясь разрешить вопрос: вступать или не вступать с немцами в бой.

Неизвестно, как был бы вырешен вопрос, если бы внутреннее положение Херсона не создало обстановку, при которой Советская власть дольше оставаться не могла. Существовавший в городе союз фронтовиков³⁾, который состоял из вернувшихся домой с фронта солдат, за короткий срок достиг солидных размеров и стал претендовать на политическую роль. Не ограничиваясь представительством в Совете, фронтовики требовали $\frac{1}{3}$ мест в исполкоме. Последний на это не согласился. Своими вооруженными силами он мог бы ликвидировать союз фронтовиков, но внешняя угроза заставила его не вступать в бой с фронтовиками, а уйти, сохранив в целостности красногвардейские отряды.

С уходом Совнаркома перед Союзом Молодежи встал вопрос: что делать—уйти из города или остаться и перейти на нелегальное положение? Меньшевики и другие неблагонадежные элементы были удалены из исполкома союза. Несколько дней и ночей этот вопрос мучительно обсуждался, пока не был вырешен в пользу перехода на нелегальное положение.

Я помню ту ночь, когда на берегу стояли, готовые к отплытию, последние советские пароходы. Херсонские наркомы поспешно кончают последние дела. В городе фронтовиками некоторые ответственные работники уже арестованы, а в нижнем этаже «белого дома» (дома Совета) еще светло. 10 человек исполкомцев ликвидируют дела Союза Молодежи. Архивные бумаги сжигаются, деньги подсчитываются и сдаются одному лицу, также и печать. Библиотека разбирается на части, и каждый берет часть книг для сохранения. Красное знамя союза торжественно снимается с древка и поручается товарищу председателя союза.

Все сложено, все сделано, но никто не решается уходить. Вдруг дверь с шумом открывается, вбегают т.т. Г. и К. (наркомы) и взволнованными голосами приказывают тушить свет. Становится темно, все спешат поскорей уйти.

Всю ночь 10 юношей, ответственных за судьбу организации, стойко стояли на страже, пряча порученные им святыни социализма. На следующий день некоторые из них, члены Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), скрылись из города. Остальные сгруппировали вокруг себя лучшие элементы рабочей молодежи и готовились к подпольной союзной работе.

Две недели власть в городе находилась в руках «Совета пяти», избранного общим собранием союза фронтовиков, две недели революционная стихия боролась с германским империализмом, и молодежь принимала в этом активное участие.

Наконец, немецкий бронированный кулак повис и над Херсоном. Много членов было арестовано и сослано в Германию в концентрационные лагеря за участие в повстанческом движении

фронтовиков. Жизнь в городе входила в «нормальную» колею, утверждалось господство буржуазии.

На ряду с созданием подпольной большевистской организации, во главе которой стоял председатель союза Б. Михайлович, остальными членами исполкома союза начинается работа по формированию юношеской организации. Будучи тесно связан с совпрофом, легализовавшим все профсоюзы, президиум исполкома союза также приступил к выработке устава «Союза рабочей молодежи» для регистрации его в окружном суде. Выработке устава предшествовал горячий спор в исполкоме союза по вопросу о том, какой союз создавать: легальный или нелегальный. И вопрос был вырешен в строго большевистском духе, а именно: использовать все возможности для легальной работы, создав официальную организацию, и персонально привлечь лучших членов союза к активной подпольной партийной работе, а также союзу в целом принимать участие в подпольной работе распространением прокламаций, литературы, агитацией за стачки и проч.

В течение двух месяцев президиум исполкома тщетно добивался формальной легализации союза, три раза переписывался устав со внесением вынужденных поправок—все было напрасно. Но на ряду с хлопотами в окружном суде шла открытая работа союза. В начале мая было выпущено воззвание к рабочей молодежи с призывом сплотиться под знаменем союза для борьбы с капиталом, и созвано было первое организационное собрание «союза рабочей молодежи».

Наше собрание посетил агент осведомительного отделения, но участники держали себя стойко и смело. Докладчики открыто говорили о наших намерениях, резолюции принимались единодушно. Собранием был избран комитет, который на следующий же день приступил к усиленной работе.

Маленькая комната союза рабочей молодежи на Ганнибаловской улице превратилась в штаб подпольной большевистской организации, где распределялась литература для распространения, устраивались заседания и проч.

Примечания:

¹⁾ Это необходимо помнить для того, чтобы далее было понятно, почему так долго тянулись переговоры о слиянии союза подростков с кружком социалистической молодежи.

²⁾ Анархистские идеи, хотя и проповедывались в союзе, но успеха не имели.

³⁾ Союз фронтовиков был орудием в руках черносотенных элементов, умело прикрывающих свои монархические тенденции революционными фразами.

Первый Нижегородский губс'езд союзов молодежи

Первый губернский с'езд организаций «союза рабочей молодежи» состоялся 4 апреля (н. с.) 1918 г.

До него, еще в 1917 году, в декабре месяце, создавалась организация союза рабочей молодежи «III Интернационал» в рабочем предместьи города Канавина, во главе которой стояла большевистская партийная молодежь. В Сормове тоже существовал союз социалистической молодежи, но в нем было засилье меньшевистски настроенной молодежи. Вначале канавинская и сормовская организации враждовали, и старые комсомольцы-нижегородцы отлично помнят те шумные собрания союза молодежи «III Интернационал» в помещении больничной кассы, на которые приходили сормовичи пропагандировать социалистический союз молодежи, чем тормозили дело революционного сплочения молодежи. Но вражда—враждой, а дело надо делать.

Мы, нижегородцы-канавинцы, связались с богородской, молитовской, растяпинской организациями. В комитет от этих организаций поступали просьбы о присылке им литературы, программы С. Р. М. «III Интернационал», представителей на собрания.

Все эти факты разраставшегося движения рабочей молодежи губернии побудили канавинцев объединиться с сормовичами в деле создания губернск. объединения организаций молодежи. Создали комиссию по созыву губс'езда.

Много было споров и пререканий в этой комиссии о том, кому представлять доклады. Мы, большевистская молодежь, отстаивали доклады за нашими докладчиками, сормовичи, конечно, за своими. Наконец, сторговались на том, чтобы по текущему моменту и программе (боевые вопросы) докладчики были наши, а экономическое положение молодежи и организационный вопрос предоставили сормовским докладчикам.

Разосланы были приглашения на с'езд.

И вот 4-го апреля с'ехались делегаты, человек 50, приблизительно от 12—13 организаций, представивших до 1.500 человек организованной молодежи губернии.

Подавляющее большинство было представителей от организации С. Р. М. «III Интернационал» и, конечно, большинство было за большевистской молодежью. Заседания с'езда происходили в городе, во дворце Свободы. Сразу же обозначились 2 фракции: сторонников С. Р. М. «III Интернационал», во главе которых встала организация города Канавина, и сторонников туманных (а подчас и очень определенно меньшевистских) союзов социалистической молодежи, во главе которых встала сормовская организация. И весь с'езд прошел под флагом борьбы этих двух фракций.

Принятая без всяких возражений повестка дня состояла из следующих пунктов: 1) Текущий момент. 2) Экономическое положение рабочей молодежи. 3) Организационный вопрос. 4) Программа и 5) Выборы губкома. Зато из-за состава президиума было не мало шума. Беда нашей большевистской фракции была тогда в том, что у нас не нашлось товарища, могущего провести собрание. А у сормовичей такие были. Пришлось председательствование уступить сормовичу, зато остальные члены президиума были наши, большевистские.

Первым был доклад по текущему моменту тов. Данилова, старого большевика. В то время перед Республикой стоял сложный вопрос заключения Брестского договора, и вокруг него шел горячий спор. Конечно, и у нас на с'езде вокруг него разгорались прения. Фракционный раздел делегатов выразился в этом вопросе чрезвычайно ярко: на стороне заключения мирного договора встали все сторонники и представители С. Р. М. «III Интернационал», а «социалистическая молодежь» на стороне войны, войны до победного конца—«победить или умереть»—вот был их лозунг. Правда, надо сделать оговорку, что двое из сормовичей были за заключение мирного договора. Несмотря на то, что против заключения Брестского мира выступила из партийной большевистской организации т. Савельева,—все же рабочая молодежь встала на сторону заключения мира, и в этом духе была принята большинством резолюция.

Следующим докладом был доклад о положении рабочей молодежи в капиталистическом производстве. Доклад был очень ценный, отлично обосновавший необходимость сокращения рабочего дня молодежи, необходимость профессионально-технического образования для молодежи, санитарной охраны ее труда и проч.

С'езд выслушал доклад с большим вниманием и интересом. Была принята соответствующая (и, помнится, очень длинная) резолюция, наметившая программу нашей работы в области охраны труда молодежи.

Вновь боевым вопросом стал на с'езде—вопрос о программе и названии союза.

Большевистская молодежь собрала предварительно свою фракцию и постановила, во что бы то ни стало, провести программу С.Р.М. «III Интернационал». И в этом вопросе победа осталась на нашей стороне. Программа и название союза были приняты. Меньшинство с'езда подчинилось большинству.

Потом провели выборы губкома в числе 9 человек.

Так создался 1-й губернский комитет союза рабочей молодежи в Нижегородской губернии.

Союз мальчиков

В деревне Старые Патруши, Уржумского уезда, Вятской губернии, образовался союз крестьянских мальчиков от 9 до 14 лет. Мальчики избрали из своей среды председателя и секретаря и сделали следующие постановления: «Уничтожить в своей деревне навсегда воровство в садах яблоков, малины и прочих плодов, также в городах овощей и подсолнухов, поклялись между собой совестью свободных граждан не играть в карты, не курить, не ругаться скверными словами, уничтожить ссоры и драки между собой».

В союз крестьянские мальчики внесли деньги, кто сколько мог; денег оказалось 6 рублей, на эти деньги решили выписать газету и купить знамя революционной свободы.

Лига молодежи ¹⁾

Село Сенково, Тульской губ. (Каширского уезда).

Организовалась с 27-го августа 1917 г. Собрали по 50 коп. с каждого члена (всего у нас членов 65 человек), выбрали комиссию, в числе коих 5 человек: один председатель, товарищ председателя, секретарь, казначей и один член. Пользуемся помещением земской школы нашего села, без помощи деревенской интеллигенции добиваемся получить самообразование. Выписали брошюры социалистов-революционеров, почитали мы одну неделю, потом они нам не понравились. Мы купляем теперь книги и брошюры социал-демократов (большевиков), которые с жадностью читаются. Раздаем крестьянам. Крестьяне очень рады большевистским книгам и выясняют, что самые эти книги лучшие—книги борцов за наши интересы, но социалистов-революционеров книг никто не берет читать, и газеты мы читаем социал-демократ., большевистские. Каждую газету мы отдаем крестьянам, которые собираются человек по 20 и больше и с жадностью слушают демо-

кратическую газету. Больше крестьяне и никаким газетам не верят. Мы, Лига Молодежи, стараемся больше уверить мужчин и женщин в эти только книги и газеты. Крестьяне шлют товарищам-большевикам свой искренний привет—бороться за лучшую жизнь для нас, бедных людей. И мы, Лига Молодежи, в свою очередь, шлем вам, дорогие товарищи-большевики, сердечный привет. Готовы умереть за вас и за вашу лучшую программу. Крестьяне и мы, Лига, обсудили вопрос, что должна власть перейти немедленно в руки Советов Рабочих и Солдатских и Крестьянских Депутатов. Долой министров-капиталистов, которые ничего хорошего за семь месяцев не сделали, только защищают свою зверскую шкуру. Товарищи, просим вас поместить наши слова, покорно просим напечатать наши мнения.

В этом письме хотя 10 слов. Мы будем очень рады, что наша Лига будет узнаема в России.

Председатель Лиги: *Ив. Минаев.*

¹⁾ «Интернационал Молодежи» № 2.

и мы должны принять участие в этом деле. Все мы чувствуем, как слабы наши организации, чтобы подготовить нас к строительству новой жизни. Но если мы терпим неудачи, если наши

Воззвание к союзам молодежи

Товарищи, стихийным движением вырастают по всей Советской России союзы Рабочей и Крестьянской Молодежи. Вырвавшись из старых пут, мы инстинктивно находим тот путь, который ведет нас к светлому будущему. Мы стряхнули вековой кошмар, тяготевший над нами, и гордым сознанием наполняются наши души при мысли о том, что молодежь оказалась на высоте своего призвания.

Революционный энтузиазм, охвативший всю молодежь с начала революции, помог ей найти своих друзей в борьбе за социализм. Мы не пошли с теми, кто проповедывал смирение и соглашательство. Мы, борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один, единственный курс—на социализм...

И чем сложнее борьба, чем труднее она, тем больше растет наша сила и энергия.

Там, за рубежом, светлым пламенем загорается алая заря. Там бьются миллионы сердец стремлением к свободе.

Они смотрят на нас и их души наполняет уверенность, что «близок последний и решительный бой», близок тот день, когда рабочая молодежь в едином порыве, единым кольцом обовьет всю исстрадавшуюся и обескровленную землю...

Год тому назад швейцарская молодежь призвала нас к солидарности с ними в их борьбе с милитаризмом; на их призыв молодежи города Москвы ответила грандиозной манифестацией против мировой войны. И чем чаще будет раздаваться этот призыв, тем сильнее должны мы напрягать наши силы для приближения дня Юного Красного Интернационала.

Путь к Интернационалу лежит через Всероссийское объединение. Всероссийский съезд—вот вопрос дня.

Есть у нас, товарищи, одно дорогое для нас дело—строительство новой жизни, жизни свободы и вольного труда. В нас все возможности будущего, в нас залог силы наших завоеваний,

К СОЮЗАМ МОЛОДЕЖИ.

Товарищи! Стихийным движением вырастают по всей Советской России Союзы Рабочей и Крестьянской Молодежи. Вырвавшись из старых пут, мы инстинктивно находим тот путь, который ведет нас к светлому будущему. Мы стряхнули вековой кошмар, тяготевший над нами, и гордым сознанием наполняются наши души при мысли о том, что молодежь оказалась на высоте своего призвания.

Революционный энтузиазм, охвативший всю молодежь с начала революции, помог ей найти своих друзей в борьбе за социализм. Мы не пошли с теми, кто проповедывал смирение и соглашательство. Мы, борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один, единственный курс—на социализм.

И чем сложнее борьба, чем труднее она, тем больше растет наша сила и энергия. Там, за рубежом, светлым пламенем загорается алая заря. Там бьются миллионы сердец стремлением к свободе.

Они смотрят на нас и их души наполняет уверенность, что «близок последний и решительный бой», близок тот день, когда рабочая молодежь в едином порыве, единым кольцом обовьет всю исстрадавшуюся и обескровленную землю.

Год тому назад швейцарская молодежь призвала нас к солидарности с ними в их борьбе с милитаризмом; на их призыв молодежи города Москвы ответила грандиозной манифестацией против мировой войны. И чем чаще будет раздаваться этот призыв, тем сильнее должны мы напрягать наши силы для приближения дня Юного Красного Интернационала.

Путь к Интернационалу лежит через Всероссийское объединение. **Всероссийский Съезд**—вот вопрос дня.

Есть у нас, товарищи, одно дорогое для нас дело—строительство новой жизни, жизни свободы и вольного труда. В нас все возможности будущего, в нас залог силы наших завоеваний, в нас залог победы в этом деле. Все мы чувствуем, как слабы наши организации, чтобы подготовить нас к строительству новой жизни. Но если мы терпим неудачи, если наши попытки строительства не приводили ни к чему, то решим эти задачи все вместе.

Наши общие запросы могут получить разрешение только на **Всероссийском Съезде**.

Товарищи, мы призываем вас к усиленной работе. **Всероссийский Съезд** должен положить начало организованной работе во Всероссийском масштабе.

Пропагандируйте идею Съезда, готовьтесь к нему!
В нашей солидарности и в нашей общей солидарности залог успеха.

Да здравствует III Интернационал!
Да здравствует Всероссийский Съезд!
К работе! Время дорогое!

Бюро по органам Всероссийского Союза Советов Рабоч. и Крестьян. Молодежи.

Москва, Восточный д. 53. Телефонный Центр. Мандатный Центр. А. С. С. С.

попытки строительства не приводили ни к чему, то решим эти задачи все вместе.

Все наши общие запросы могут получить разрешение только на Всероссийском с'езде.

Товарищи, мы призываем вас к усиленной работе.

Всероссийский с'езд должен положить начало организованной работе во всероссийском масштабе.

Пропагандируйте идею с'езда, готовьтесь к нему!

В нашем соединении и нашей общей солидарности—залог успеха.

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует Всероссийский с'езд!

К работе! Время дорого!

Бюро по созыву Всерос. с'езда союзов Р. и К. М.¹⁾

¹⁾ В бюро по созыву входили: от московской организации—Пеньков и Еф. Цейтлин, от Ленинграда—Глебов.

Еф. Цейтлин

Первый Всероссийский с'езд

Лето 1918 года. Советская республика переживает первый натиск русской и международной контр-революции.

Лучшие силы рабочей молодежи устремляются в полки Красной армии, в непосредственную борьбу с чехо-словаками. Особенно сильна тяга среди членов союза.

После Брестского мира организация буквально растаяла, работа упала.

В институте благородных девиц собрание активных «работников» Московского Союза рабочей молодежи «III Интернационал». Стоит вопрос: быть или не быть «организации». Обсуждают серьезно. Решили воссоздать М. К., усилить работу районов.

Через несколько дней собрался I Московский губернский с'езд. Принял платформу С. Р. М. «III Интернационал», постановил созвать Всероссийский с'езд. Глебов из Питера привез новинку «Коммунистический Союз молодежи». По старой памяти не поверили ему, покрыли.

Бюро по созыву I Всероссийского с'езда сконструировалось 4-го августа 1918 года. Оно было создано в силу постановления Московского губернского с'езда союза молодежи «III Интернационал» о необходимости созыва Всероссийского с'езда.

На губернском с'езде присутствовал делегат от Питера тов. Глебов, который осветил точку зрения Питерской организации на форму нашей будущей организации. Из его слов ясно, что Питерская организация стоит за создание Коммунистического Союза Молодежи при партии. Московским работникам всех районов казался очень странным этот резкий перелом во взглядах Питерской организации, до этого времени стоявшей на точке зрения общесоциалистического союза молодежи.

В бюро работало два человека, материалов о работе на местах было чрезвычайно мало: несколько десятков адресов местных организаций. Большую часть времени отнимали хлопоты о помещении, средствах и т. д.

На воззвание бюро откликнулось много организаций. Большое участие в созыве съезда принимала Н. К. Крупская. Тяжесть работы усугублялась тем, что Московская организация к августу почти распалась, и членам бюро, мне и Н. Пенькову, приходилось принимать участие в восстановлении районных организаций. В две недели работу в Москве удалось поставить

В конце августа занялись «международными делами».

Первым делом написали воззвание-письмо. Отнесли к тов. Чичерину для передачи через нашего посла в Швейцарии Международному бюро. Стали думать и о помощи Западу.

Пошли к тов. Свердлову, он принял, дал записку в ЦКРКП к секретарю ЦК тов. Нижегородцевой; никогда не забуду визита к ней.

Пришел и объявил, что мы созываем Всероссийский съезд.

Тов. Нижегородцева сразу отругала. «Какой съезд, где съезд?»

Я имел еще глупость сразу выпалить о том, что от организационного бюро по созыву съезда мы хотим послать материальную помощь союзу на Западе.

Пришлось выдержать большую атаку. Наконец, дело уладилось.

Решили послать представителя от ЦК в бюро, написать письмо тов. Варзину о помощи союзу Швейцарии.

Со дня на день мы ждали ответа из Швейцарии.

Съезд приблизился. Поехали в Иваново-Вознесенск. Обегали большие заводы, подготовили конференцию.

Глебов поехал неохотно, но в Иванове усердно ораторствовал. Выбрали делегатов.

За три дня до съезда созвали городскую конференцию.

Решили отстаивать нашу платформу—союза рабочей молодежи «III Интернационал».

Приехал Шацкий и сразу втянулся в работу.

Накануне съезда ждали приезда питерцев.

Сидим в ЦК, внизу в Метрополе. К питерцам чувствовали недоверие.

В комнату вкатывается шарик, с шапкой на затылке, Рывкин, а рядом с ним редактор «Юного Пролетария», немного выше, Ж.

С первых слов перескочили на вопрос о названии союза. Решили отложить разговор на вечер.

Вечером—съезд делегатов, всего человек 30. Красный Урал, тов. Хазан шагает по комнате.

В комнату вваливаются владимирцы—делегаты Кинешмы и ряда других городов. Нас уже много. Идет живая беседа, устроили совещание, наметили президиум...

Первые шаги

Мы ли заставили историю уделить нам место в миллиардах ее страниц, или она сама любезно нам его предоставила,—спорить не будем. Поколению детей, наших детей—это будет виднее.

Но место это—есть. И первая точка тех страниц, которые мы начали писать, была поставлена в 1918 году, на нашем первом Всероссийском съезде.

Конечно, для будущего человечества точка... есть точка. Но для тех, которые сами оттистнuty в ней, она живет, она воскрешает десятки незабываемых лиц, потоки неизгладимых слов, водопадную струю неповторимых впечатлений.

И хочется заставить ее жить и для других. Хочется показать видящим ее с высоты трех лет, как она посмотрела на путь десятилетней работы, который она открыла, впервые произнеся огненные слова:

Российский Коммунистический Союз Молодежи.

ЗА МАНДАТОМ

— Вы откуда?—спрашивает юноша, подпирающий стену, на которой висит страшная надпись: «Мандатная комиссия».

Заботливо, но неловко поддерживаемый со всех сторон локтями «наседающих» товарищей, отвечаю:

— От Владимирского районного комитета союзов молодежи «III Интернационал».

— Гм... А как велик ваш район?

— Владимир, Иваново, Шуя, Ковров...

— Но, ведь, это же губернский?

— Да... впрочем, нет... А может и да...

— Так что же, да или нет?

— Видите ли, у нас в некоторых уездах совсем нет организаций, так уж мы решили назвать комитет попроще... Хотя... чорт его знает!..

Видимо удовлетворенный таким ответом, юноша пишет что-то. Получаю «решающий».

— Следующий... Вы откуда?

— Сейчас из Третьяковки пришел...

Оглушенный хохотом, вылез из толпы получающих мандаты.

Президиум I съезда РКСМ

Всюду сутолока. Все куда-то спешат. Спешу и я. Куда? Знаю столько же, сколько и все.

Т.-е. не знаю.

— То-ва-ри-щи! Делегатов из провинции просят собраться вместе...

Иду за толпою, ринувшейся к двери. Спускаемся куда-то вниз, проходим ряд комнат и остаемся в огромном помещении, наполненном койками,—общежитие, догадываюсь я.

Какой-то парень влезает на кафедру, неизвестно как попавшую сюда.

— Товарищи,—говорит он почему-то почти плачущим голосом,—нам надо организовать. А то Питер и Москва затрут нас на съезде.

Поднимается шум. Почему волнение—непонятно. Но кричат все разом. Еле-еле удалось парню продолжать.

— Надо из 11 мест в президиум требовать семь...

— Девять!—кричат из толпы,—семь!.. девять!..

Парень, очевидно, не знает, что ему делать. Попробуй-ка председательствовать там, где каждый сам себе председатель!..

Предлагают комиссию для «отвоевывания» у столиц мест в президиуме. Предлагают тут же избрать кандидатов в президиум. Предлагают...

Дело решается появлением на кафедре «столичного волка». Оказывается, никто на провинцию зубы не скалил. Столицы предлагают президиум из девяти. Пять—провинции. Выбирать по областям.

— Обманут!—раздается среди наступившей тишины одинокий голос.

Громогласный хохот окончательно улаживает все.

Через несколько минут нет ни волков, ни овечек. Все разбиваются по кучкам, говорят и спорят.

У каждого настроение взвинченное. С'ездовская атмосфера вступает в свои права.

СРЕДИ РЕБЯТ

Доски, ничем не покрытые, довольно-таки неласково обходятся со мной. Но разве на такую мелочь обращают внимание?

Круто гуторят. Завтра начало. Встаю с досок и начинаю переходить от кучки к кучке.

— А мы, союзом, взяли да разогнали эсеровский совет...

— Это наш, Гусевской.

Слушатели сомневаются в правдивости слов говорящего.

— Сашка, подтверди!

Подтверждаю и отхожу.

Тут рассказывает кто-то о зарождении союза в деревне, о борьбе со старшими, о разграблении поместья.

— И ты грабил?

Рассказчик возмущается.

— Нет, мы хотели было не пустить, да сил нехватило.

В третьей кучке говорят «о политике» и говорят горячо—о чем свидетельствует на полу опрокинутый кем-то чайник с кипятком.

Тут попался анархист. С ним-то, главным образом, и спорили.

В четвертой гадают: придет или не придет «Ильич» на с'езд.

— Хоть глазком бы...

В отдельной комнате поют. Разгоряченные лица, невольные усмешки, звонкие голоса.

Хорошо!

С'езд объявляется открытым.

Сколько радости гордости вложено в эти слова!

Сижу в президиуме, с неестественной деловитостью перебираю какие-то бумаги, а руки дрожат.

Идут приветствия. Говорят от горячего, молодого сердца, приветствуют от столиц, губерний и деревушек—разве будешь разбираться!

Приветствуют неумело. Хочется всем враз сказать все, что накопилось в душе, и поэтому мысли распирают слова, разлетающиеся в стороны.

Но создалось такое настроение, что я только и мог выговорить в своем приветствии мысль, которая жгла губы.

— Коммунисты должны сказать, что революция—наше дитя, а наши дети в революции—наша гордость.

— Конференция постановила, чтобы члены Союза не имели права брать приданого за девушками, так как это унижает женское достоинство.

— Союз выделил 60 человек в боевой отряд, готовый отдать жизнь за дело революции...

— Мы читали доклад: «Биография Ленина»...

— Мы работали в подполье...

— Казань была взята отрядом, в котором было много членов Союза, почти все погибли...

Это выдержки из докладов с мест.

Я предоставляю другим комментировать их. По мне, они достаточно красноречивы.

МЫ НЕ ОДНИ

Третий день с'езда. В зале напряженная тишина. Все «едят» глазами докладчика.

А, кажись, и есть нечего,—щупленький такой... Но говорит такие вещи, что дух захватывает.

Я думаю, что подавляющее большинство с'езда в первый раз услышало, как живет и работает молодежь «там», в этой Европе, на Западе...

Нам, видевшим в Москве II конгресс Коминтерна Молодежи, все-таки не почувствовать так ярко, как почувствовал первый с'езд, что в борьбе и работе мы не одни.

...Довольно чувствительный толчок вывел меня из состояния напряженнейшего внимания.

Ко мне склоняется взволнованное лицо Дугачева, а производимые заглушенным голосом слова падают, как удары молота.

— Телеграммы... с Запада... Либкнехт...

Зала завертелась перед глазами... Есть моменты, которые вне слов. Могу только сказать, что счастливы воистину те, которые их переживали.

Встаю и дрожащим голосом говорю:

— Слово для приветствия принадлежит тов. Крыжановскому. В тумане слышу слова.

— Я передаю только-что полученную телеграмму от германской молодежи...

Кричу что-то, кричу, кричу, но голоса своего не слышу...

— «Германское юношество, собравшись в Берлине со своим Либкнехтом, приветствует русских товарищей и заявляет, что готово последовать их прославленному победой примеру...».

А рядом звучит громкий голос Шацкого:

— Да здравствует Интернационал Молодежи!

Нет, нет, и стены пропели тогда с нами «Интернационал»...

ПРОДОТРЯД

— Ну, и голодно, ребята!

Такие слова часто слышались в общежитии.

— Ничего, споем—и лучше будет.

Поем. А потом опять.

— Голодно...

— Знаете что,—в шутку предложил В. Петропавловский,—давайте организуем продовольственный отряд. Там, в столовке, авось, чего-нибудь найдем.

Предложение было с восторгом принято. С шутками и хохотом валим к двери—заперто. Бежим вниз, кругом, врываемся в столовую.

Конечно, ничего не нашли, да и не хотели найти.

Но большая пустая зала, наверно, впервые увидела самую захватывающую «чехарду» новоявленных продотрядников...

За столиком, в смежной зале, в той, где идет съезд, сидит Рывкин и с ожесточением что-то дописывает. Лазарь стоит у него «над душой».

— Сейчас открывается... скорей!..

Тот вскакивает и махает бумагой.

Это была только что вылупившаяся окончательно программа нового союза.

«Коммунистический Союз» или какое иное название?—вот центр сборов о программе. Остальное принималось всеми, как нечто само собою разумеющееся (признание программы и тактики РКП, независимость Союза).

Раз за разом выходили на трибуну товарищи и, кончая, возглашали: «Да здравствует Р.К.С.М!».

Но были, безусловно, серьезные и бесспорно исторические возражения.

— Если примем название «Коммунистический»,—полновесно заявлял воронежский делегат,—то начнется отход масс. А мы для

привлечения их создали танцевальные секции. При перемене названия подобное агитационное средство потеряет свой смысл...

К его, должно быть, вящему удивлению, съезд как один человек, поднял руку за стяг Российского Коммунистического Союза Молодежи.

ВЫБИРАЕМ ЦК

При кропотливом участии членов съезда проходит обсуждение устава и организационного вопроса. Вечером—выборы Центрального Комитета. Ребята составляют списки кандидатов.

Какой-то долговязый парень в пенсне подходит к нам и начинает что-то предлагать по выборам.

— А мы поглядим,—добродушно отвечают ему наши парни;—чай, не ошибемся.

— Каган, сюда!..—позвал парня какой-то другой дипломат, и тот скрылся.

* * *

Вот мы и с Центральным Комитетом. Чудно как-то. И хорошо.

Юные глаза прозревают дали работы. Не терпится, уехать—и за дело. Незаметно проносится утро последнего дня.

Перед концом съезда настроение, повышаясь, доходит до высшей точки напряжения.

И когда произносились слова: «1-й Всероссийский съезд РКСМ объявляется закрытым»,—то почувствовалось, что мы оттолкнулись от точки и начали длительный, торный путь борьбы и работы—путь к коммунизму.

— За работу, за работу,—стучали колеса поездов, развозящих юных пролетариев со съезда.

И еще и еще выстукивали они:

— История диктует—мы пишем...

Так будем же писать, и хорошо писать, товарищи!

У Ильича

При постановлении выбрать в почетные председатели съезда нашего вождя, нашего друга и учителя—товарища Ленина, с восторгом решили послать к нему представителей съезда для пришествия.

Эта почетная роль выпала на долю президиума съезда.

Помню ясно, как волновались мы, члены президиума. Собрались вместе и начали обсуждать это великое предприятие.

— Но как мы подойдем к нему, как говорить будем?—волновался кто-то.

— Кажись, радостно, а душа под тротуар убежала,—вторил другой.

Этот вопрос нас очень занимал. Кто будет говорить от лица съезда, все или один? Кто скажет? Что скажет?

Наконец, решили поручить миссию докладчика т. Е. Цейтлину.

— Целую ночь спать не буду,—объявил он,—авось, что-нибудь и придумаю.

На следующий день отправились. Но оказалось, что как раз сегодня «Ильич» принять нас не может. Позвонив в Кремль из ЦК партии, узнали, что надо притти завтра к 12 часам.

Снова день и ночь волнения. Проведя утреннее заседание съезда, отправляемся, наконец, в Кремль. Сами шутим друг над другом, но у каждого, что называется, поджилки трясутся.

Пришли, вошли в приемную. Конечно, оказалось, что опоздали. Но сообщили, что после доклада какого-то товарища, тов. Ленин все-таки нас примет.

Ждем... Волнуемся...

— Ничего,—говорит Лазарь Шацкий Цейтлину,—я буду возле тебя. Если начнешь чушь городить, я тебе ногу отдам, все же спокойнее будет...

Смеемся, волнуемся...

Наконец... гуськом тянемся в кабинет Ильича. Цейтлин впереди.

Бросив несколько слов кому-то уходившему, оборачивается к нам тов. Ленин. Просто одет, из кармана торчит длинное теплое кашне,—улыбается, здоровается. Уселись.

«Ильич», наверно, понимает наше состояние. Едва только Цейтлин выдавливает из себя несколько слов, как он его перебивает.

Через минуту от нашего волнения не остается и следа. Он, вождь всемирного пролетариата, такой близкий, чуткий и внимательный с нами.

Цейтлин гордо выкладывает, что съезд постановил назвать Союз Коммунистическим.

— Дело не в названии,—бросает Ильич.

— Но мы оправдаем это название!—вырывается у Ефимова.

Тов. Ленин улыбается в ответ.

Расспрашивает нас о количестве членов Союза, о составе съезда, о классовом составе членов организаций.

— Насчет интеллигенции поосторожнее,—советует он.

— Сколько девушек на съезде?—спрашивает Ильич, обращаясь к Герр.

Тут словно кто-то дернул меня за язык.

— Девять штук!—выпаливаю я.

Все рассмеялись. Герр из-за спины Дугачева грозит мне кулачком.

Много еще деловых вопросов предлагает тов. Ленин. Советует связаться с Западом, обещает дать будущему ЦК журналы молодежи, выходящие на Западе.

— А как у вас с финансами?

— Финансы в проекте. В наличии—ничего.

Тов. Ленин берет бумагу и пишет что-то.

— Это к Свердлову,—говорит он.

Подымаемся, прощаемся и уходим, обласканные великой душой великого человека.

Он первый протянул нам руку духовной и материальной помощи. Он понял великие стремления молодежи.

О, пусть помнит каждый юный пролетарий слова тов. Ленина.

— Дело не в названии.

Приветствие германского юношества

Германское юношество, собравшееся в Берлине со своим Либкнехтом, приветствует русских товарищей и заявляет, что готово последовать их прославленному победой примеру.

27 октября 1918 г., Берлин.

* * *

Первый с'езд—Карлу Либкнехту

Первый Всероссийский с'езд рабочей и крестьянской молодежи приветствует вас, как вождя германской радикальной молодежи. Ваше освобождение, вызванное революционным напором германских рабочих, доказывает, что уже рушатся основы буржуазного общества в Германии, что уже не далек тот момент, когда трудящаяся молодежь всех стран соединится в одном Коммунистическом Интернационале Молодежи.

Да здравствует мировая диктатура пролетариата!

Да здравствуют вожди коммунистической революции!

Резолюция

В виду безвыходного положения по поводу конфликта, происшедшего между администрацией типо-литографии торгового дома Р. Шварца и малолетними рабочими, Исполнительный Комитет на экстренном заседании решил провести стачку по всему району.

Председатель Л. Файвилович ¹⁾.

1917, май.

Резолюция секции „Самообеспечения и самозащиты“ при всерайонном совете „Труд и Свет“

Мы, члены секции «Самообеспечения и Самозащиты», на поднятый вопрос товарища Бурмистрова о неуплате представителям за время работы по организации, решили: действовать организованно, т. е. совместно с Исполнительным Комитетом реагировать на данный вопрос вплоть до забастовки.

Если районной забастовкой вопрос не уладится, то передать его во Всерайонный Совет для обсуждения и требования организованной забастовки.

Председатель секции Кузнецов.

Секретарь секции С. Егоров.

1917, май.

О действии Шевцова ²⁾

Мы, юноши-делегаты со всех заводов Выборгской стороны, заслушав доклад из Всерайонного Комитета, пришли к следующему:

¹⁾ Сейчас секретарь ЦК РЛКСМ.

²⁾ Шевцов всячески отговаривал от демонстрации, состоявшейся в защиту своих экономических интересов, и предлагал красный флаг заменить голубым, чем и скомпрометировал себя в глазах массы рабочей молодежи, появившейся тогда, что он ее отвлекает от правильного пути.

1) Категорически протестуем против действий господина Шевцова, за его поведение с этого собрания просим удалиться, также из организации юношей «Труд и Свет».

2) И выносим строгое порицание от имени молодой демократии за то, что он променял красное знамя труда на знамя капитала.

3) Позор тем людям, которые якобы ведут то или другое дело к социализму, а между прочим, под гнет капитализма.

Председатель Кузнецов.

Секретарь Егоров.

Привет Ленину

Учредительное собрание Союза молодежи при МК шлет горячий привет тов. Ленину, испытанному вождю рабочего класса, настойчиво и смело зовущему на революционный интернациональный путь к социализму. Союз молодежи при МК протестует против ареста тов. Харитонов и считает, что этот факт представляет собой попытку контр-революции и травли интернационализма средствами Николая II со стороны буржуазии и ее министров и порицает политическую беспомощность и недопустимое потакательство им со стороны министров-социалистов.

(«Социал-Демократ», орган МК (больш.), от 16 июня 1917 г., № 83).

Приветствие „Правде“

Мы, мальчики гильзо-инструкторской и старо-мех. мастерских завода Брановских, приветствуем нашу газету «Правда», считаем ее единственной выразительницей нашей рабочей мысли и единственной защитницей наших пролетарских интересов. Пожелаем ей в дальнейшем так же стойко и мужественно, как до сего времени, стоять на стороне наших рабочих интересов и отражать гнусные нападки враждебной буржуазной прессы. Пожелаем ей выйти из этой борьбы победительницей, и да возродится Интернационал!

Посылаем собранные нами на типографию для газеты «Правда» 46 р. 20 к.

(«Правда», от 18 июля, № 49).

Первые ленинцы в Киеве

Киевской инициативной группе по организации социалистического союза рабочей молодежи принадлежит честь быть первыми ленинцами в Киеве.

В то время как Киевский комитет Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) вынес следующее постановление: «Киевский комитет, заслушав и обсудив «тезисы» тов. *Ленина*, находит их в общем неприемлемыми и остается при прежней своей платформе и резолюции о войне». («Голос Социал-Демократа», № 17),—инициативная группа рабочей молодежи, по докладу тов. Савельева, послала тов. Ленину следующую телеграмму, которая была напечатана в Петроградской «Правде» от 29/16 мая, вторник, 1917 г., № 58, в отделе «Рабочая жизнь»:

«Союз молодежи горячо приветствует тов. *Ленина* и *Зиновьева*, как идейных руководителей революционного пролетариата, приветствует, как истинных и стойких борцов за свержение гнета капитала, за социализм, приветствует в лице вас—революционных борцов Интернационала. Да здравствует социализм!

Киевская инициативная группа молодых рабочих по организации союза социал-демократической рабочей молодежи.

Председатель С. Мальчиков.

Секретарь М. Ратманский.

В социалистическом союзе рабочей молодежи

8-го октября 1917 г. было создано общепетербургское делегатское собрание представителей молодежи от фабрик и заводов. Собралось около 100 представителей. В порядке дня стоял вопрос: Организация юношеских коллективов на фабриках и заводах, и доклады с мест.

Из докладов с мест выяснилось, что уже на некоторых заводах организовались юношеские коллективы, что имеются также представители в фабрично-заводских комитетах взрослых. На некоторых заводах такие коллективы возникли и с первых дней революции. Кое-где при заводах есть школы грамотности. Есть такие заводы, где рабочая молодежь устраивает систематические лекции, доклады и рефераты.

Нужно заметить, что на многих заводах, а в особенности на фабриках, взрослые рабочие отрицательно относятся к попыткам молодежи организовать свои коллективы и не принимают даже представителей от юношей в фабрично-заводские комитеты; объяснения этому явлению давали различные.

В заключение собрание избрало организационное бюро, в задачи которого входит выработка инструкций юношеских коллективов, разработка планов работы коллективов, составление анкеты, созыв делегатских собраний и т. д.

По докладу тов. Алексеева вынесена следующая резолюция: «Общепетербургское делегатское собрание представителей рабочей молодежи фабрик и заводов, заслушав доклад тов. Алексеева, постановило:

- 1) Вести агитацию на фабриках и заводах за необходимость создания юношеских фабрично-заводских коллективов.
- 2) Требовать от фабрично-заводских комитетов взрослых рабочих представительства от рабочей молодежи.
- 3) Обратиться в центральный совет фабрично-заводских комитетов за содействием в этом направлении и просить его поста-

вить на ближайшей конференции фабрично-заводских комитетов в порядок дня вопрос об организации юношеских коллективов на фабриках и заводах».

В докладе об Учредит. Собр. говорилось, что нужна демонстрация протеста против лишения избират. права 18 и 19 лет, но чтобы эта демонстрация не вышла жалкой и смешной, нужно организовать молодежь посредством митингов и лекций, для которых докладчиков дает П. К.

Первая Московская конференция

8 октября 1917 года состоялась 1-я общегородская конференция московского союза рабочей молодежи «III Интернационал». На ней было представлено 2.170 членов (выбирали от 10 чел. одного). В числе делегатов были представители Латышского Союза Молодежи. Был принят следующий порядок дня, предложенный Московским Организационным Комитетом:

1. Отчет М.О.К.
2. Устав.
3. Текущий момент.
4. Демонстрация молодежи.
5. Выборы в Московский К-т Союза.

Отчет М.О.К. показывает, что ко времени созыва общегор. конф. в Москве было организовано 8 районов. В отчете указывалась схема организации Союза, его деятельность в организационной и культурно-просветительной области, обрисовывалось положение с изданием журнала. Выяснились затруднительные обстоятельства в денежном отношении. Члены конференции призывались устраивать на местах сборы на журнал, распространять его.

Устав был до конференции разработан и обсужден Моск. Орг. К-том. В основу его лег устав Петербургского союза, при чем существенно были изменены первые параграфы, в которых говорится о целях Союза. С изменениями и поправками, которые счел необходимым принять М.О.К., устав был вынесен на общегородскую конференцию. По вопросу о целях Союза и его политической платформе выяснились на конференции два течения: представители одного говорили, что только партия соц.-демократов большевиков оказалась во время русской революции на высоте положения, что только она защищает интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, находили, что Союз Раб. Молодежи «III Интернационал» должен быть партийным, большевистским; представители второго течения, вполне соглашаясь с тем, что именно большевики являются истинными представителями пролетариата, говорили: 1) что такой большевистский союз уже есть (Союз Молодежи при Моск. К-те РСДРП), 2) что Союз Рабочей Молодежи—«III Интернационал» был создан после принятия 6-м партийным съездом резолюции о Союзах Молодежи, согласно ко-

торой эти союзы должны быть не социал-демократическими, а социалистическими, 3) что широкая масса беспартийной раб. молодежи не может быть лишена своего союза.

Восторжествовало на конференции второе течение. Вместе с тем была сохранена платформа «III Интернационала», при чем к первому параграфу устава были приняты следующие поправки: 1) Союз Раб. Мол. «III Инт.» активно борется за III Интернационал и социализм, 2) Союз Раб. Мол. «III Инт.» решительно отмежевывается от мелкобуржуазных идеологий (анархизма и оборончества).

Первая поправка ясно говорит, что Союз Раб. Мол. является организацией, не только развивающей классовое сознание молодежи, просвещающей и сплачивающей ее, но и организацией, принимающей активное участие в политической жизни страны.

Вторая поправка говорит о том, что вмешательство Союза в область политики и классовой борьбы будет проводиться под знаменем интернационализма, при чем с оборончеством и анархизмом будет вестись борьба.

Вот главные изменения, которые конференция произвела в уставе Питерского союза. Остальные поправки касаются технической постановки работы в союзе, членских взносов и т. д.

Обсуждение устава отняло у конференции очень много времени. Поэтому о текущем моменте прений почти не было. Был только заслушан доклад тов. Котомки. По всем вопросам, стоящим перед пролетариатом и его молодежью, мнение конференции было единодушным: окончание войны, власть Советам, передача земли крестьянским комитетам, рабочий контроль над производством и т. д.

Постановление М.О.К. об устройстве демонстрации рабочей молодежи общегородская конференция вполне одобрила и утвердила. Были также утверждены и дополнены лозунги демонстрации. Конференция постановила принять на местах все меры к успешному проведению демонстрации.

М. О. К. Союза Рабочей Молодежи «III Интернационал», на обязанности которого лежала организация районов и союзов общегородской конференции, окончил свое существование. Общегородская конференция постановила организовать постоянный Московский Комитет Союза, куда входят по три представителя от каждого района.

О шестичасовом рабочем дне ¹⁾

15-го января 1918 г. состоялось собрание представителей 36 заводов и фабрик по вопросу о шестичасовом рабочем дне. Собрание объединило около 3.000 членов нашего союза.

Из докладов с мест выяснилось сильное желание рабочей молодежи приобрести знание, просвещаться. Представители юношей от заводов указывают, как взрослые товарищи, по разным причинам, не давали им работать, как не признавали юношеских коллективов на заводах и не принимали представителей от молодежи в заводский комитет. Конечно, это происходило не на всех заводах одинаково. На многих заводах путем неимоверных усилий удавалось провести своего представителя в заводской комитет или создавать юношеские коллективы. Экономическое положение молодежи, как выяснилось, не везде одинаково. Есть заводы, где молодежь получает 100 рублей в месяц. В большинстве случаев, молодежь зарабатывает от 4 до 6 руб. в день.

С декабря прошлого года молодежь начала проявлять открытое стремление работать шесть часов. В этом отношении товарищи Выборгской стороны оказались на первом месте. В согласии с районным Профессиональным Союзом Металлистов, Районный Комитет нашего союза объявил шестичасовой рабочий день для молодежи. Но это постановление было проведено настолько неорганизованно, что молодежь хотя и работала шесть часов, но не получала за остальные два часа. Ясно, что такое положение не могло долго просуществовать, притом еще многие заводы требовали от юношеских коллективов письменного подтверждения Петербургским Комитетом такого постановления.

В виду же сепаратного выступления Выборгского района, без своевременного предупреждения П.К. и без оповещения об этом дру-

¹⁾ Даем место отчету о создании, как первом документе об экономической борьбе нашего союза. Одному из первых декретов Совнаркома введен был шести и четырехчасовой день для подростков.

гих районов, молодежь не могла представить требуемые подтверждения от П.К. К этому же времени наступили праздники, многие заводы начали закрываться, тем самым вопрос на некоторое время сошел со сцены. В других районах подобные попытки оказали такие же результаты: два часа остались неоплаченными.

Резюмируя все доклады с мест, председательствовавший указал на общий мотив, вызывающий необходимость работать шесть часов: молодежь жаждет просвещения, для чего она не располагает свободным временем. Далее—указал на нецелесообразность отдельных выступлений, которые приводят к ослаблению сил и неудачам. Способ борьбы сейчас не должен быть прежним: стачка,—теперь рабочий класс стоит у власти и он пойдет навстречу рабочей молодежи, а необходимо для облегчения работы в комиссариате труда выбрать комиссию, которая разработала бы обращение о шестичасовом рабочем дне в комиссариат. Принимается также предложение настаивать на том, чтобы постановление о шестичасовом рабочем дне распространилось не только на Питер, но и на провинцию. После решения этого вопроса избирается комиссия из трех товарищей: Мен, Дрязгов и Кацович, для обращения в Комиссариат и для созыва вторичного собрания после получения ответа. Выступавшие после этого товарищи говорили о необходимости созывать на каждом заводе собрания и рассказывать о решении настоящего собрания, дабы ознакомить широкие массы молодежи с сущностью шестичасового дня. Было также указано на то, что вокруг этого вопроса удастся объединить рабочую молодежь, столь неорганизованную в большинстве своем. С лением «Интернационала» собрание разошлось.

III. МОЛОДЕЖЬ В ПЕР- ВЫХ БОЯХ ЗА ВЛАСТЬ

Февральские дни

После томительных двух дней волнений, когда головы всех рабочих томил вопрос—присоединится ли к ним ленинградский гарнизон, по улицам Ленинграда промчались грузовые автомобили с солдатами Вольнского полка; всем стало ясно, что началось то грозное движение, которое сметет кровавый трон царей.

Переживший эти дни никогда не забудет, как рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, вышли вооруженными против всеобщего врага—монархии.

В рабочем районе, на Выборгской стороне, 25-го и до 2 часов дня 27-го февраля, была мертвая тишина. Утром на всех фабриках и заводах были собрания, на которых не рекомендовалось выходить на улицу и предлагалось ожидать, что будет делать гарнизон.

Но стоило лишь волынцам проскочить по улицам на грузовиках с красными знаменами, как казавшийся вымершим район ожил, и все рабочее население вышло на улицу. В разные концы района и города полетели добровольные курьеры из рабочей молодежи возвещать о случившемся.

Эти добровольные курьеры участвовали во всех важных событиях и при разоружении полков; никто так отчаянно не мог бросаться в незнакомый, быть может, омут смерти, как проделывали эти курьеры. Вооружившись раньше всех винтовками, из которых порой не умели стрелять, они стреляли по офицерскому собранию Московского полка, пока солдаты не выбежали из казарм и не примкнули к восставшим.

Никто так ловко не умел лазить по заборам, как подростки-рабочие, при освобождении политических заключенных из «Крестов» (тюрьма на Выборгской стороне).

Вечером эти неорганизованные, но преданные пионеры революции, охотно и добровольно выслеживали, где засела полиция, снимали ее с чердаков и тащили ее в образованные в районах революционные комитеты.

Лучшую справку и о событиях дня и о местонахождении революционных комитетов можно было получить у любого подростка-рабочего, который днями и ночами бегал по городу в поисках приключений.

Даже охрана Таврического дворца в первые дни состояла на 50% из рабочей молодежи.

Когда на фабриках и заводах стала организовываться Красная гвардия, вся рабочая молодежь, способная носить оружие, влилась в эти красные ряды бойцов.

Если городская милиция, организованная впоследствии городской думой, состояла из гимназистов и студентов, важно расхаживавших с белыми многозначущими повязками на левой руке с надписью «Г. М.» (городская милиция, или—городской мироед—как в шутку их окрестили красногвардейцы), то способная носить оружие рабочая молодежь носила красную повязку с надписью «Красная гвардия».

На долю красногвардейцев выпала более интересная работа.

В первые дни революции весь рабочий молодежь, с красными повязками на руках, охотно принимал любой вызов с крыш от засевавших фараонов и громил их на каждом углу. Вся разведывательная часть невольно перешла в руки рабочей молодежи, которая, бегая по городу, вынюхивала, где засели фараоны, где есть оружие, где—продовольствие и т. п., нужные восставшим рабочим боевые съестные припасы.

По улицам города носились легковые и грузовые автомобили, на которых лежал вооруженный рабочий молодежь, зорко глядя вперед.

Ночью вся охрана на улицах рабочих кварталов состояла в огромном проценте из рабочей молодежи, которая зорко охраняла порученные ей склады и т. д.

Во время всплывшего в революционные дни уголовного бандализма рабочая молодежь охотно приняла участие в его подавлении; в составе карательных отрядов при районных советах был большой процент рабочей молодежи.

Чтобы не быть голословным, мы приводим ряд сохранившихся сведений, взятых из списков красногвардейцев, организованных в отряды в первые дни революции при заводах.

Завод Новый Парвайнен: всего красногвардейцев 307 чел., из них молодежи—63 человека.

Завод Новый Леснер: всего 218 чел., молодежи—49. Наши изыскания по заводам показали, что, примерно, в среднем процент красногвардейцев из рабочей молодежи был не меньше 18%.

Против Московского Совещания

Мы, делегаты юношей всех заводов Выборгской стороны, на общем собрании, при обсуждении о нашем отношении к московским совещаниям, пришли к заключению, что Московское Совещание—контр-революционное почти в полном составе.

Протестуем против таких совещаний и требуем, чтобы созыв таких совещаний больше не допускался, так как они всеми силами стараются подавить революцию. Для того, чтобы это больше не повторялось, мы требуем, чтобы власть взял Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, так как он один может защитить революцию и пролетарский класс.

Председатель *Кривцов*

Июльские дни

Вспоминаются «хвостики» в июльские дни.

Никто так пламенно не верил в то, что масса лишь обманута соглашателями, лишь на время отвернулась от партии. Надо было наблюдать, как союзники сцеплялись на улицах с кадетами, упрекавшими большевиков в шпионстве; надо было слышать, какого трепака давали «пострелята» за работой на фабрике своим взрослым рабочим, еще ослепленным грязной клеветой. «Только, чтоб от них отцепиться, назовусь большевиком» — говорили взрослые рабочие, но все же серьезно задумывались над словами «пострелят». И если у стариков и рабочих в эти тяжелые дни начинала замечаться аполитичность, усталость, то этого нельзя было сказать про рабочую молодежь. Она ни на минуту не переставала бурлить, проявлять неустанный интерес к политике. Ярko вспоминается картина демонстрации на б. Скобелевской площади в дни 3—5 июля.

Узнав про события в Питере, М. К. в течение двух часов приказал районам организовать демонстрацию. Беспартийных почти не было, приходили лишь члены партии «хвостики». Помню — в горрайкоме собралось не больше 200—300 чел., так как все знали, что буржуазия готовит уличные столкновения. Стали решать вопрос — идти ли в одиночку на площадь или демонстрацией. М. К. советовал эксцессов избегать и идти в одиночку, так же рассуждали и районщики; но здесь «хвостики» устроили почти форменный бунт, чуть ли не обвинение в трусости взрослых. Еле их утихомирили. А когда группа скрыто вооруженных взрослых товарищей понесла свернутое знамя, помню — Борщевский, Петров-портной, Петров-печатник, Трусов, Михайлов, Кукуев, Филлер, то «хвостики», которые не позволили нести его (чтоб не говорили, что у большевиков только дети), уцепились, хотя за конец палки и, путаясь в ногах и мешая старшим товарищам, дошли до площади. На площади горрайком слился с другими. Но набралось

не больше 1.000—2.000 чел. Буржуазия (офицеры, студенты, дамы в шляпках, котелки с толстыми брюхами) выстроились в две шеренги по Тверской и устроили кошачий концерт большевикам: кидали камнями в демонстрантов, дамы тыкали зонтиками и плевали. Надо было все же избегать эксцессов, надо было не нарушать рядов. Демонстранты сгруппировались плотной черной массой (большинство рабочих пришло прямо с фабрик, не переодевшись). Старшие товарищи скрежетали зубами. А «хвосты»? Помню высокую фигуру молодого рабочего с светлым вдохновенным лицом. Высоко подняв знамя, он затащил новую Варшавянку (специально для июльских дней сочиненную Леонтием Котомкой¹).

«Пусть нас злословят, клянут фарисеи, пусть нас осудят холопы — мощны наши прекрасные зовы — идеи, ярче, чем солнце, бурливей волны». Его поддержали молодежь и взрослые товарищи, и мяуканье и шиканье буржуазии не заглушили мощных звуков революционной песни.

¹) Леонтий Котомка — активный работник московской организации.

Натиск контр-революции

Общее собрание Союза Молодежи при Московском комитете Р.С.Д.-Р.П. (б.) 9 июля, выслушав доклад о текущем моменте, вынесло единогласно следующую резолюцию:

«Считая, что безудержная травля буржуазной прессой революционных соц.-дем. явно приняла контр-революционный характер, что буржуазия с удивительной, небывалой наглостью готова постепенно, не стесняясь в средствах, употребить все силы, чтобы расстроить и скомпрометировать пролетарские, крестьянские, солдатские ответственные организации и тем парализовать дальнейшее углубление и расширение революции, что Советы об. Сол. и Кр. Депутатов недостаточно решительны и не принимают экстренных мер к уничтожению в корне наглых попыток контр-революции буржуазии,—мы горячо протестуем против обвинения интернационалистов в шпионаже для немцев и требуем немедленного расследования, при действительном участии представителей революционных организаций и, по мере раскрытия наглой лжи и клеветы, немедленного привлечения к суду тех, кто, под видом борьбы с агентами Вильгельма, сеет контрреволюцию».

«Социал-Демократ» от 25 июля, № 105.

Напоминаем г. Керенскому ¹⁾

Мы, юноши Путиловского завода, на общем собрании второго августа сего года, обсудив текущий момент, вынесли следующую резолюцию:

1. Посылаем свой привет дорогим нашим учителям и вождям по пути к социализму: Ленину, Зиновьеву, Коллонтай, Каменеву, Троцкому, Луначарскому, а также всем жертвам надвигающейся реакции.

2. Решительно протестуем против той бешеной травли, раздуваемой г. Алексинским и его присными, которая потоками льется на авангард революционного пролетариата и армии, т.-е. большевиков и их вождей.

3. Напоминаем г. Керенскому, а также всем, сидящим в министерстве, что с завоеванием ими портфелей революцией была завоевана неприкосновенность личности, свободы слова, свободы печати и собраний, которые теперь безжалостно изгоняются (министерством воскрешения контр-революции) из демократической России.

4. Требуем немедленно выпустить всех политических заключенных, ибо в свободной России не может быть насилия.

5. Выражаем свое глубокое презрение тем эсерам и меньшевикам, которые продолжают сожительство с буржуазией и позволяют водить себя на поводу Керенскому и Церетелли.

6. Мы, юноши, наученные горьким опытом своих отцов, как опасно браться с буржуазией, заявляем, что страшен будет тот час, когда мы, юноши, для спасения революции выйдем на улицу и своими молодыми руками уничтожим тех паразитов, которые живут потом и кровью трудящихся.

Долой смертную казнь!

Долой контр-революцию!

Долой Гос. Думу и Гос. Совет!

Да здравствует III Интернационал!

¹⁾ Резолюция по текущему моменту молодежи Путиловского завода в Ленинграде.

Требуем передачи власти!

Мы, члены союза соц. молодежи, собравшись на общее собрание Выборгского района, обсудив вопрос по текущему моменту, пришли к следующему заключению: видя, что контр-революция открыто подняла голову против революции, а почему это? Это все лишь только потому, что правящие партии торговались все время с контр-революционерами, а не боролись с ними, с контр-революционным штабом, партией кадетов и сейчас, когда контр-революционная война стоит у стен Петрограда, а министры «социалисты» продолжают соглашаться и торговаться с контр-революционерами и с их главным штабом, кадетской партией. Мы, члены Выборгского района юношеской организации, глубоко возмущены политикой соглашательства и политикой торговли правящих партий—меньшевиков и эсеров с контр-революционными элементами и партией кадетов.

1) Мы, юноши, строители будущей жизни, больше всего возмущены политикой соглашательства и политикой торговли с контр-революционерами.

2) Мы, юноши Выборгского района, требуем передачи всей власти в руки революционного пролетариата и беднейшего крестьянства.

3) Мы, юноши, требуем ареста всех контр-революционных буржуазных заговорщиков и предания их смертной казни.

4) Мы требуем освобождения всех политических революционных вождей, томящихся в республиканских тюрьмах.

5) Мы, юноши, требуем вооружения всего народа, рабочих прежде всего.

6) Мы, юноши, требуем передачи всей земли трудовому народу до Учредительного Собрания.

7) Мы требуем контроля над производством.

8) Мы требуем беспощадного обложения всех капиталистов.

9) Мы требуем полного социального рабочего обеспечения.

10) Мы требуем недостижим 18-летнего возраста отменить сверхурочные работы, а недостижим 16 лет—запрещения работы на заводах.

11) Мы требуем бесплатного обучения недостат. за счет государства и введения 6-часового рабочего дня для юношей, недостижим 18-летнего возраста.

Да здравствует юный пролетариат!

Секретарь Егор в.

3 сентября 1917 г.

Выделить молодежь

Комбинировать наши главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь¹⁾ были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) жел.-дор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших ударников и рабочую молодежь), а равно лучших матросов (в небольшие отряды для занятий ими всех важнейших пунктов) для участия их везде, во всех важнейших операциях.

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска—такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и прочее) с лозунгом: погнать всех, но не пропускать неприятеля.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса: «Смелость, смелость и еще раз смелость».

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

¹⁾ Подчеркнутые места взяты все без изменений.

В Октябре

Кошмарно-тяжелые дни керенщины. Мрачное затишье, затишье перед грозой.

И первый, ослепительно яркий блеск молнии—демонстрация рабочей молодежи Москвы 15 октября. Это великая зарница, это мощный предвестник грядущей бури.

Молодежь не умела ждать. К солнечной радости и лучистому миру свободы тянулась ее душа.

Помню, как произошла демонстрация. Трудно было установить, чья это была инициатива. На заседании Московского Комитета представители всех районов как-то сразу заговорили о демонстрации протеста против войны. Были возражения, говорили, что буржуазия сможет спровоцировать выступление, сможет вызвать кровопролитие (демонстрации тогда были запрещены). Но было очевидно: если Союз Молодежи не поведет на улицу рабочую молодежь, она пойдет сама.

И Московский Комитет Союза Молодежи «III Интернационал», насчитывающий тогда всего 200 членов, взял на себя руководство демонстрацией.

15 октября—день демонстрации. Бодрое, ласкающее солнце. С раннего утра стекаются к сборным пунктам девушки и юноши. «Ведь вы предупреждали, что могут быть выстрелы, откуда же такая отвага, ведь это не все члены союза, все серая несознательная масса. И сколько девушек-работниц. Неужели и они у вас такие храбрые?»... «Нашей ли рати бояться призрачной силы царей»,—ответом на слова товарищей несутся мощные звуки молодых голосов. Выстраиваемся стройными колоннами. Двигаемся. Сотни юношей и девушек со сверкающими радостью лицами, десятки алых знамен с задорно-юными лозунгами: «Трепещите, тираны: юный пролетарий восстал против войны».

«Война войне», «Миру дряхлому не спорить с нами, юными. Вперед!» А по тротуарам, цепью вокруг юных демонстрантов, мрачные фигуры взрослых рабочих. Это—красноармейцы. Их послали комитеты партии охранять со скрытым оружием рабочую молодежь.

«Спокойно идите, хвостики (так называли членов союза взрослые партийные товарищи). Мы вас в обиду не дадим. Вы—наше будущее». «Мы и сами за себя сумеем постоять»,—обижаются хвосты.

Шумно и бодро идут демонстранты. Недоумевающие, перекосенные злобой взгляды буржуазии, но даже она поражена величием юности, даже у нее не хватает духа остановить молодой бурный поток. На Красной площади сливаются все районы. Юноши и девушки радостно приветствуют своих товарищей из других районов. Мощные звуки «Интернационала» несутся над толпой. Вся Красная площадь запружена демонстрантами. Идем к Советской (тогда еще Скобелевской) площади. На балкон Совета выходят перепуганные меньшевики и эсеры. Предлагают разойтись. Молодежь не слушает их, повернувшись спиной к соглашателям, радостно бросается навстречу выходящим из «Дрездена» представителям МК большевиков.

Бурно-радостно встречает молодежь речи своих представителей. Кончился митинг. С пением «Красного Знамени», «Кузнецов» молодежь расходится по районам.

Назавтра в буржуазных газетах следующая заметка:

«Маленькая кучка б-ков, в количестве 5.000, устроила демонстрацию против войны. Демонстрация носила мирный характер».

Буржуазия притворилась непонявшей значение протеста рабочей молодежи.

Но пролетарская масса и партия большевиков услышала боевой клич, пламенный зов юных пролетариев и через 10 дней после демонстрации об'явила войну войне.

Последние дни перед Октябрьским переворотом. Даже в партии коммунистов колебания. Удачно ли будет выступление?.. Пойдет ли за нами солдатская масса?.. В б. трактире Романова на Сухаревке собирается Московский Комитет Союза для обсуждения текущего момента.

Красная Пресня приносит резолюцию: «Если РСДРП(б.) не поведет в бой рабочую массу, то рабочая молодежь перестанет считать партию б-ков своей руководительницей, заклеит ее позором и проклятием и сама возьмет на себя руководство выступлением. На улицу!.. К оружию!.. На баррикады!»

Партийная дисциплина заставила многих членов МК не голосовать за эту резолюцию, но по их сверкающим боевой готовностью лицам, по их призывным речам можно было видеть, что эта резолюция писана кровью сердец рабочей молодежи.

И мощным толчком для всех колеблющихся старших товарищей была наша резолюция. «Молодежь своим пролетарским свежим инстинктом поняла задачу момента, молодежь хочет отвернуться от партии, это значит, что в идейной линии партии появился надлом, трещина»,—так говорил тов. из редакции «Социал-Демократа», куда мы принесли резолюцию, говорили ответственные руководители Московской организации.

—Ваша резолюция была сигналом к восстанию,—признавались нам потом.

* * *

Весело трещат пулеметы.

Темная непроглядная ночь. Нужно людей в центр—для связи. Кто пойдет?.. Хвостики, конечно. Кто лучше их выполнит опасное, отчаянное поручение—прорваться через белогвардейские патрули с ценными секретными сведениями. Из района в район, из района в центр—всюду под дождем пуль бегают члены союза молодежи. И ни тени страха, ни тени колебания на их лицах.

«Победа или смерть»,—вот о чем думает каждый из юных борцов. В окопах, на баррикадах—всюду пламенной верой зажигают всех окружающих юные герои, всюду они в первых рядах.

Много их погибло в октябрьские дни.

Вот тов. Ходик из городского района, 18-летний рабочий. Ходик всегда такой вялый, всегда иронизирует добродушно над кем-нибудь. «Серый он какой-то»,—говорили мы о нем. Но вот начался бой, и Ходик в первых рядах. Он сразу вырос, стал ярким, сильным. За день до победы его убили на баррикадах, и, идя в последний раз в битву, он говорил близким товарищам: «для меня нет жизни вне пролетарской борьбы, с радостью отдал я этой борьбе всего себя».

Другая жертва белогвардейцев—тов. Барболин из Сокольнического района. Он был убит при взятии дома, занятого юнкерами у Страстного монастыря. Пусто, безжизненно стало в районе без Барболина, во всем, даже в мелочах работы чувствовалась его заботливая рука.—Без него надо начинать сначала всю нашу организацию,—жаловались тов. из Сокольников, и вместе с ними вся Московская организация чувствовала горечь утраты.

А вот погибшая (из красного Замоскворечья)—тов. Люсик Лисина. Несмотря на свою молодость, она успела поработать полностью, поработать беззаветно, отдавая всю себя. И в союзе молодежи, и в партии,—всюду успевала Люся, всюду выполняла самую ответственную работу.

И, когда наступили октябрьские дни, Люся не удовлетворялась тем, что работала в осажденном районе, бегала в центр под обстрелом белых.

«Я хочу к нашим, к тем, кто в первых рядах, кто на баррикадах». И она пошла, но пуля настигла ее на дороге прежде, чем она успела добраться до своих.

Эти жертвы вспоминаются сейчас. А сколько погибло на революционных фронтах, сколько убито в дни немецкого наступления... Их сотни. И в дни, когда знамя коммунизма штурмуют миллионы врагов, нашей лучшей местью убийцам будет победа великого идеала погибших братьев.

Шагайте бесстрашно по мертвым телам, несите их знамя вперед.

М. Д.

Рабочая молодежь Питера в Октябре 1917 г.

Петроградский Комитет ССРМ на одном из своих собраний постановил, приблизительно, следующее:

«В виду назревающих политических событий, ПК Союза для работ оставить «рабочую тройку», а всем активным работникам Союза принять участие в формировании красногвардейских отрядов в районах».

В ПК Союза для работы остались т. т. Кацович, Е. Герр и Вася Алексеев, который, несмотря ни на что, был оставлен для работы в ПК и, как член совета Нарвско-Петергофского района, усиленно работал по организации Красной гвардии в своем районе.

Исполнительная Комиссия юношей
Выборгского района № 614 17 августа
1917 года.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Бурмистрову Павлу и Егорову Сергею для организации Красной Гвардии по заводам Лессер, Струк, Экваль, Пузырев. По инструкции Крупской о всем доносить Президиуму Исполнительного Комитета.

Председатель Кузнецов.

«Сережа Длинный» (тов. Егоров), получив мандат¹⁾ от Выборгского районного комитета ССРМ и инструкцию о формировании красногвардейских отрядов от Надежды Константиновны Крупской, носился по району и агитировал среди молодежи за вступление в ряды Красной гвардии.

Немного поздни были его старания, ибо рабочая молодежь, вместе со взрослыми рабочими, уже щеголяла по улицам Питера с винтовкой за плечами.

В ночь на 24 октября 1917 года вооруженная «Выборгская» Красная гвардия собралась в здании Михайловского артиллерийского училища на Симбирской улице (ныне «Красное Залю»).

Поздно ночью шли мы с отрядом красногвардейцев в Выборгский районный совет.

Нас остановил окрик:

— Стой! Кто идет?

— Красный... (условный пароль).

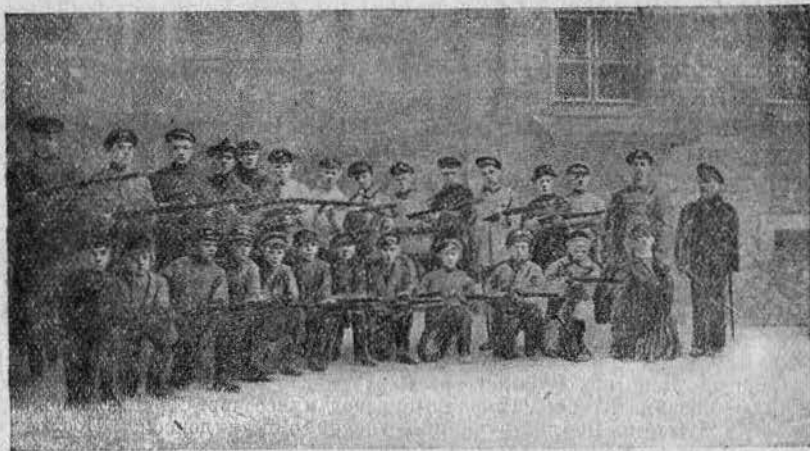
Гордо зажав винтовку в руке, освещенный тлеющим костром, стоял тов. Александров (он погиб под Псковом весной 1918 года, рабочий-юноша завода «Арсенал»).

— Слушай, что нового?

— Пойдите к тов. Антюхину, он вам даст работы.

Во втором этаже училища, несмотря на позднее время, было оживление.

Вооруженные рабочие, с громадным процентом молодежи в своих рядах, в разнообразных рабочих костюмах, нервно расхаживали по большим залам училища.

По возбужденным лицам и воспаленным от бессонницы глазам можно было определить их настроение.

Облака махорочного дыма застилали свет электрических лампочек.

Группа молодежи, окружив деревянную лошадь, служившую юнкерам гимнастическим предметом для изучения посадки на лошади, хохотала над двумя молодцами, утнездившимися на спине лошади и изображавшими из себя лихих казаков.

Казалось, весь союз рабочей молодежи Выборгского района присутствовал на этом вооруженном сборище.

Василий Соколов (член районного комитета ССРМ), словно утка, переваливаясь с боку на бок, занимался шагистикой, а горячий по темпераменту Кузьма Романов, прозванный в районе

«деткой», отрывисто командовал, выкрикивая: «подбери живот», «ногу».

Борис Шишкин (член Выборгского районного комитета ССРМ) раздавал патроны, а группа взрослых рабочих в левом углу зала набивала патроны в пулеметную ленту.

Шум, смех, топанье ног и щелканье затворов винтовок мигом прекратились, когда тов. Артем (рабочий завода «Новый Парвизайнен») закричал:

— Эй, парвизайненские красногвардейцы, ко мне!

Костя Сурков, Семчуков (оба члена Выборгского районного комитета ССРМ) и я (остальных не помню) пошли в наряд для охраны районной Выборгской продовольственной управы (на Большом Сампсониевском пр.).

Среди ночной тишины огромного города редко слышались одиночные выстрелы да шум быстро едущего автомобиля.

В домах было темно.

Лишь через каждые десять минут слышались окрики:

— Куда? Эй, Костя! Сашка! Сенька!

И ответы: «По делу».

Мерно ходили по улицам патрули, переключаясь с вооруженными отрядами рабочих, идущими к районному совету.

В помещении продовольственной управы нас весело встретил наш «районная седая голова», большевик Л. М. Михайлов.

Его седая голова была очень встрепана; вероятно, он целую ночь думал о том, что Выборгскому району вот уже двое суток центральная продовольственная управа не давала хлеба.

— Ну, ребятки, не спите,— сказал он нам и, указав на посты, удалился в одну из комнат управы.

Пасмурное петроградское утро не обещало хорошей погоды, кучевые облака быстро ползли по небу, когда, сдав караул новой смены, мы возвращались в юнкерское училище.

Поставив к стене винтовки и сбросив «присягу» (так мы называли патронташ, одевавшийся через плечо), мы, усталые, тут же на полу завалились спать.

Даже вкусный обед из консервов, чашка сладкого чая и трехкопеечная булка не могли разбудить нас, а будивший нас парень получил по носу.

К вечеру, примерно, в четыре часа, наш безмятежный сон был нарушен криками:

— Эй! Вставайте! Нужно идти к Зимнему.

В большой комнате, где спали на полу ночные патрули и дозоры, слышались крики:

— На Зимний! На Зимний!

Одновременно впопыхах, еще не разобравшись в чем дело, наскоро одеваясь и тихая в рот пайковую, остывшую, оставшуюся от обеда кашу, мы быстро построились в ряды.

Ни до правильности рядов, ни до выравнивания штыков никому никакого дела не было.

Пошли и заговорили:

— Временное Правительство в Зимнем, под охраной юнкеров и женских батальонов, заседает.

— Хотят арестовать Совет Рабочих Депутатов и не открывают его с'езда.

— Совещаются и вызываются войска для подавления движения и не согласны передать власть Советам.

Зачем идут говорящие, это можно было прочесть на их неумытых лицах. На этих лицах было как будто выжжено: «Вся власть Советам».

На Литейном мосту ни одной «крахмальной» души, только группы вооруженных солдат и рабочих спешили по направлению к Зимнему.

Прямой, длинный Невский проспект был наполнен вооруженными рабочими.

Некогда было разговаривать со встречавшимися знакомыми, хотя и хотелось спросить их о положении вещей.

Как летели, когда проходили мы Невский, и влились в общую группу вооруженных матросов, солдат и рабочих, толпившихся у арки на Морской улице.

— Ну, что? Как дела?

— Сейчас итти нельзя, нужно выждать время.

Вечерело...

Сначала перестрелка слышалась редко, затем все чаще и чаще, сливаясь с таканьем пулеметов. Сливались крики: «ура».

Шум, движение вперед, и через минуту все снова шарахалось к стенам домов.

Нетерпение, нервность и досада четко вырисовывались на лицах рабочих.

Задорная молодежь кипела нетерпением и рвалась на площадь к дворцу.

Выстрелы с «Авроры» вывели рабочих из нерешительности, и они двинулись к дворцу с криками «ура», и Зимний был окружен.

Вот и пленные.

— Ребята, не трогай их, не обижай. Веди, куда следует,— слышались голоса рабочих.

Рабочая молодежь, получив винтовки, уже не выпускала их из своих рук.

На Большой Гребецкой улице вскоре она вместе с рабочими дала новый бой юнкерам.

Петроградский Комитет ССРМ, большинство членов его, организовав в районах группы революционной молодежи, влился в ряды Красной гвардии.

В Выборгском районе для объединения отрядов Красной гвардии в целое был сформирован 1-й маршевый батальон под командой тов. Воробьева.

В Московском запасном пехотном полку производилась запись в Красную гвардию, и всюду, всюду рабочая молодежь свою судьбу соединяла с судьбой революции. Многие из них погибли. Помню, что на Колпинском фронте погиб 28 октября 1917 года активный работник Московского района тов. Такмак. В Московском районе молодежь, также влившись в ряды Красной гвардии, храбро сражалась на революционных аванпостах.

Власть укрепились в руках Советов... Вооруженная молодежь, разойдясь по заводам, стала готовиться ко 2-й конференции своего Петроградского Союза...

Горрайон в Октябре

Рабочая масса волновалась; ее не могло удовлетворить правительство, выдвинутое буржуазно-демократической революцией. Партия учла это и подала сигнал к восстанию.

И рука об руку со своими взрослыми товарищами молодежь ринулась в бой. Роль нашего районного союза молодежи в этих боях учесть невозможно, но эта роль не мала. Можно сказать, что половина бойцов Красной гвардии была из нашей молодежи. Из молодежи был перевязочный отряд, из молодежи была живая связь с Московским Советом, куда ни сунешься—езде молодежь. Даже молодые солдаты Спасских казарм, с которыми у нас до Октября не было постоянной связи, в октябрьские бои сыграли немалую роль: при их горячем участии был взят почтамт, много своих товарищей они потеряли у телефонной станции. Они также участвовали и в осаде Кремля.

Еще за несколько времени до двадцать пятого октября наш небольшой районный красногвардейский отряд, изучавший военное дело и наблюдавший за юнкерами, установил, что юнкера очень деятельно готовятся к этому дню. В виду этого, вечером 23 октября, члены отряда, собравшиеся, как всегда, в райкоме, получили распоряжение по домам не расходиться, а остаться для караулов.

Здесь выяснилось, что хотя отряд состоял человек из пятидесяти, оружия было всего: двенадцать берданок, одна винтовка и штук пятнадцать разнокалиберных револьверов. Пришлось дежурить по очереди. Ночь прошла спокойно. Но уж на работу мы не пошли, а день ушел на военную разведку и подготовку к боям.

Перед вечером, когда осеннее солнце позолотило озеро лотков, столов и прочегохлама, нагроможденного торговцами Сухаревской площади, где помещался районный Совет и райком партии, все, кто был в последнем, вышли строить баррикады. При легком морозце, приятном после слякоти, под шутки и смех мы дружно стаскивали и клали в определенном порядке все эти принадлежности торговли.

Работа шла быстро. Кто-то из работавших женщин затынул: «Смело, товарищи, в ногу», песню подхватила помогавшая нам

ватага человек в пятнадцать посторонних ребяташек, и она стройно понеслась кругом. Часа через два, под пение революционных песен, Сухаревка окружилась кольцом баррикад. Вскоре после наступления вечера в Совет серой массой ввалилось человек тридцать «двинцев» («двинцы») — это солдаты Двинского фронта, отказавшиеся идти в наступление 18 июня, за что были арестованы, сидели по разным тюрьмам, попали в Бутырки, откуда, после требования московских рабочих, часть их была выпущена).

Они тепло, как задушевные друзья, жали наши руки, глаза их светились ясным дружеским огоньком. Мы не менее приветливо отвечали им. Они в наших глазах были представителями угнетенного крестьянства, в союзе с которым мы добивались победы.

— Мы вас понимаем. Мы рады, что здесь, с вами вместе идем к цели, — говорили их глаза.

Сквозь черную осеннюю мглу ночи, на опустевшей площадке, высокий с увешанной крестами и медалями грудью «двинец» ведет нас в заставу. Смотрит в темноту, ежится и говорит:

— Ваша задача, при появлении юнкеров, задерживая их, отступать к зданию Совета, там вместе мы дадим бой. А теперь, — счастливо!

Темнота ночи пожирает его могучую фигуру.

Постепенно город стихает, погружаясь во мрак. В голове одна за другой, как лента экрана, бегут мысли. Клонит ко сну. Под одежку забирается холод. Вот, здесь-то, в сердце города, разорвав тишину, бахнул выстрел, залп, еще залп, и все слилось в беспорядочную трескотню.

Сердце бьется сильнее, напрягаются нервы. Стихло. Кто начал? Чья взяла? Неотвязно сверлят голову вопросы. С ними ходишь до смены. Светает, после смены бежишь на отдых. Около потолка большой необставленной комнаты стелется сизый махорочный дым. Пахнет иодом, валерьянкой и прочими лекарствами, приготовленными для будущих раненых. Некоторые товарищи спят на полу, скорчившись «знаком вопроса», некоторые, с помятыми физиономиями и красными глазами, прохаживаются по комнате. Другие сидят кучками, говорят о том, что заседающие в Городской Думе кадеты, эсеры и меньшевики пред'явили московскому ревкому ультиматум: сдать им оружие и призвать рабочих к работе. Кто-то с улицы принес листовку и громко ее читает:

«Я, Виктор Михайлович Чернов, призываю московский пролетариат не поднимать междоусобного кровопролития».

Слышатся смех и слова:

— Здорово! Нехватает только «божьей милостью»! — Слышится еще несколько острот и замечаний. Некоторые из спящих поднимают головы, бессознательно смотрят и опять ложатся.

Ежеминутно трещат звонки телефонов, хриплые крики в их трубки, умоляющие просьбы «не шуметь», так как идет заседание

ревкома. Все это сливается в неясный шум, становится далеким. Я засыпаю.

— Товарищи, получено известие, что юнкера идут на наш район наступать со стороны Сретенки,—сообщил член ревкома. Все вооруженные бросились в окопы, к баррикадам. Прошло минут пятнадцать, юнкеров не видно. Молодежи не терпится.

— Неидут, черти, это им не по бульварам гулять,—перекидываются ребята.

— А мы бы им набили шею.

— Подожди, успеешь, и тебе всыпят,—осаживает их кто-то постарше. Тарахтя и дымя, к нам под'езжает желтый почтамтский автомобиль...

— Товарищи, едемте брать почтамт,—кричат с него.

— Едемте. Юнкера трусят, не пойдут,—говорят у нас в окопах.

Автомобиль быстро наполняется и едет до Спасских казарм, где посадив еще несколько солдат, мы на нем доезжаем до Красных ворот; там разбились на две группы, по обеим сторонам Мясницкой улицы, направились к почтамту; на расстоянии пятисот шагов до него, вдоль улицы, из различных столбов, бочек, вывесок протянулась баррикада. Около нее были видны серые фигуры солдат и рабочих, некоторые из них, осторожно прижимаясь к стенкам, по обеим сторонам улицы, медленно продвигались вперед.

Мы присоединились к последним. Увидев это, остальные бойцы оставили баррикады и вместе с нами, растянувшись цепочкой вдоль тротуара, пошли наступать. Чем больше шли—больше напрягалось внимание. Подали по цепи команду. Стрельба становилась чаще; около нас вместе с пулями летели осколки штукатурки, кирпича. Становилось жарко. Товарищи стали необыкновенно серьезны, жались к стене, друг к другу, подвигаясь вперед, и усиленно стреляли. Раздалось «ура»; его подхватили сзади, оно разнеслось по улице, заглушило свист пуль, выстрелы, топот бегущих ног, звон разбитого стекла, крики, выстрелы. Почтамт взят.

Человек сто рабочих с разных предприятий, собравшихся у райкома, получали привезенные на грузовиках винтовки. Наше сообщение о взятии почтамта встретили радостными приветствиями. И наши берданки вне очереди были обменены на новенькие, чистые «трехлинейки». На нашу просьбу дать есть, «пошамат», члены ревкома реквизировали сметану, молоко, хлеб и предложили это нам. Увидев у Бландова столпившихся с посудой для молока женщин, мы решили сметану с'есть, а молоко отдать женщинам для детей.

Закусив, пошли брать телефонную станцию Москвы, занятую юнкерами. Вокруг нее юнкера сложили штабелями дрова и телефонные катушки, за которыми были неуязвимы. Поэтому наш нажим не удался. Оставив вокруг нее заставы, мы свои главные силы направили на Лубянку. Здесь наши десанты, прячась от пуль

за тумбы, фонари и выступы домов, медленно начали прижимать юнкеров к старой стене.

Захлебываясь, звонко стучит юнкерский пулемет, стальной дробью стегая улицы. Мы нервничаем, отвечаем из винтовок, дерзко насадея на них. Это их сердит. Зафыркало и с треском ударилось в переднюю колонну, стоявшую у ворот дома, где когда-то жил Пожарский, за которой сидело несколько наших товарищей. Товарищи, осыпанные штукатуркой, кирпичами и оглушенные взрывом гранаты, падают на тротуар и мостовую, вскакивают, сторюча бегут в углубление ворот, откуда некоторых, сильно контуженных, отправляют в райком. Задор боя скоро сглаживает растерянность, произведенную бомбометом. Мы снова, тщательней пристреливаясь, наступаем. К вечеру Лубянская площадь в наших руках.

Так темно, что за три шага не видно товарища. По улице раздается глухой гул шагов нашего десятка.

— Тише шагайте,—просит нас десятский. Миновали Варварские ворота. Впереди, с боков у нас беспорядочной дробью идет несмолкаемая ружейная стрельба. Где-то близко рывкнула трехдюймовка; а вдаль выплывает снаряд. Темнота полна на секунду вспыхивающих красных огоньков и свистящих пуль. На втором этаже занятых нами Торговых рядов (что против Кремля) окна в несколько рядов заложены пачками товара. Из бойниц красногвардейцы ведут отчаянную стрельбу с сидящими за кремлевскими стенами юнкерами. Те отвечают не менее энергично. Так продолжается уже с заката солнца. Мы видим, как над Кремлем, вспыхивая сине-желтым огнем, рвутся наши снаряды. Они, вероятно, не по вкусу юнкерам, так как с их стороны затихает стрельба. Затихает она и у нас. Наш десятский принес что-то белое и спрашивает—Хотите есть?—Белуга—Наедайтесь, завтра Кремль брать.

— Кремль, конечно, возьмем. Многих перестреляем.

К утру снова разгорелась стрельба, кругом огонь и запах пороха. В самый разгар приехали члены ревкома, об'явили, что с юнкерами подписано соглашение: они сдают оружие, дают подписку, что больше не будут выступать с оружием против советской власти, и расходятся по домам. Приказали прекратить стрельбу. Послышались негодующие возгласы. На несколько минут стрельба еще усилилась.

Потом стало утихать. Красногвардейцы собрали собрание, чуть не единогласно постановили требовать от ревкома отменить договор, так как он позволит юнкерам при удобном случае снова выступить против нас. Приезжали члены Исполкома Моссовета. Многие и с ними не соглашались. Но стрельбы уже больше не было.

Так рабочая молодежь горрайона выдержала свое первое боевое испытание. Имена павших молодых героев около телефонки, Кремля, Метрополя должны стать заветными и дорогими для идущих новых поколений.

На Пресне

Кто из «до-октябрьских» партийцев и союзников не знает маленького деревянного домика по Большому Предтеченскому переулку—«обиталище» пресненских большевиков и будущих комсомольцев?

Иван Слесарев-Кульман, Самуил, Надя Штерн, Анатолий Устинов, Нюша Литвейко, Быстров, Сережка Яковлев... и многие другие—ядро будущей организации комсомола. Первые два не являлись союзниками, это скорее «духовные отцы», учившие ум-разуму нас—«сосунков». Бесконечно близки и дороги эти лица. Много светлого, незабвенного связано с ними. И хотя сейчас почти никого из названных не увидишь на Пресне, но вспомнить о них, восстановить в памяти и зафиксировать отдельные картины нашей жизни—буйного, непрерывного кипения—дело не лишнее, дело полезное.

ПРЕСНЯ в М. К.

За несколько дней до переворота, на Сухаревке, в трактире Романова, собирается М. К. В порядке дня—текущий момент. Собрались в маленькой комнате, наверху. Явились представители всех районов. Здесь и Лазарь Шацкий и Рузя, весьма буйная девушка (не дай бог попасться на зубок ей: затопчет, закричит, разнесет влуп и впрах). Здесь и Ася, веселая, зажигающая всех своим энтузиазмом. Пресня подтянулась. Первый раз на заседание вместе явились я, Анатолий Попов и Быстров. Внизу до заседания состряпали резолюцию, переработанную после в воззвание, помещенное в «Социал-Демократе». Разногласий, оказывается, не имеется. Все стоят за вооруженное выступление. Речь идет о форме резолюции. Мы победили и здесь. Воззвание было принято. Как сейчас помнится, маленькая, «до чортиков» накуренная комнатка, раскрасневшиеся, возбужденные лица и с недоумением и любопытством выглядывающие в полуоткрытую дверь бородатые лица партийцев. Пресня победила,—и мы, радостные, разгоряченные, расходимся по домам.

КАНУН БОРЬБЫ

Наконец, октябрьский переворот. В Предтеченском собрались не только активисты, но и рядовые союзники. Партийцев мало: Беленький, Кульман и Жаров и еще семь или восемь партийцев.

Арсенал наш состоял из пяти берданок и пяти штук патронов. Дежури́м всю ночь все. Завтра поедем за оружием.

Напряжение страшное, но колебаний нет, нет и дезертиров. Наступила развязка, все мы это чувствуем, и поэтому ни слова об этом. Штаб решили перенести на завод «Тильманс».

В ПЛЕНУ У ЮНКЕРОВ

Прошло два дня, я и Анатолий засели в Кремле. Мы должны вывезти на Пресню оружие, а после взятия его, попали в плен к юнкерам.

Несколько десятков солдат 56 полка юнкера расстреляли. Мы случайно избежали расстрела и были выпущены, изрядно, правда, избитые.

Кровь пролита. На Пресню! Скорей за работу, быть вместе со «своими» до конца! Умереть, но отомстить!

НАЧАЛО БОРЬБЫ

Тра-та-та-та-та!.. Пум!.. Пум!.. ж-жик!.. ж-жик!..

Трещат пулеметы. Мерно отбивают свое трехдюймовки. Шаловливо-весело свистят одиночные оружейные и револьверные выстрелы. Жутко, но весело. Идем на «позиции», на Новинский бульвар, оттуда напирает на Пресню броневи́к, а за ним юнкера Алексеевской школы. Идем медленно, но уверенно. Вдруг Лапидус начал плясать, скачет на одной ноге, то нагибается, то вновь встает. В чем дело? По лицу не видно, чтобы ранен был. Нет, это пуля рикошетом ударила в подметку и немного обожгла пятку. «Ловко, уже окрестился?». Слышатся возгласы и смех. На Новинском бульваре было горячее дело. Много раненых, есть и убитые, но наступление отбито. Броневи́к уехал ни с чем. В деле участвовали главным образом союзники. Дрались, как львы, несмотря на неопытность в этом деле.

В ШТАБЕ НА ОТДЫХЕ

В штабе, его после перевели сначала на Прохоровку, а потом в помещение бывшего участка по Садовой улице, действует наш санитарный отряд, составленный, главным образом, из союзных девчат. Здесь и Нюша и Таня, в платочках, грязные, следные от усталости, бедные,—они не спали несколько ночей подряд. Но веселые. «Братва» расселась на полу,—кто спит, обнявшись с винтовкой, кто жадно «убирает» консервы, задорно кроя «матом», как большие, но не злобно, а так, «для убедительности».

Е. Герр.

Дни гудков

Было воскресенье. Ни весна, ни зима. Моросил мелкий дождь. Тревожные улицы великого города, как насмех, были украшены огромными плакатами с приглашением на танцульки. Казалось, весь Питер собрался танцевать в этот день. Было немного грустновато. Я ушла домой и принялась за редактирование «Юного Пролетария».

Вдруг, в час—в начале второго ночи, резким призывным воем завывли сирены заводов. Как-то страшно стало от этого унылого воя. Я кинулась на улицу.

Передавались сообщения: «немцы перешли в наступление и двинулись к Пскову». Через несколько часов—«Псков пал»—улица кипела. Неслись трамваи, с заводов потянулись к вокзалам рабочие отряды, чтобы защитить город революции.

Встретив Шуваева и Куликова, мы вместе отправились на Обуховский завод создавать отряд.

На другой день собрался расширенный П. К., совместно с райкомами и активными работниками. Обстановка была чрезвычайно торжественная. Председательствовал Алексеев. Прения были небольшие. Петроградским Комитетом была предложена компромиссная резолюция, объединившая всех: «Не предпреляя вопроса, будет или не будет заключен Брестский мир, собрание, учитывая начавшееся наступление, формирует рабочее юношество в красновардейские отряды для борьбы с германским империализмом, за русскую революцию».

Резолюция была принята единогласно. Тут же было произведено перераспределение работников по районам, для организации отрядов. Кажется, в следующем порядке: В. Алексеев, Степанов, М. Ратновский (Нарвский), Бурмистров, Г. Дрягзов (Выборгский), Драбкина (Рождественский), два брата Петровских (1 гор. район), Вьюрков, Ман и Герр (Петроградский), Тарасов (Невский), Шуваев (Обуховский) и т. д.

Я помню, как после молитвенно спетого «Интернационала» ко мне обратился Дрягзов:—«Ну, Искорка, довольно спорить и ос-

треть, надо показать, как мы умеем защищать революцию»,—«и умереть за нее, если нужно»,—ответило несколько голосов.

С юношескими отрядами дело шло слабовато. Молодежь и даже часть активных работников (Дрягзов, Иван, Левинсон) уходили со своими заводскими отрядами. И все же нам удалось из районных комитетов и членов П. К. составить юношеский отряд из 109 юношей и 11 девушек. Цвет рабочего юношества был собран в этом отряде. Нас поместили в Инженерном замке. Мы дожидались своей отправки три дня. Но и эти три дня казались нам вечностью. Скорее туда, на поле битвы.

Нервы были напряжены до крайности и вдруг, неожиданно, ездивший в Смольный за оружием Степанов привез назначение в 11 час. вечера отряду выступить к Балтийскому вокзалу, для отправки. Куда... Известно.

Было часов 9. Еще два часа. Небольшими группками мы разбрелись проститься с городом.

В числе одной из них я. Забрались в засыпанный снегом Летний сад. Было удивительно тихо.

Легли в мягкий снег. Все молчали. Каждому было о чем подумать. Было как-то особенно хорошо. Издали доносился шум трамвая, и виднелись разноцветные электрические вспышки. Было пора возвращаться. Мы запели. Пели одну песню за другой, все что знали и как умели. Но все хорошее, что было у нас, мы вложили в песню. Это пелось Питеру, дорогому, каменному другу.

Вернулись. В полном сборе, с пением родимой «Нарвская застава, Путиловский завод» мы двинулись в путь.

На вокзале мы узнали, что наш отряд включен в группу отрядов тов. Дыбенко и что нам надлежит выделить начальника своего отряда. Направят нас на Гдовский участок.

Второй Петроградский комитет ССРМ на гдовском фронте.

Стоят слева направо Вьюрков и Смородин. Сидят слева направо З. Бронштейн, Е. Герр. Внизу сидит Ман.

Тут же начальником отряда был избран Ман. Рано утром нас отправили.

Прибыв на ст. Гдов, мы получили задание очистить город от восставших помещиков. Конечно, было маленькое разочарование. За исключением десятка человек, никто из нас не умел обращаться с винтовкой. Мы ехали на фронт, чтобы умереть (что мы все умрем, в этом мы не сомневались) и своей беззаветной смертью вызвать восстание в германских войсках. А тут какие-то помещики. Но это разочарование было внутреннее, вслух его ни один из нас не выразил. Мы вступили. С винтовками за плечами, с пением «Так за Совет Рабочих Депутатов мы грянем громкое ура», мы двинулись вышибать помещиков.

Сделать нам этого не пришлось. Ибо они, узнав о прибытии отряда, позорно бежали, оставив нам трофеи в виде склада с сухарями и двух пулеметов. Через два дня пала Нарва, и мы были немцами отрезаны от путей сообщения.

Немцы окружили Гдов, но сам город не заняли. От Питера мы были отрезаны, и фронт превратился в мирное заключение. Мы охраняли Чудское озеро и попутно занялись военным обучением. За исключением хождения в караул и мелких работ по отряду, мы жили почти обычной жизнью, только более сплоченно. Пошли обычные споры, совместно читали, а некоторые даже писали. Один день был какой-то особенный. Из Питера прибыл товарищ (ему удалось как-то пробраться) и сообщил, что заключается мир, партия переименовалась в Коммунистическую, а Питер—в Петербургскую коммуны. Все эти сообщения булыжником ворвались в наше отставшее сознание. Я помню, как мы курьезно спорили по этому поводу и решили, что мы не будем коммунистами... Социализм—это было вполне осознанное понятие, но коммунизм—что за чертовщина, и, не сумевши разобраться, мы его отвергли.

Но это не давало покоя. Что же там такое делается без нас? Признаться, у многих появилось желание быть в Питере. Но это казалось недопустимым, и каждый, мечтая об этом, глубоко скрывал свое желание.

Был уже март месяц. Я стояла на посту с винтовкой на балконе дома. Прямо перед мною расстилалось поле. Уже чувствовалась идущая весна. Покрытое снегом поле искрилось под лучами солнца и так ласково манило к себе, что мне страстно захотелось в Питер. Слышу внизу голоса спорящих членов, часовых. Один говорит: «Вы себе как хотите, а я в Питер не поеду, я буду драться с немцами и покажу им». Я спустилась к ним и узнала, что уже устанавливается демаркационная линия, и мы возвращаемся обратно.

Так же просто и радостно, как мы шли навстречу смерти, готовые и уверенные в ней, мы возвращались обратно в жизнь, в Питер, чтобы в нужную минуту снова быть готовыми к борьбе.

О власти, мире и Учредительном Собрании

II общегородская конференция московского союза состоялась 26 ноября и целиком была посвящена текущему моменту. Настроение участников конференции было воинственно-революционным. Принята следующая резолюция:

Признавая русскую революцию за революцию социальную, С. Р. М. «III Интернационал» считает, что при конструировании власти не должно быть никаких уступок в основных требованиях:

а) достижение мировой социалистической революции всеми возможными способами.

в) введение точного контроля и регулирования производства и распределения.

е) немедленное разрешение местных русских вопросов, как аграрный и проч.

Власть должна быть с ясным выраженным классовым характером. И в этом отношении Совет Народных Комиссаров, ответственный перед Исполнительным Комитетом, является наилучшим выразителем классовых интересов как пролетариата, так и беднейшего крестьянства. Неразрывно связывая судьбу войны с господством империализма, С. Р. М. «III-й Интернационал» полагает, что время мира будет временем социального восстания западно-европейского пролетариата. И с этой точки зрения переговоры о мире, начатые Совнаркомом, являются огромным фактом, приближающим нас ко дню всемирного освобождения.

Никакие сантиментальные соображения не должны удерживать от решительных мер по борьбе с политическим влиянием буржуазии.

Беспощадное закрытие желтой прессы, самая ожесточенная борьба с саботажем, решительное проведение на местах советской власти во всех углах России, создание по первому слову техники могучей Красной гвардии, борьба с калединовщиной—таковы должны быть ближайшие задачи.

Считая, что Учредительное Собрание, как учреждение парламентарное, всесловное, является пережитком в эпоху диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, С.Р.М. находит теперешний созыв его компромиссом со стороны партии революционной социал-демократии.

Но, считаясь с Учредит. Собранием, как с фактом, мы будем его признавать лишь в случае проведения в жизнь программы, намеченной II Всероссийским съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В. Алексеев

Рабочая молодежь и Красная гвардия ¹⁾

С первых дней происшедшего переворота наши товарищи—рабочая молодежь, несмотря ни на какие физические трудности, исполняют свой революционный долг в рядах пролетарской Красной гвардии и санитарных отрядах. И искренне поражаемся той силе воли, храбрости, бодрости и энтузиазму, которыми отличаются наши товарищи в борьбе и сражениях за пролетарские идеалы против войск, обманутых авантюристом Керенским.

Рабочая молодежь не умом, так сердцем чувствует, что переход власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов знаменует собою конец гнилых коалиций с буржуазией, конец буржуазно-империалистической политики в отношении мира, конец диктатуры Керенского—диктатуры «крови и железа».

Рабочая молодежь прекрасно понимает, что за 8 мес. соглашательской, губительной для страны политики Россия оказалась приведенной к полной хозяйственной, экономической и финансовой разрухе и что для ее спасения необходимы решительные и героические меры, необходима твердая революционная власть.

Рабочая молодежь понимает, что только власть Советов рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, опирающаяся на рабочий класс и беднейшее крестьянство и выражающая их свободную и непреклонную волю, сможет повести решительную борьбу за мир, при полном сочувствии международного пролетариата, сможет дать землю пострадавшему крестьянству, провести рабочий контроль над производством и сумеет заставить подчиниться этой воле имущие классы.

Вот почему наши юные товарищи, сознавая все это и сразу оценив свою пользу общему делу пролетариата, смело и радостно ринулись в ряды Красной гвардии. И они шли умирать по своей собственной воле, твердо убежденные, что они исполняют свой революционный долг, а вовсе их не посылали лидеры большевиков, как пишет газета «Единство». Газета «Единство» обманывает читателей, когда пишет: «Но где слова, чтобы заклеить весь ужас, всю степень злодейства тех, кто посылает детей под

¹⁾ «Юн. Пролетарий» № 2, орг. ленингр. союза соц. раб. молодежи.

огонь фронтовой армии, кто, подобно библейскому Ироду, готовит новое избиение младенцев».

Я позволю себе привести несколько цитат из газеты «Единство», в которых черной нитью проходят язвы пессимизма и антиреволюционизма.

В статье «Библейское преступление» П. Дневницкий пишет: «Конечно, когда взрослые люди, защищающие хотя бы и ложные взгляды, падают жертвами хотя бы и собственной темноты, это очень печально. Но как обидно,—искупительною жертвою оказываются дети, юношество, еще не оформленное, но сознающее, куда и зачем его ведут, и, весьма вероятно, увлеченное благородной мыслью умереть за великую идею, которую даже понять правильно они пока не могут».

А если они не разбегутся, думалось мне, если выдержат лучшие взрослых? Что тогда? Сколько будет их, этих детей, перебито и перекалечено?.. И зачем?.. За что погибнет это молодое рабочее племя, это будущее пролетарского движения?».

Таким тоном пишет П. Дневницкий.

Прежде всего о «людях, защищающих ложные взгляды». По этому вопросу мы не будем полемизировать с П. Дневниским, потому что «Единство» стоит за диктатуру Керенского, а мы за свои дорогие Советы. И кто защищает ложные взгляды—рабочие, солдаты и крестьяне давно уже поняли. Насчет и обиды и боли П. Дневницкого мы спросим его,—почему же не обижается П. Дневницкий на молодых юнкеров, которые сражались за «не ложные» взгляды газеты «Единство», тех же юнкеров, которых провоцировали за выступления против рабочих и солдат газеты «Единство», «Дело Народа» и др., объединившиеся в «Комитет Спасения» Керенского.

По поводу того, что юношество «не сознает» «куда его ведут и зачем»—мы уже говорили выше, что юношество идет в бой с открытой душой, с сознанием своей роли в борьбе пролетариата за его идеалы.

На вопрос П. Дневницкого, «зачем и за что погибнет молодое рабочее племя», мы должны сказать ему следующее: наши товарищи погибли в борьбе за общечеловеческое счастье, в борьбе за социализм, и погибли так, как гибли в продолжение десятков и сотен лет наши предшественники за освобождение угнетенных и порабощенных. Наши товарищи пали, уверенные и убежденные в правоте великого дела рабочего класса, за общечеловеческое освобождение.

И их уверенность и надежды оправдываются жизнью: уже показываются ласточки новой и радостной весны—социализма.

Да послужат их подвиги для нас примером. Примите, погибшие, от нас братский поклон. А вам, оставшимся в живых, наше горячее приветствие.

Да здравствует социалистическая рабочая молодежь!

Да здравствуют юные борцы-герои.

И. Скоринко

В Красной гвардии

И. Бологое—Москва

После взятия (в октябрьские дни 1917 года) нашим отрядом рабочих Путиловского завода бронепоезда, который получил название № 1 и новую команду из балтийских матросов, мы, несмотря на слухи о ликвидации в Москве юнкерского восстания, были направлены туда. Очень трудно удержаться от улыбки и смеха, когда вспоминаешь нашу поездку в Москву. Наше вооружение, которое было навешано на нас, являлось рекламой военной промышленности и отделением военно-исторического музея.

Несмотря на то, что в арсенал нашего личного вооружения и снаряжения до Бологого входило: винтовка, два—три револьвера, шашка, две пулеметные ленты, пара подсумков, вещевой мешок, сухарный мешок, шпоры, полевые сумки и бинокль, мы, после взятия бронепоезда с богатыми военными запасами, ухитрились на себя навешать еще множество предметов, «случайно упущенных по нашему недосмотру».

Лично я обзавелся по своей «скромности» парой гранат и компасом. Без этого, и кинжала 16—17 столетия, я не имел, на мой взгляд, воинственного вида. Как я и другие красногвардейцы таскали на себе такое колоссальное количество вещей, для меня и поныне неясно...

Здесь уже необходимо было исключительное чувство преданности своей революционно-военной службе и полное отсутствие какого-либо понятия о бойце и боях.

Наш внешний вид вообще, который мы,—красногвардейцы,—имели в то время, и поныне приводит в смущение. Если буржуазия, рассказывая о красногвардейцах, добавляет, что мы имели вид бандитов, то, что греха таить, вид (но и только) у нас в действительности был таков.

Правда, в остальном (поступках, побуждениях) мы существенно отличались от бандитов. Но по внешнему виду мы очень походили на них.

Наши поступки, наше отношение к врагам, несмотря на незнание хорошего тона и условностей, являлись образцом пролетарского благородства, гуманности и человеколюбия. Но от нашего внешнего вида с ребяташками приключались родимчики, а люди, особенно робкие, боязливо исчезали при нашем появлении.

Сиплые голоса от простуды и небритые лица у многих дополняли наше сходство с бандитами. Но ведь суть не в платье, и это нас несколько не смущало.

Питались мы также по-красногвардейски: случайно и разнообразно. В то время красногвардейские желудки подходили к типу тех солдатских желудков, про которые говорят, что они и топор сварят. Ржавая селедка у нас сменялась фруктовыми консервами, сырая капуста и моченый горох консервированными омарами и балыком.

За Бологом или в Бологом один красногвардеец добыл вести из Питера, и, несмотря на ночное время, мы стремительно вскочили с полок и с живейшим любопытством и интересом выслушали массу новостей.

Ночью никто не спал. Узнав об организации Совнаркома и о персональном его составе, наш вагон жарко принялся обсуждать каждого члена нового рабоче-крестьянского правительства.

Товарищу Ленину всеми красногвардейцами, не исключая и максималистов, был торжественно послан по направлению Питера воздушный поцелуй.

Поцелуй не в духе кисейных барышень и влюбленных юнцов, а поцелуй преданных любимому вождю, закаленных в труде и борьбе людей.

Декрет же о стеснении свободы слова для буржуазной печати признавался всеми необходимым и понятным, но вызывал одно «опасение».

— На заборах сукины дети начнут писать. Их бы вон куда-нибудь прогнать,—выразил свое полное опасений мнение рабочий-путиловец с полки.

Мы захохотали.

Декрет о введении восьмичасового рабочего дня мы приняли с энтузиазмом.

— Вот это власть... я понимаю... Вчера только место заняла, а сегодня уже и постановление самое ценное для рабочих вынесла,—восхищается просушивающий у печки портянки рабочий-лесноеровец.—Только вот у меня зависть появляется теперь к рабочей молодежи. Я вот работал по 12—10 часов в сутки, и теперь в 45 лет на шестидесятилетнего старика похож. А им теперь будет лучше. Но только бы они поняли значение этого декрета. Поймете?

— Понимаем, дяденька,—загадала с полка и из-под нар рабочая молодежь, слушавшая все с открытыми ртами.—Мы для этого и социалистический союз молодежи организовали. Мы уж теперь сумеем постоять за себя и за всех рабочих.

— Хорошо, хорошо, ребятки. Мы вам даем в наследство самое лучшее, так уж вы берегите.

Только к утру, после долгих собеседований по вопросам текущей жизни, мы уснули, тесно прижавшись друг к другу, и, счастливые своим участием в великих событиях мировой важности, мы, улыбаясь, во сне обнялись.

Проснувшись утром и видя обнявшихся во сне без различия возраста красногвардейцев, я по-детски пришел в восторг.

Такое проявление рабочего единения я видел в первый раз, и оно на меня произвело колоссальное впечатление. Усевшись на краю нары, я, весь преисполненный каким-то неизведанным мной чувством, созерцал эту картину.

И вдруг кто-то кашлянул, и перед моими глазами один из рабочих высвободился из объятий и, громко сопя и производя навешанной аммуницией шум, начал подниматься. Обеспокоенный лишением своих мечтаний и виденной картины, я стремительно замахал руками, ногами и головой, зашипел на товарища так, что, предполагая нечто ужасное, тот застыл на месте, затаив дыхание. Жестами и мимикой я объяснил ему значение виденного.

Видимо умиленный, он не вытерпел и разбудил другого рабочего. И скоро весь вагон был поднят на ноги и застыл в созерцании объятий двух спавших красногвардейцев.

Говорили все с какой-то мягкостью, без ругани, каждая просьба или желание какого-либо товарища выполнялись тотчас же быстро и охотно. Но после один сознался, что эта сантиментальная картина заставляла его чувствовать себя как-то неловко.

Когда проснулись все, мы тотчас поспешили узнать, где мы стоим. Как только открылась дверь вагона, несколько голосов в восторге закричали:—Москва, Москва.

Все принялись за свой туалет.

В МОСКВЕ

Было часов восемь утра, когда мы, закончив свой туалет, принялись с вагонов обозревать Москву. Особые взоры устремлялись на золотые верхушки храмов и церквей, как на прекрасные цели для обстрела из орудий.

Издалека, из кварталов Москвы, слышались одиночные ружейные выстрелы.

Так как нам сообщали, что наше командование направилось в Московский Ревком, то мы решили, имея деньжонки, пить чай, направиться в буфет Николаевского вокзала.

Подсчитав общую сумму, ватага красногвардейцев смело вошла в буфет первого класса, где увидела массу пассажиров, скопившихся из-за боязни ехать через Бологое, где «якобы шел ужасный кровопролитный бой».

Пока мы протискивались к столам, многие уже узнали нас, как питерских красногвардейцев, и не успели мы оглядеться, как

вслед за криками:—Питерцы-красногвардейцы,—были подхвачены и буквально принесены к столам, которые окружили пассажиры.

Все красногвардейцы были рассажены по столам и пока соображали, как к этому отнестись и лестно или нелестно такое отношение, официанты уже летели к нам с кофе, булками и другими съестными предметами.

Если бы официанты были подлецы, они на нашем угощении могли бы недурно подзаработать.

Каждый, окружающий нас, настоятельно предлагал плату за наше угощение взять только у него. А там были сотни. Получай с кого хочешь.

Будучи голодными, мы без смущения насели на принесенный завтрак, и в это время толпа соблюдала священное безмолвие.

После кофе нам предложили папирсы, а затем все потребовали рассказать об октябрьском перевороте.

Говорили мы честно.

Ругали Временное Правительство; говорили о всеобщем подеме, об энтузиазме питерцев, о настроении гарнизона.

После окончания рассказов, я и много других красногвардейцев были торжественно сведены в вокзальную парикмахерскую и подстрижены, по желанию публики, под первый номер.

За предложение заработной платы парикмахеры не на шутку обиделись. Но гостеприимство москвичей на этом еще не кончилось. Из парикмахерской мы под конвоем сотни человек были препровождены в буфет для угощения обедом.

От такого радушия мы положительно взвыли и, опасаясь угощения нас ужином, покончив с блюдами, близстоящим т. т. по секрету сообщили о «необходимости кое-куда завернуть на одну минутку».

Те, улыбнувшись, расступились, и мы стремительно бросились к себе на поезд.

И если на нашем пути виднелись железнодорожники или иные рабочие, мы, стучаясь лбами о буфера или колеса, бросались под вагоны и спешили удрать от них.

Долго мы вспоминали эти побеги от радушия и гостеприимства москвичей.

Часа в три дня, группа питерских красногвардейцев, вооруженная до ужаса, направилась в город, где имела возможность познакомиться с популярностью своих собратьев по достижениям и оружию—московских красногвардейцев.

На одной из московских улиц, около Сухаревки, к нам подошла группа рабочих, попросившая арестовать компанию воров, находившихся в одной из квартир-притонов.

Польщенные таким обращением, мы направились по указанному адресу.

— Они с оружием. Поосторожнее, товарищи,—заботливо предупредили нас они.

— Мы больших воров били, Николку и Керенского, и то не боялись,—обидевшись, проворчал лесснеровец и решительно шагнул в квартиру.

— Руки вверх,—послышался его голос из квартиры, и, войдя в нее, мы увидели человек десять пьяных, с поднятыми руками и выделывавших неустойчивыми ногами кренделя.

Их, найденный спирт и краденые вещи мы сдали через полчаса московским красногвардейцам, которые, находясь под впечатлением жестокой и кровавой борьбы с юнкерами, тем не менее проявили себя джентльменами.

Принимая от нас арестованных и вещественные доказательства, ими по нашему адресу была сказана масса комплиментов и похвал, которые прежде всего относились по адресу всей питерской Красной гвардии.

В разговоре с рабочими мы выяснили, что московская Красная гвардия не только среди рабочих, но и среди всех обывателей чрезвычайно популярна. При каждом случае они обращаются не к милиции, а к красногвардейцам.

Мы были этим очень обрадованы. Возвращаясь к себе в вагоны, мы около вокзала и в вокзале заметили возбужденное состояние публики. Пугающим нас шепотом плыли слухи—«Убили. Петроградцы».

Обеспокоенные, предполагая самое худшее, мы побежали к вагонам и, переходя мост, заметили огромную лужу крови.

Бросились в вагон.

В вагоне около раскаленной докрасна печки молча сидели красногвардейцы, один из которых при нашем появлении безнадежно махнул рукой и горестно проговорил:

— Удивили. Сопля. Теперь славушку-то вот о питерских красногвардейцах на всю Россию пустили.

— В чем дело? Что случилось?—накинулись мы на него.

Дело, как оказалось, заключалось в следующем:

Приезд петроградского отряда красногвардейцев, благодаря рабочим-железнодорожникам, стал известен всему сокольническому району.

После окончания работ, многие рабочие, захватив с собою папирсы, направились к нам в бронепоезд, чтобы потолковать о происходящем октябрьском перевороте. Не доходя полверсты до нашего местонахождения, одна из групп рабочих встретила одного нашего матроса и красногвардейца, вооруженных до упоминания.

Разговорились.

Во время беседы один из рабочих, обращаясь к матросу, наивно спросил, что это за бутылочки висят у него на поясе. Тот, мня о себе, как о военном авторитете, с улыбкой заявил, что висят у него не бутылки, а бомбы.

— Гранаты. Чудак,—пояснил красногвардеец,—хочешь, объясним.

Полагаясь на их знакомство с гранатами, рабочие приготовились слушать объяснение.

Вытащив из-за пояса заряженную гранату, матрос и красногвардеец, взяв на себя благородный труд лекторов, предварительно заметили, что сей предмет опасный и разрушительный, приводя соответствующие примеры.

Объясняли они долго и в заключение принялись показывать, что нужно сделать, чтобы убить противника.

— Для этого нужно отодвинуть эту задвижку и снять кольцо. Вот эта вещь срысывается и воспламеняет капсюль. Потом происходит взрыв,—закончил матрос, сняв кольцо и отодвинув предохранитель.

Едва ли взрыв входил в программу объяснений, но последнее пояснение было настолько подробно и неосторожно, что взрыв не замедлил последовать.

Матрос и еще один рабочий взрывом были разорваны в клочки, красногвардеец и несколько слушателей были ранены.

На нас это произвело крайне тягостное впечатление. Было стыдно, при мысли о наличии нескольких побед, иметь в своих рядах людей, не имеющих знакомства с оружием.

Слово «сопля», как ни странно, относилось к убитому матросу.

Весь день мы все ходили чернее тучи, обозленные на все и всех.

Следующий день прошел в ожидании получения из Московского Ревкома дальнейших распоряжений. Их не было, и вечером мы, с особым удовольствием, приняли предложение некоторых рабочих направиться с ними погулять.

Я помню, что в этот вечер самым ненавистным словом и значением для меня был Викжедор (Всероссийский союз железнодорожников).

Значение его я до сих пор не понимал, но, гуляя с рабочими, я от них выслушал столько по его адресу брани и ругательств, что возненавидел до глубины души.

— Если рабочие ругают, следовательно «достойный» субъект—подумал я и, обращаясь к рабочим, заявил:—если вам нужна помощь в борьбе с ним, рассчитывайте на Красную гвардию.

— Ну, какая там борьба. Все железнодорожники возмущены его ролью в октябрьском перевороте. Где это видано, чтобы рабочая организация настаивала на примирении классов и на отказе рабочих от борьбы за свою власть.

Огромное возмущение рабочих вызвал ультиматум, предъявленный ЦК большевиков, где Викжель, под угрозой железнодорожной забастовки, предлагал создать коалиционное правительство из всех социалистических партий.

— Как они смели говорить так от нашего имени, подлецы. Кто будет бастовать? Начальники станций? Мы своих тогда дадим, но

движение не остановим,—яростно жестикулируя перед нашими лицами руками, кричали они нам.

К своей печали, мы впоследствии увидели, что не все железнодорожники имели такое настроение, как наши собеседники. К числу поддерживающих Викжеля принадлежали рабочие кулацкого толка.

Имеющие подсобный заработок, связь с деревней, коров и землю, охотно шли к нему и его бледно-розовым лозунгам, удовлетворяющим их склонное к тишине настроение.

Поздно вечером, возвращаясь вместе с рабочими домой по одной из захудалых улиц, мы увидели, к своему изумлению, открытый кинематограф. Это нас так поразило, что мы моментально завернули туда. Вошли. В зале оказалось публики довольно много, преимущественно молодежи, были и солидные люди, но, видимо, из тех, для которых революция являлась шумливым бунтом.

При виде вошедшей группы вооруженных людей аудитория боязливо зашептала, но видя, что мы вошли робко и недоумевающе, она успокоилась.

После первого акта я с интересом заметил в себе и в своих друзьях происшедшую перемену.

Раньше, несмотря на свое пребывание в подпольном социал-демократическом кружке, я, после нелегальной сходки и распространения прокламаций, отдавая дань молодости, где-нибудь в «Одеоне» с интересом смотрел за походом какого-нибудь апаши.

Но здесь было не то. После боев, инстинктом, если не разумом угадывая грандиозность происходящих событий, где мы являемся участниками, смотреть, как на экране в муках ревности мечется гуляка-граф, казалось глупым и незаслуживающим внимания.

Через десять минут мы направились на броневик.

Дневник красного партизана

Январь 1918 года. Первое Советское правительство Украины, находясь в Харькове, уже начинало вооруженную борьбу с национальной контр-революцией, но первые жертвы были понесены не в бою. Киевские газеты принесли кошмарное известие: 5 января в Умани, — моем родном городе, — пьяные офицеры полубатьковцы во время заседания Совета убили — не расстреляли, а просто тут же в помещении Совета убили — двух крупных, ценных партработников: товарища Алексея Пионтковского, члена ВУЦИК, и товарища Урбайлиса — члена Уманского парткома.

Я близко знал обоих, издавна работал с ними. Известие об их гибели совершенно выбило меня из колеи, лишило работоспособности.

Сверлила в мозгу одна мысль, поглотившая, убившая все мои остальные думы:

— На фронт.

Я повел переговоры с народным секретариатом по военным делам о сформировании отряда, думал направиться с ним к Киеву, уже осаждавшемуся Коцюбинским и Муравьевым. Но составом отряда я был очень недоволен: все солдаты одного из стоящих в Харькове полков старой армии; слишком на них надеяться не приходилось, так как они уже были достаточно разложены и небоеспособны, как и все старые фронтовики в те времена.

Счастливая неожиданность вывела меня из этого положения. Ко мне пришло несколько членов Киевского Социалистического союза рабочей молодежи: С. Мальчиков, Сиркис, Шейнин, Аронский.

— Мы слышали, тов. К., что вы на Киев собираетесь, пригласите и нас в свой отряд, а то мы приехали в Харьков, хотели на фронт, а нас здесь для охраны города держат... С этим и без нас справятся, а на фронте мы более пригодимся.

Я смотрел на восторженные, озаренные стремлением к подвигу лица, неокрепшие молодые руки, неумело, но так твердо, уверенно сжимавшие винтовки, и два чувства боролись во мне. Я знал, что эти юноши самоотверженно, без колебания будут бросаться в огонь, — но, ведь, принять их — значит повести их на убой, потерять и, быть может, бесплодно, столько будущих строителей коммунистического общества.

— А стрелять-то вы умеете?

В глазах юношей вспыхнул огонек юношеского задора:

— Ничего, справимся, хоть в армии не были еще. А не хотите нас принять — пойдем сами на фронт. Нас тут десятка полтора киевлян да полтавчан с пяток. Ребята все дружные, работу на фронте найдем.

Я поспешил успокоить обиженных молодых товарищей.

— Ладно, отправляйтесь в отдел снабжения за обмундированием. Сегодня ночуем в казармах, а завтра с утра двигаем на фронт.

Раздались звонкие повеселевшие голоса:

— Какое там обмундирование! До фронта и так доберемся, патронов побольше, и чтобы паровоз был хороший — скорее бы на позиции.

Я вспомнил о том, что вошедшие в отряд фронтовики в первую очередь потребовали обмундирование и жалованье, и понял, каким неоценимым приобретением для отряда является киевская молодежь. Теперь у нас был кадр, на который можно было безоговорочно положиться, который не спасовал бы, не выдал бы ни при каких трудностях.

А трудности предстояли немалые.

* * *

23 января 1918 г. Торжественный, незабвенный день отправки на фронт. Отряд выстроился у тогдашнего помещения народного секретариата и президиума ВУЦИК — бывшей редакции буржуазной газеты по Сумской. Товарищи Скрыпник, Затонский, Коцюбинский вышли на балкон напутствовать нас. И думалось: для многих из нас это последнее напутствие. Но веселые, восторженно-самоуверенные лица юношей не давали думать о грядущих смертях и ударах.

— Преклоните знамена перед Рабоче-крестьянским правительством!

Величественно, плавно склоняются алые полотнища, и тотчас же руки юных знаменосцев взвивают их в высь, будто хотят этим поведать нам затаенную, прекрасную своей несбыточной мощью мечту: этим же молодым отважным рукам история судила водрузить красное знамя коммунизма на шпиль Эйфелевой башни.

Один из юношей хотел держать речь. Но он смог только сказать:

— Товарищи, мы идем прокладывать вам путь... вместе с вами...

И слова застряли в горле потрясенного величием момента юноши.

Но и этих слов было достаточно. Они нам дали больше энтузиазма, зажгли наши сердца ярче, чем могли бы сотни речей красноречивейших ораторов.

И невольно возникла мысль: мы ошибались, недооценивали рабочую молодежь, когда считали ее грядущим резервом борцов за коммунизм. Этот резерв уже пришел, уже влился в наши ряды. И не мы прокладываем путь для подрастающих поколений рабочей молодежи,—молодежь прокладывает путь к коммунизму с нами и, нередко,—впереди нас.

* * *

Нас отправили не на Киев, а на Кременчуг, захваченный к тому времени полками—орловским, брянским, севским и елецким, украинизированными и снабженными гайдацким командным составом. По самым скромным подсчетам, у врагов было свыше 6.000 штыков, а в красных отрядах, наступавших на Кременчуг, едва насчитывалось 300: по сто в кременчугском и полтавском отрядах да около ста в нашем, принявшем временное название «Добовольного отряда Червоного Козацтва».

Медленно передвигаемся цепями со стороны ст. Потоки на Кременчугский вокзал. Ленивая, нестройная перестрелка. Вдруг кто-то из кременчужан, случайно попавший в наш отряд, вносит сумасбродно-дерзкое предложение:

— Товарищи, бросим эту волюнку, выделим часть отрядов и ворвемся в город, в тыл гайдамакам, через хутор Череднички.

Я собираюсь возражать: тогдашняя примитивная тактика «эшелонной войны» почти не знала еще маневров и обходных действий, и побеждал тот, кто захватит железнодорожную станцию. Но молодежь восторженно подхватывает заманчивое предложение кременчужанина, и убивать ее революционный пыл в первом же бою—не решаешься. Большая часть отряда, с адъютантом товарищем Я. Львом во главе, движется в обход, а мы с 30—35 наиболее надежными товарищами врываемся в город через хутор. Вначале противник, не ждавший этого, приходит в смятение, и мы захватываем несколько улиц. Но вскоре враги выясняют наши силы и устраивают засаду на Троицкой площади. Нас обстреливают из-за всех заборов, с крыш домов, даже с куполов собора. После короткого боя, в котором наша горсточка отважных, но неопытных бойцов, потеряла 2 убитыми и 6 ранеными, мы оказываемся осажденными в детском приюте Чуркина. Переводим детишек в подвал, где они в безопасности, а сами отстреливаемся из окон, зная, что гибель всех нас неизбежна, если во-время не подоспеет подкрепление. А молодежь не желает ждать, требует вылазки.

Первая вылазка неудачна, и мы, понеся потери, вновь загнаны в приют. Бронемашина, пришедшая к нам на помощь, приводится в негодность разрывными пулями врагов, искромсавшими шины в клочья. Но молодежь не падает духом и предпринимает новую вылазку. Последнюю: лучше погибнуть в открытом бою, чем быть перерезанными гайдамаками, если они захватят приют. Вырываемся стремительно на улицу, поднимаем стрельбу... и враг, не выдерживая нашего отчаянного напора, подавленный не силой, не численностью, а упорством и безумной отвагой юных красных бойцов, обращается в бегство.

Вокзал к тому времени уже был занят красными отрядами. После десятичасового упорного боя—город в наших руках.

Я получил в этом бою два незначительных ранения и должен был остаться в строю, так как заменить меня в отряде было нечем: предстояли новые сложные боевые задачи, а среди находящихся в отряде старых солдат все явственнее проявлялось разложение.

И все раненые юноши отказались пойти в госпиталь и остались в эшелоне, подвергаясь неоднократно до выздоровления всем опасностям боевой обстановки, лишённые необходимого ухода и питания.

Солдаты-фронтовики, вышедшие с отрядом из Харькова, скопом дезертировали после попытки вызвать в отряде бунт, сразу же парализованный киевской молодежью. Нас осталось 32 человека, включая меня и адъютанта.

Между тем, отряд получил боевой приказ, для выполнения которого, даже по тогдашним временам, необходимо было несколько сот опытных бойцов: занять город Умань, где стоял тогда гайдацкий полк, охранять заводы в Уманском и Липовецком уездах, очистить и охранять железнодорожную линию Цветково—Вапнярка.

Выхода не было, оставалось попытаться хотя бы частично выполнить приказ, пользуясь ничтожным наличием штыков в отряде. Впервые с чувством неуверенности в успехе я обратился к отряду. Огласивши приказ, я сказал:

— Товарищи, выполняя этот приказ, мы идем на верную гибель. Я предоставляю каждому из вас, кто этого пожелает, право оставить отряд теперь же.

И не оказалось ни одного малодушного. Некоторые даже возмущались самой постановкой вопроса:

— Как оставить в руках гайдамаков Умань, раз нет пополнения—справимся и сами!

И справлялись. Творили чудеса, непостижимые даже в те дни, когда подвиг был массовым явлением. Сам теперь с трудом веришь, когда вспоминаешь о проделанной тогда молодежью героической работе. Три десятка смельчаков при пулеметах, отрезанные от остальных красных частей, разоружили гайдацкий полк в 700 чел., захватили 12 пулеметов, арсенал в 10.000 винтовок, под-

держивали без единого расстрела полный порядок во всем уезде, организовали, вооружив рабочих, охрану двух десятков сахарных и винокурных заводов, охраняли длинную железнодорожную линию, выезжая туда мелкими группами время от времени.

И при всем этом у них хватало времени для партийной пропагандистской работы: Уманская парторганизация значительно оживилась и выросла за время пребывания там отряда.

Наш отряд держался в Умани, отрезанным от центров и почти сплошь окруженный врагами, еще три дня даже после отступления Советской власти из Киева под напором немцев. Отважное упорство доходило, пожалуй, до абсурда: отряд полностью (не исключая, каюсь, и командного состава) отказался выполнить трижды повторенный Главверхом тов. Коцюбинским приказ об оставлении Умани.

От верной гибели нас спасла трагическая случайность, оказавшаяся для нас, впрочем, счастливою: другой «Советский» отряд (Сиверса 2-го) напал на наш отряд и насильно вывез его из Умани.

* * *

Наш отряд, слегка пополненный и принявший название «Уманского отряда ВУЦИК», находится на Бахмачевском участке фронта, которым командует т. В. Примаков¹⁾.

Получаем боевое задание: выбить «вильне козацтво» из ст. Круты. Значительного отпора мы не ждем, едем с песнями, даже не захватив достаточного количества патронов.

Тов. Сема Мальчиков, вообще болезненный, захворал и на этот раз. Однако, не взирая на мои возражения, он едет с нами. Вдруг, не доезжая до ст. Плиски, мы встречаем один из красных отрядов, отступающий с поля сражения совершенно разбитым. Из переговоров выясняется, что по линии наступают крупные немецкие силы, которых здесь никто не ждал так скоро.

Штаб участка фронта совершенно не предупрежден о грозящей опасности. Вопрос для меня ясен—необходимо во что бы то ни стало задержать продвижение немцев, пока наш штаб не примет соответствующих мер. Иначе потеряем весь участок фронта.

Но тов. Мальчиков едва держится на ногах, и допускать его к участию в бою,—значит бессмысленно погубить его. А он слишком ценен для нас. Пытаюсь убедить его вернуться в Бахмач, но убеждение не действует.

Тогда я пускаюсь на хитрость:

— Необходимо доставить срочное и секретное донесение тов. Примакову; кроме вас—никому не могу этого доверить.

И видя, что он еще колеблется, я применяю последнее средство и принимаю начальнический тон, столь необычный в наших отношениях:

¹⁾ Командир корпуса червоного казачества теперь.

— Не забывайте, что вы в строю. Я вам приказываю, извольте подчиняться без разговоров.

Это, наконец, подействовало, и тов. Мальчиков отправляется встречным эшелонном в штаб.

В ожесточенном бою, продолжавшемся всего лишь час, мы расстреляли все патроны и понесли колоссальные потери: из 86 человек, находившихся в цепи, невредимыми вернулись в Бахмач лишь 18. Но мы задерживали продвижение немцев до прибытия подкрепления в лице 4-го Чехословацкого полка (чехословаки, пробиваясь из Украины в Сибирь, временно поддерживали нас в борьбе с немцами). Общими усилиями удалось отбить немцев и занять станцию Плиски.

Я, к сожалению, не мог оставаться на позициях до конца боя и принужден был, сдав командование тов. Логинову, вернуться в Бахмач, так как получил ранение руки. Тов. Мальчикова я застал в постели, в сильном жару. Увидя меня, он произнес:

— Я вам никогда не прощу этого. Вы лишили меня возможности участвовать в бою... В первом бою с немцами.

Чтобы в достаточной мере оценить это настроение молодежи, надо вспомнить ту панику, какая охватила большинство наших отрядов при приближении немецких войск.

* * *

В самые тяжелые дни, когда положение казалось безвыходным и безнадежным, киевская молодежь в нашем отряде не теряла бодрости, жизнерадостности, уверенности в победе.

Между тем Советская власть и Красная гвардия терпели все новые удары и поражения. Сильным моральным ударом для многих из нас явился Брестский мир, действительная сущность которого была ясна далеко не всем. В отрядах началось разложение, руководители все больше проникались пессимизмом. «Умереть с музыкой»,—таково было настроение большинства. Помнится, в таком духе я выступал на одном из общих собраний отряда.

— Революция гибнет. Нам, последним горстям, способным еще умирать, остается одно: умереть в бою, «с музыкой», как умирали парижские коммунары.

Какую бурю возразжений вызвали мои слова! Первым напустился на меня, понятню, мой обычный оппонент т. Мальчиков, за ним целый ряд других. Задорно, даже жестоко, разбивали меня, что называется, «по косточкам».

— Разве может революция погибнуть? Это только один из зигзагов... Погибнем мы, но революция победит, не может не победить!

И сознание, что ты разбит, не вызывало чувства досады или недовольства. Невольно возникало преклонение перед этой непоколебимой, горячей верой в революцию, которую не могут сло-

мать временные удары, как бы тяжелы они ни были. Чувствовалось, что истоки этой веры не в юношеском увлечении, а в непреодолимой мощи того великого класса, из недр которого вышли эти юные борцы.

И проникался все сильнее их уверенностью: революция не погибнет; в этой яркой молодой вере, в неудержном, отважном стремлении этой молодежи к грядущим победам—залог ее будущего.

Был в те времена такой неприятный порядок заведен—после удачных боев их участники получали денежную награду. Я говорю «неприятный порядок», так как он разлагал малоустойчивых бойцов, вызывал корыстолюбивые настроения. Но, с другой стороны, при полном отсутствии регулярного снабжения (питались тем, что захватят на фронте) «наградные» деньги служили для бойцов значительным подспорьем, облегчавшим их материальное положение.

После одного из боев, где наш отряд особенно отличился, командование фронта вручило мне некоторую сумму «наградных» для бойцов, получилось по 50 рублей на каждого—по тогдашним временам не так уж мало. Началась раздача; но, как только очередь дошла до юношей-киевлян—они упорно стали отказываться принимать деньги:

— Мы не ради денег дрались. Это нас оскорбляет.

Такое положение грозило обострением отношений в отряде между принявшими уже деньги и отказавшимися их принять. А несогласия внутри отряда отражаются на его боеспособности. Допустить этого нельзя было. Растолковав это киевлянам, я заставил их, скрепя сердце, принять деньги.

Но денег этих они на себя тратить не стали. Проездом через Киев многие из юных бойцов оставили свои «наградные» местным товарищам:

— Для нужд союза пригодятся. Мы их приняли, как боевую награду. А тратить их на себя, как деньги—мы не намерены. Мы не ради денег на фронт пошли.

* * *

Наш отряд завоевал себе репутацию одного из лучших на Украине. Ему часто поручали наиболее опасные, рискованные задания. Понятно, этой репутацией отряд обязан был не руководителям, не командному составу, весьма неопытному в военном деле, а исключительно безмерной отваге и самоотверженности киевской рабочей молодежи, составлявшей основной кадр отряда.

Репутация отряда, как «отчаянного», не останавливающегося ни перед какими препятствиями, неоднократно облегчала ему выполнение боевых задач, производя психологическое воздействие на неприятеля. Так было и в Таганроге, куда отряд прибыл без

командира, сопровождая эвакуировавшееся туда Украинское Советское Правительство и государственную кассу. Вот эту-то кассу вздумали «отбить у большевиков» левые эсеры, властвовавшие тогда в Таганроге.

Они выслали на вокзал свой партийный отряд, превосходивший численностью наш втрое, окружили эшелон, потребовали выдачи кассы.

Разбивать разложенные гайдамацкие полчища, состоящие из нежелающих воевать крестьян-фронтовиков, вещь не такая уж трудная: гораздо сложнее дело, когда приходится драться с таким же партизанским отрядом, да еще «идейным», состоящим из членов партии, претендующей на «революционность».

А наши ребята не растерялись. Адъютант сошел за командира.

— Выкатывай пулеметы. Это вам не шутки—с Уманским отрядом заводить. Киевская молодежь отстоит. Почище эсеров били!

«Уманский отряд—киевская молодежь»—эти слова оказали магическое действие на эсеров. Они заметно заколебались. А когда в дверях показались наши пулеметы—ряды эсеров сразу же поределели, и понемногу они разошлись вовсе.

— Да ну их, с этими головорезами-киевлянами дело иметь. И вправду, из-за кассы не стоит заводить.

Такая же картина повторилась, когда совершенно разложенный Екатеринославский отряд решил арестовать в Таганроге свой исполком. Одним своим видом, —вернее—именем, наш отряд навел панику на зарвавшихся екатеринославцев.

Эсеры, правда, не уgomонились, и возни с ними было еще достаточно в Таганроге. Вздумал их военный комиссар Родионов потребовать, чтобы все наши бойцы взяли у него разрешение на право ношения оружия. Мера, рассчитанная на то, чтобы выяснить наши действительные силы. Но для нас, партизан, это было неслыханным оскорблением.

— Если мои ребята встретят ваших, не снабженных разрешениями, —говорил мне Родионов,—то разоружат их.

— Советую вашим ребятам не встречаться с нашими, —ответил я,—не то худо вашим будет.

Мои слова оправдались. Эсеровский патруль обезоружил нашего пулеметчика «Толстомордого»¹⁾, встретив его в одиночку на улице.

И киевляне, даже без моего ведома, в два счета обезоружили весь злосчастный эсеровский патруль. А эсеры не рискнули ничем реагировать на это.

¹⁾ Двух наших пулеметчиков киевляне прозвали «Куцемордым» и «Толстомордым»; клички до того привились, что все мы забыли действительные имена пулеметчиков.

«Толстомордому» же влетело от киевских ребят основательно как он мог допустить, чтобы какие-то эсеры отобрали у него освященное в боях оружие.

✻ ✻ ✻

Однако, в Таганроге нам пришлось отряд ликвидировать. Пополнение, набранное в Екатеринославе, разложилось совершенно, а воевать против немецкой армии горсточкой юношей-киевлян было бесцельно.

Кое-кто из бойцов покрепче влился в отряд Червоного Казачества т. Примакова. Только лишь киевская молодежь держалась попржежнему, спаянной группкой, очевидно, замышляя вновь коллективное использование своих сил, своей кипучей энергии, не истощенной еще, не ослабшей, несмотря на колоссальные трудности, перенесенные в период боев и отступлений.

— Куда же вы теперь думаете направиться?—спросил я как-то киевлян.

— А куда же нам еще? Мы все—обратно на Украину, в подполье: там мы больше всего пригодимся.

Прощаясь, они говорили:

— Скоро встретимся в Красном Советском Киеве.

Я глядел на их озаренные, открытые и смелые лица, с какими они шли в бой,— и верил, не мог не верить в эту скорую встречу,

* * *

Я набросал лишь несколько штрихов героического эпоса небольшой горсточки киевской молодежи. Но эти юноши не были похожи на сказочных, романтических героев. Они творили свои светлые подвиги просто, непосредственно, сами не замечая своего героизма: иначе они и не могли поступать.

И в этом умении превращать подвиг в быт, в этом строительстве яркого, красочного быта коммунистической революции—самая их ценная, самая красивая черта.

Этим они заставляли нас еще крепче верить, что не может не победить класс, породивший такую молодежь, обладающий такими резервами.

Вот почему так неизбывны, так неизгладимы воспоминания о них.

Ф. ПЛАСУНОВ

Уральская сотня

Последние числа февраля—первые числа марта 1918 года. Впервые раздается громкий, тревожный революционный набат по склонам и отлогам Уральских гор, призывающий уральских рабочих в ряды революционной Красной гвардии.

Впервые начинается лихорадочно-спешная организация боевых отрядов революционных уральских пролетариев для непосредственного боевого участия в защите пролетарской революции. Впервые по заводам пролетарского Урала прокатывается неудержимая волна добровольной записи в ряды рабоче-крестьянской Красной гвардии—для защиты прав трудового народа...

Это восстал против власти трудящихся полковник Дутов со своими белогвардейскими бандами оренбургских казаков. Это в грозном поединке скрещивается оружие революционных рабочих и крестьян Урала с оружием непримиримых врагов пролетариата — офицеров и защитного казачества. Моментажно все оживает, преобразается.

Рабочие быстро вооружаются и устремляются дружными рядами на защиту красного Урала. Впереди их, как и всегда, идет пролетарская молодежь.

Созданный тогда уже Уральский Областной Комитет Социалистического Союза Рабочей Молодежи, 6—7 марта объявляет добровольную мобилизацию членов Союза на Дутовский фронт, телеграфно сообщает об этом в местные организации и к 9-му марта в сердце Красного Урала—Екатеринбурге,—с'езжаются до 80 членов Союза из Мелинского, Новомелинского, Теплогорского и целого ряда других заводов, к ним примыкают до 50 членов ССРМ Екатеринбургской организации из созданного заранее отряда Красной гвардии при ней, таким образом, в два-три дня первая сотня боевого отряда Социалистических Союзов Рабочей Молодежи Урала. Благодаря уходу почти всех активных работников в рядах этой первой сотни и совершенному отсутствию времени, создание других сотен

не удается; 9 марта сотню обмундировывают, вооружают, 10 вся она идет за город на пробную стрельбу и 11 марта под боевым лозунгом «смерть или свобода» уезжает на фронт. И тут на безлесных, снежных громадных степях Оренбургской губернии лучшая, сознательная часть пролетарской молодежи Урала получает боевое крещение. Вместе с другими сотнями взрослых рабочих она делает 25—30 верстные переходы в день по глубоким снежным сугробам, участвует во всех возникающих стычках, перестрелках и боях, выполняет серьезные разведочные задания. Главные силы Дутова в то время были сконцентрированы в Верхнеуральске, и отряд из 4 дружин, в котором находилась наша сотня, сразу же по приезде получает задание взять его. Через несколько дней стоянки в Троицке, во время которых велась подготовка, отряд выступает в Верхнеуральск. Первый ружейный и пулеметный огонь сотне пришлось услышать в станице Сухтемек, в 75 верстах от Троицка и в 50 верстах от Верхнеуральска. Здесь впервые дутовцы по ночам стали обстреливаться на посты, группы разведчиков, наспех сооруженные нами из навозных куч окопы и, наконец, в третью ночь нашей стоянки повели усиленный обстрел всей станицы, чем навлекли на себя гнев станичников, так как были случаи, когда пули, пробиваясь через одну стоянку жилых домов, впивались в противоположную.

Из Сухтелей отряд, по некоторым соображениям, должен отойти обратно к Троицку. Во время этого отступления сотня выполняла задание прикрытия артиллерии, обоза и т. д. В девятнадцати верстах от Троицка, на Черной речке, пользуясь присутствием неподалеку леса и выгодной природной позицией, белогвардейцы-казаки конной атакой, с диким гиканьем напали. Отряд в том числе и сотня, были раскинуты в цепь и повели энергичный обстрел нападающих казаков; благодаря вскоре подоспевшей артиллерии и сильному огню, развитому ею через 1—2 часа, нападавшие были рассеяны, в лавровый венок побед небольшого отряда Красной гвардии была вплетена еще одна победа над белогвардейскими бандами... В Троицке отряду, готовясь к будущим походам, пришлось задержаться почти целую неделю.

Этим воспользовалась немногочисленная кучка малодушных и дезертировала с фронта. Впоследствии эта уехавшая часть постановлением Областного Комитета ССРМ за дезертирство с фронта была исключена из членов ССРМ.

Затем сотне было дано задание очистить один из жел.-дор. мостов, неподалеку от Троицка, от гироксилиновых шашек, которые были подложены белогвардейцами с целью взрыва. Сотня погрузилась на бронированный поезд, представлявший из себя обыкновенные вагоны-платформы с большими тюками из шерсти, положенными по их краям, и двинулась выполнять это задание. При подезде к мосту поезд стали сильно обстреливать залегшие вблизи банды дутовцев, так что сотне пришлось под огнем слезать с

поезда на землю, разбиться на две группы, одна из которых пошла цепью в наступление на обстреливающих, другая же осталась работать из-за моста. После большой перестрелки первая группа, совместно с конными разведчиками, разогнала небольшие части обстреливающих, вторая же за это время успела очистить мост. Таким же образом, выполнив боевое задание, сотня снова вернулась в Троицк. Затем отряд приступил к разоружению по станицам казачества, в то же время преследуя отступающие банды Дутова. Последняя крупная схватка с Дутовым произошла под станицей Бриентской, к которой отряд подошел в одну из апрельских ночей. Станица была обложена цепью с трех сторон, четвертая же сторона случайно осталась открытой. Перед утром отряд, открыв артилл. огонь, повел внезапное наступление на станицу, с целью захвата в плен Дутова с его бандитами. Сотня в это время была оставлена в резерве, но при развитии наступления, видя, что четвертая сторона станицы самая невыгодная для наступления, — так как она все время обстреливалась с колокольни церкви белогвардейскими пулеметами, но вполне пригодная для отступления в виду имеющихся небольших прикрывающих гор, не занятых нашими войсками, решила собой закрыть и этот выход для дутовцев. Немедленно же поведшееся наступление сотни однако при не вполне благоприятных условиях постоянного обстрела, гористой местности и т. д. запоздало и не смогло дать желаемых результатов.

Дутовцы успели проскользнуть. После этого все усилия отряда догнать остатки дутовцев оказались тщетными, они сумели уйти глубоко в Тургайскую область, где преследование оказалось невозможным.

Таким образом развязка с белогвардейской дутовской командой быстро пришла к концу, и отряд, с ним и сотня, первого мая 1918 года вернулась в Екатеринбург, где и была распущена, оставив по себе громкую, неувядаемую славу.

А. Б.

На фронте

Помнится, как сейчас, день отъезда нашей сотни на фронт: Это было 11-го марта 1918 года. К штабу начинают собираться юные борцы в полной боевой готовности. На лицах — выражение уверенности и непоколебимой твердости.

Спустя некоторое время раздается команда:

«Становись»...

Быстро выстроившись, ждем, что будет дальше. И вот перед нами выступает с речью начальник сотни. Он призывает свято исполнить свой долг. Слушая этот горячий призыв, невольно хочется крикнуть: «Мы уже готовы». «Победить или умереть!» — вот наш лозунг.

Речи окончены, одна за другой раздается команда, и мы стройно и уверенно шагаем к вокзалу. Устроившись в вагонах, с нетерпением ждем отхода поезда.

Все спешат поскорее занять места, наскоро простившись с родными и знакомыми. Слышны возгласы: «Прощайте, пишите».

Вот и третий звонок. Поезд дал сильный толчок и начинает двигаться, постепенно развивая скорость, унося нас на борьбу за светлое будущее.

«Да здравствует юная добровольческая Красная армия!» — кричит один из товарищей, и громкое «ура» разносится в воздухе.

Слышится еще несколько лозунгов, которые покрываются восторженными криками молодых коммунаров. Начинается пение революционных песен, которые сливаются с равномерным стуком поезда и создают какую-то особенную гармонию.

Местом действия наших отрядов была Оренбургская губерния и часть Тургайской области.

Дутов руководил партизанскими отрядами, организуя их во всех концах. Определенного фронта, какой был в германскую войну, не было. И нам приходилось все время преследовать дутовцев, которые вились в разные стороны, боясь вступить с нами в откры-

тый бой. Они постоянно разбивались на мелкие отряды и соединялись снова. Мы же имели очень мало кавалерии, не могли вести достаточной разведки, чтобы точно определить местонахождение противника. После долгих преследований, благодаря предприимчивости нашего командования, противник вынужден был принять бой.

Верстах в 25 от города Троицка есть небольшая казачья станица, которая называется Берлин. После стоверстного перехода с незначительными остановками для отдыха мы делаем 4-часовую стоянку. После отдыха идем дальше—по направлению к Троицку.

Отходя с версту от этой станицы, слышим треск пулемета. Часть нашего отряда отделилась для выяснения причин стрельбы.

Прошли еще несколько верст. Из-за горки, которую мы перешли, нас начали обстреливать из пулеметов. Почти в это же самое время с левого фланга и спереди из логов показались ряды противника, которые шли на нас в атаку. Но наши тоже не дремали, и быстро рассыпавшись в цепи, пошли на противника, который усердно обстреливал нас из пулеметов. Вдруг раздался сильный глухой удар, потом другой, еще сильнее. Это была наша артиллерия. Ряды врага стали редеть и заметно было какое-то смятение. Нас охватила дикая радость, и мы во-всю начали стрелять из винтовок. Противник, видя нашу силу, показал спину и исчез в лесу. Преследовать нам не было возможности, т. к. у него было много кавалерии, а у нас только пехота.

Это был первый бой и первая попытка дутовцев окружить нас кольцом, в которой они потерпели полную неудачу.

После боя пришлось еще пройти верст 12, которые нам показали за 40, т. к. после большого перехода и боя мы были сильно утомлены.

Наконец, впереди блеснул огонек. Это был Троицк.

Нас распределили по квартирам. Почти весь 1-й взвод назначили в какую-то буржуазную квартиру, куда нас долго не хотели пускать. Кое-как начальник уговорил хозяев, и нас поместили в довольно обширной буржуазной кухне с большой печкой и полатами. Напившись чаю, улеглись спать. Отдохнув в Троицке несколько дней, мы снова возобновили преследования оставшихся сил противника.

Теперь мы ехали на лошадях, чтобы скорее нагнать дутовцев и сохранить силы. После долгой погони наша разведка обнаружила, что дутовцы становились в станице Бриентской, где и был дан решительный бой, окончательно решивший их, судьбу. Наша боевая задача была выполнена.

Ярошевский (Ф. Мороз) и Б. Гарин

Одесская дружина

Это было в те дни, когда одесский пролетариат, пробужденный подземными толчками контр-революции, начал думать о защите Революции.

Передовая рабочая молодежь Одессы поставила себе целью захват власти пролетариатом не только путем словесной агитации, но и путем вооруженной борьбы за эту власть.

Это было в сырой, туманный вечер. К Союзу СРМ, тогда еще помещавшемуся на Ст. Портофранковской ул., стали подходить молодые рабочие, знавшие, что в этот вечер должна решиться их дальнейшая судьба.

Этот вечер—поворотный пункт в деятельности тех первых пятидесяти, которые вошли в состав дружины ССРМ. Первая встреча старыми красногвардейцами молодых была не особенно дружественной, и многие, в том числе т. т. Чижики и Слепов, колебались было одно время—вручить ли винтовку молодежи. Наконец, получены «новейшего образца» «скорострельные» винтовки, повидимому, отбитые в русско-турецкую кампанию лихими казаками. Довольно внушительные с виду, эти «берданки» были весьма слабо приспособлены к «вооруженной борьбе».

Дисциплинированность молодежи, беспрекословное исполнение всех распоряжений командования Красной гвардии и энтузиазм в короткий срок изменили отношение красногвардейцев, и мы были признаны равноправными членами Красной гвардии.

Это было за несколько дней до декабрьских боев 1917 г. Дружина молодежи в эту ночь несла охрану Красной гвардии, и когда посреди глубокой ночи раздался призыв к оружию, в руках молодежи оказались те знаменитые однозарядные «пушки», о которых мы раньше говорили. Взволнованный тов. Урицкий сообщил, что сейчас нам предстоит первое боевое крещение и что для этой цели необходимо 20 охотников. Охотниками оказались все, и потому по выбору т. т. Урицкого и Учителя были выделены 20 человек.

Задача заключалась в следующем: гайдамаки, чувствуя назревающие события, под прикрытием конницы, под носом Красной гвардии, вооруженные до зубов, пытались вывести из гаража по Софиевскому переулку находившиеся там автомобили. Эти автомобили нужно было отбить у гайдамаков. Рассыпавшись цепью, мы на углу Софийской и Конной заметили движущиеся тени автомобилей. Точно электрический ток ударил по всем дружинникам, и, не сговорясь, из 20 глоток вылетело могучее «стой».

Этот возглас был настолько решителен и неожидан, что почти решил судьбу дела. Опешившие было в начале гайдамаки быстро пришли в себя и, выскакивая из автомобилей, пытались оказать сопротивление, но, окруженные со всех сторон дружинниками, гайдамаки не могли ничего предпринять и вынуждены были сдаться. Помнится, как в пылу разоружения некоторые дружинники, сгоряча, сносили все оружие на руки тов. Урицкому, и у последнего за плечами и на руках оказалось довольно большое количество винтовок и шашек. Вследствие такого «вооружения» т. Урицкий чуть не погиб.

Одному из гайдамаков удалось спрятаться за автомобиль, и когда тов. Урицкий, заметив его, пытался обезоружить, последний, видя его положение, вместо сдачи оружия, прицелился винтовкой ему в грудь. И только вмешательство наше и тов. Учителя спасло положение.

Результат схватки—26 пленных гайдамаков, 1 офицер, такое же количество трехлинейных винтовок и сабель и несколько «наганов»; ехавшая же сзади гайдамацкая конница лихо показала тыл.

Не меньшее значение для подготовлявшегося выступления Красной гвардии имели находившиеся на пробном заводе «Арпса» автомобили, охранявшиеся двумя сербскими ротами, прекрасно вооруженными и весьма враждебно относящимися к намечавшемуся выступлению рабочих. Штабом Красной гвардии решено было одним ударом убить двух зайцев: захват для боевой операции автомобилей и разоружение ненадежной воинской части.

Группа в 7 дружинников, в том числе и убитый впоследствии т. Вигман, отправилась в Слободской район милиции, где жил старик Трофимов, оттуда направились в Слободской район КПУ, где ожидала шофера Румчерода и несколько красногвардейцев во главе с тов. Пшебыльским (ныне рабочим 1-го Госкожзавода). Затем все направились на Городскую ул., на Сл.-Романовке, на заводе Арпса. Подкравшись к часовому, дружинники Вигман и Смирнов обезоружили последнего, при чем «грозное оружие», нагнавшее ужас на часового, заключалась в револьвере «лефоше» без единого патрона и в бомбе без капсуль. Эта же бомба не меньшее впечатление произвела и в помещении, где находились спящие сербы.

Ворвавшись туда, наши товарищи бросились к стоявшим в козлах винтовкам, а тов. Вигман, высоко держа никуда негодную

бомбу, заставлял сербов исполнять все распоряжения красногвардейцев. Минут через 15 все было закончено, оружие было в наших руках, и два офицера с двумя ротами солдат десятком почти невооруженных людей были взяты в плен. Только после этой операции из Красной гвардии прибыло пополнение из дружинников и красногвардейцев, которое закончило операцию вывозом 46 автомобилей, 4 мотоциклет, 485 винтовок австрийского образца и 15 ящиков патронов.

Эти незначительные сами по себе события были той искрой, которая раздула пожар декабрьских дней, в результате которых победившая гайдамачина развернулась во-всю. Именно здесь в эти тяжелые, критические дни рабочая молодежь доказала свою революционность и сдержала обет молодого дружинника, который давался при вступлении в дружину. День убийства тов. Кангуна был днем, внесшим большое смятение в ряды стариков-красногвардейцев. И только молодежь была спокойна и хладнокровна. Самые ответственные боевые задачи в эти тяжелые для пролетариата дни были возложены на молодую полусотню. Охраняя в начале боев подступы со всех сторон к штабу гвардии, дружина, затем, была брошена в самый разгар боя. Дружинник был и под телефонной станцией, дружинника можно было встретить и у вокзала. Глубокой ночью его можно было встретить и в качестве разведчика в тылу гайдамацких куреней.

В этих боях дружина окончательно оформилась и, спаянная кровью погибшего дружинника тов. Вигмана и ранами целого ряда других, в дальнейшем оказалась наиболее способной боевой единицей.

Время от декабрьских по январские дни дружина употребила на военную учебу, перемежавшуюся с работой в Союзе.

Декабрьское поражение, конечно, не только не остановило пролетариат в его стремлениях к захвату власти, но, наоборот, поставило это во главу угла. Дни декабря и начала января были подготовленными этапами к этому захвату.

Фактический захват власти прошел вполне безболезненно, и к утру весь город находился в руках Советов РД.

В тот же день подозрительное поведение гайдамаков заставило пролетариат насторожиться—и не напрасно. Когда часам к 12—16 января дружина сменила охранявшую телефонную станцию красногвардейскую часть, гайдамаки открыли боевые действия по всему городу. Установив на крыше дома Пташникова, на углу Александровского пр. и Успенской, пулеметы, гайдамаки начали обстрел станции, пытаясь по Полицейской ул. подойти к станции на броневике. В это время другая часть дружинников с боем заняла Юнкерское училище на Итальянском бульваре. К ночи гайдамакам удалось вновь туда ворваться и расстрелять захваченных в плен 6 красногвардейцев, среди которых был и дружинник тов. Алеша Злотопольский.

После захвата всех опорных пунктов Красной гвардией дружина получила приказ занять казарму одного из гайдамацких куреней на 3-й станции, против еврейского кладбища. Во главе с тов. Учителем наиболее отборная часть дружины, вместе с группой моряков, отправилась из Румчорода по месту назначения, причем указания о действиях получались тов. Учителем непосредственно от штаба Гвардии. Заняв посты и захватив в свои руки охрану оружейных складов и броневиков, мы пробыли несколько часов в самой пасти гайдамаков, удерживая у себя, на всякий случай, присланного соседним куренем представителя. Среди глубокой ночи из штаба нам сообщили, что гайдамаки вновь нападают, и чтобы мы немедленно отступили. В это же время со всех сторон по нас открыли стрельбу из пулеметов и винтовок, и мы, отстреливаясь, отступили по направлению к Большому вокзалу, откуда наша группа получила приказ занять и охранять Одессу-Главную. Через некоторое время оттуда были сняты тов. Чижиковым и направлены в Штаб Гвардии, откуда сейчас же часть дружины участвовала в боях под вокзалом и штабом Округа. В этих боях погиб также дружинник тов. Олянкин.

Декабрьскими и январскими днями боевая работа дружины молодежи не кончена. Не менее славные страницы в истории борьбы рабочего класса и рабочей молодежи она вписала на румынско-немецком фронте, пройдя путь от Одессы до Донецкого бассейна и дав большое количество бойцов в начавшую организовываться Красную армию.

Много лучших товарищей из рядов дружины погибло на разных фронтах и в подпольи, не меньшее количество выдвинула она в качестве активных строителей Советского Государства.

И. Скоринко

Вася Алексеев

Вспомнив о Васе Алексееве, я на минуту закрыл глаза и мне так ярко представилась картина.

Подожел Вася и, будучи на 3 года старше, жестом пожилого человека положил на мою голову руку, и слегка заикаясь, участливо проговорил—не унывай!

Сколько раз этой фразой Вася Алексеев изгонял апатию и падение духа у союзного работника, вызванного бесчисленными препятствиями в работе, пренебрежениями к союзу со стороны многих организаций и лиц.

Здесь я о Васе Алексееве буду писать, как о товарище, друге и работнике Петергофского района, но Вася работник всей питерской организации, величина во всероссийском юношеском движении. «Юный Пролетарий», протоколы конференций и съездов, воспоминание работников—этому доказательство.

Василий Алексеев родился в семье бедняка-рабочего в деревне Емельяновке, что рядом с Путиловским заводом, в 1896 году.

Соседство такого гиганта, как Путиловский завод с его копотью, чадом дымящихся труб, скрывает от рабочих и их детей солнце и прелесть чистого воздуха.

Ряд домишек, населенных преимущественно беднотой, с плачем и криками голодных детей, антисанитарными условиями жизни в них, скученностью и полным отсутствием культурной жизни, безусловно способствовали появлению у такого чуткого человека, как Вася, исключительной любви к рабочим, беднякам и возникновению ненависти к буржуазии, которая строит свое благополучие на нищете рабочего.

Драки, кулачные бои и дикие разгулы лишенной культурного времяпрепровождения (там и сейчас кажется нет клуба и библиотеки) молодежи были не по душе любознательному от природы и добродушному Васе Алексееву.

Вместо этого он предпочитает свое время уделить чтению. Книги, окружающая его обстановка, соседство такого кровосо-

сного капиталистического предприятия, как Путиловский завод, создали из него яркий тип рабочего-революционера.

М. Глебов, личный друг Васи Алексеева и горячо его уважающий, пишет о нем следующее¹⁾:

«Выросший в громадном промышленном городе, на одной из далеких столичных окраин, где промышленный капитал создал один из колоссальных источников своего дохода, Путиловский

завод, он впитал в себя характерные пролетарские черты, которые создают тип неукротимого революционера, не падающего духом в поражениях, не увлекающегося победами, тип, который в дни реакции исподволь, как крот, подрывает фундамент враждебного режима, вербуя и организуя отряды революции, а в дни пролетарской диктатуры неутомимо строит новое государство, залог раскрепощения человечества».

Лучшей характеристики, я бы сказал, даже аттестации Васи Алексеева, — нельзя дать.

Мне хочется только снабдить ее теми фактами и штрихами, которые дополняли бы и неоспоримо доказали, что это так.

Вася Алексеев

По своему социальному положению Вася Алексеев потомственный пролетарий. Но определить, где работал Вася, представляется чрезвычайно трудным. Можно сказать, что везде, во всех почти заводах и фабриках Петергофского района.

Вступив в партию РДСРП (большевиков) в 1912 году, т. е. тогда, когда ему было 16 лет, Вася начал рано выдвигаться, как великолепный пропагандист, последовательный и вооруженный марксистской идеологией работник-революционер.

¹⁾ Сборник «За 5 лет», изд. «Юный Пролетарий», 1922 г., стр. 71.

Каждая стачка, выступление рабочих того завода, где работал Вася, если не целиком, то на половину была обязана присутствию среди них его.

И поэтому наш милый и незабвенный Вася в то время для фабрик и заводов был «нежелательный элемент». Его выкидывали с одной фабрики, заноса в «черный список», он поступал в другую, чтобы через несколько дней вылететь вновь на улицу, согласно справки администрации прошлого завода или же за булдрование рабочих.

Моя первая встреча с Васей Алексеевым произошла в 1916 г.

В это время я вошел в социал-демократический кружок Башенной мастерской Путиловского завода.

Присутствуя однажды на сходке кружка в квартире одного рабочего в дер. Волынке и занятый разбором этой беседы, я услышал, как при беседе невзрачного юноши большинство зашумело — Вася пришел! Вася!.. Здравствуй Вася! — Все очень мило пожимали ему руку, говорили с ним, шутили.

Я стал приглядываться к нему. Одет он был в черное пальто с поднятым воротником, в кэпи, небрежно сидевшей на взлохмаченной голове, под пальто серая фуфайка (свитр), обтрепанные брюки и рваные сапоги. Этот наряд был на нем и после революции.

Вид у него был худощавый, утомленный. Роста он был среднего. Если представить определение его внешних физических достоинств дамам, то они бы его назвали неинтересным. Но для нас он был очень симпатичен. С живыми и прекрасными карими глазами, раскрасневшимися от спора или полемики.

Его небольшим физическим недостатком было заикание.

Карманы его пальто, брюк были раздуты от газет и книг. Газеты он обычно покупал всех направлений от рабочих и до погромно-монархических. Читанные книги у него подчеркивались на страницах, заполнялись его мыслями и замечками.

Услышав наш спор, Вася подошел к нам и, положив на мою голову отеческим жестом руку, таким же тоном спросил, заикаясь:

— О чем вы, ребята, спорите?

В голове шевельнулась нехорошая мысль.

— Задается! Ишь, старшего из себя показать хочет, — подумал я.

Но странная вещь. Вася сел рядом и, не снимая с головы руки, начал нам раз'яснять суть спорного вопроса. Раз'яснение было исчерпывающе, понятно и популярно, и к тому же он с нами говорил таким задушевным тоном, что я почувствовал к нему самую искреннюю симпатию и уважение.

С этого дня Вася для меня стал авторитетом. Видимо, ответная симпатия ко мне возникла и у него. По крайней мере он чаще всех говорил со мной, подсовывал мне для чтения брошюры и книги, а после революции он притянул меня даже к себе жить.

Молодежь кружка боготворила Васю Алексева, он был ее гордостью. Но и для взрослых он был также авторитетом и довольно сильным.

Не являясь членом нашего кружка, он тем не менее бывал в нем чаще чем где-либо из-за наличия в его составе большого количества молодежи. В этом проглядывает любовь Васи к рабочей молодежи, желание помочь ей ориентироваться в политических вопросах и в приобретении знаний. Он уже и в это время показывал себя, как лучший работник и пропагандист среди молодежи.

Лишь благодаря ему некоторые из нас счастливо выбрались на большевистскую дорогу из дебрей фракционной и партийной борьбы. Как кто-либо из нас начинал править или леветь, так тотчас же появлялся Вася, тащил нас порой в чайную и там за скромным стаканом чая объяснял, разъяснял, и мы вновь были «честными» большевиками.

Как практик, организатор юношеского движения и даже его теоретик, он проявил себя задолго до появления официальных организаций союза рабочей молодежи.

Это было в 1916 году. Состав нашего кружка, в большинстве рабочая молодежь, стеснявшись от желания большой и видимой революционной работы, начала по его выражению «дурить». Как революционных учеников (или революции), наша работа заключалась в следующем: мы распространяли принесенные в мастерскую листовки, оповещали рабочих о митингах. На митингах мы группировались около оратора и охраняли его от меловых пометок шпионами, ареста. Во время стачек наша деятельность была более шумна и живее. Мы свистали, устраивали шум, крики, останавливали моторы, станки, бегали по мастерским.

Но все это нам казалось малым. Мы захотели быть героями революции. У нас был энтузиазм, кипела молодая энергия, а девать ее некуда.

Видя, что кружок требуемой нами работы не дает, мы стали говорить о «терроре».

Полагая по своему недомыслию, что если ухлопать городского и пристава в Петергофском районе, то там настанет царство абсолютной свободы, мы и наметили себе устройство террористических актов в отношении представителей власти, царя, разгром охранки, кражу оттуда документов.

Гордые появлением у нас таких планов, мы поспешили «порадовать» этим Васю Алексева.

Рассказав мы это взрослому партийцу, он засмеялся бы, рассказал бы это как анекдот, и смех очевидно заставил бы нас выкинуть ряд глупостей и бестактностей.

Но мы имели дело с Васей Алексеевым. Над нами он не смеялся, а, слегка улынувшись, предложил нам его выслушать.

Мы раскрыли рты и узнали, что террор есть средство борьбы за социализм только по мнению эсеров и анархистов, социал-демократы террор и к тому же единоличный отвергают, ибо дело не в личностях, а в строе.

Говорил он с нами долго, и мы были устыжены тем, что прозвали себя мальчишками, уступив своему настроению, вопреки программы и тактики своей партии.

В заключение Вася обещал нам подыскать работу по нам, нужную и революционную.

Прошла неделя, на сходку, где-то около Красного кабачка (у селения Дачное), однажды пришел Вася и, рассадив нас вокруг себя, сообщил нам то, что было для нас неожиданностью.

В простой беседе он нам рассказал о возникновении в западной Европе «Социалистических Союзов Молодежи», их достижениях, целях и задачах. Благодаря ему мы кратко познакомились с историей этих союзов и ролью в них Карла Либкнехта.

Видя, какое сильное впечатление было произведено среди нас этим сообщением, он добавил, что вместо мыслей об эксах и терроре мы могли бы нашу работоспособность и энергию применить в области работы среди рабочей молодежи, организуя аналогичные союзы.

И не его и не наша вина, что организация союза не произошла в 1916 году, и Вася не был его инициатором общепризнанным.

Группа старых партийцев, узнав об этой мысли, нашла организацию союза, в условиях русской действительности, неприемлемой.

Но духом Вася не пал и, применив фразу — «не унывай!», поднял и павшее наше настроение.

Вместо споров, ругани и уныния, которые замечались у нас, он нам растолковал, что между Россией, страной абсолютизма, и западной Европой, с претензией на демократический строй, существует разница. У нас всякая свободная мысль, организация давится, в западной Европе существует хотя относительная свобода слова, печати, союзов и т. д.

Если мы хотим видеть у себя союзы рабочей молодежи, то мы должны проникнуться большей ненавистью к существующему в России строю и должны для борьбы с ним отдать партии все свои силы и знания.

Этот вывод, сделанный Васей, был для нас лучше тысячи агитационных фраз, ссылок.

Пришла февральская революция. Как активный и преданный большевик (некоторое время Вася несколько тяготел к межрайонцам), Вася был избран в ряд партийных (член райкома) и рабочих (член Совета) организаций. Напряженная и большая работа по этим должностям его несколько оторвала от молодежи, и оставленная мысль об организации союза была поднята не им.

Но в апреле месяце, когда союз стал не мечтой, а нарождающейся действительностью, Вася, без ущерба для работы в партии и совете, погружается в союзную работу.

Он раз'езжает по фабрикам и заводам Петергофского района, устраивает митинги, делает доклады, в которых с чрезвычайной простотой выявляет все стремления и цели рабочей молодежи.

Помимо этого он объединяет под своим руководством ядро будущих активистов союза, давая им задание, контролируя их исполнение.

Порой он нас обижал. Нужно, предположим, провести собрание молодежи на заводе «Противогаз». Вася командирует туда меня и перед отъездом спрашивает:

— А о чем ты там будешь говорить?

Мое самолюбие «общественного работника» задето, и я ответил, что я член партии, не мальчик и отчета не хотел бы давать заранее.

— Э! Нет, говори! — наседавал Вася. Пришлось конспективно излагать свои основные мысли. Вася подумал и начал инструктировать. Это не говори, а это скажи так. Пovýсь тон в этом месте, сбавь в таком-то. Добавь и скажи об этом.

Иначе говоря, при моем выступлении, я говорил мысли, слова и интонацией Васи.

Так было со всеми нашими пропагандистами. А лиц других партий (Зернов) Вася просто не пускал на митинги молодежи.

Конечно, от этого и мы и союз в целом выигрывали.

Все факты, имеющие историческое значение, произошли благодаря наличию в союзе Васи.

Так, например, «Социалистическим союзом рабочей молодежи» юношеская организация в Петергофском районе была названа первой и по предложению Васи.

Этим он хотел союзу дать определенную политическую физиономию, и это наименование, несмотря на наличие во всех районах «Труд и свет», не было изменено до «переименования союза в коммунистический».

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был принят также по предложению Васи.

С первого дня своей организации Петергофский районный союз молодежи считался одним из самых революционных, стоящих на большевистской точке зрения районов.

Пользуясь даже незначительным скоплением молодежи, Вася раскрывал мелко-буржуазную и оппортунистическую сущность эс-еров, меньшевиков и организации «Труд и свет».

А виновником распада и ликвидации последней организации в обще-питерском масштабе неоспоримо и справедливо всеми признается Вася Алексеев.

Подрывая авторитет организации «Труд и свет» в Петергофском районе, Вася разоблачал ее и в стенах «межрайонки» с

трибуны и в личной беседе. Распропагандированные им делегаты очень часто ездили к нему, где он всемерно снабжал их соответствующими советами и указаниями.

Победила точка зрения Васи: союзы стали называться «Социалистическими», по примеру Петергофского района.

Избранный первый Петербургский комитет в своем составе также имел Васю Алексеева, и если бы члены его дали союзу подробные воспоминания, то можно было бы увидеть, какую колоссальную роль играл он там.

Нужна была энергия, изворотливость, знания и преданность интересам рабочей молодежи Васи Алексеева, чтобы союз вел прямую большевистскую линию.

Как человек и член партии, Вася был исключительной красоты.

Проходя с ним по улице, можно было видеть, как проходящие мимо рабочие и просто обыватели очень приветливо ему кланялись.

Вставал он очень рано, часов в 7—8 утра.

Наспех позавтракав коркой хлеба, густо посыпанной солью, и с чаем без сахара, он принимался или писать статью или воззвание, или же что-либо читал, делая пометки и выноски.

Глебов в своей статье о чтении Васи Алексеева пишет следующее:

«Когда успевал читать Алексеев? Он читал в вагоне трамвая, где человек обречен на безделье, пока едет, перед собраниями и заседаниями в ожидании их открытия, в столовой за обедом или чаем, словом, всегда, когда глазам человека нечего делать».

С 9—10 часов у него начинался рабочий день, он раз'езжал по заводам, делая доклады, присутствовал на заседаниях совета райкома партии и союзов, выполнял работу в союзе металлистов, писал тезисы к докладам, редактировал юношеские резолюции, был председателем районной следственной комиссии, словом, в районе не было ни одной рабочей, партийной, советской и юношеской организации, где бы не работал Вася.

Его работоспособностью злоупотребляли, расшатывая его организм.

Все крупные доклады и лекции в районе читались обычно им.

Казалось бы, что перегруженность работой, чтением должна была из него выработать сухого, неразговорчивого и чуждого жизни и мелочам человека.

Но это было не так. Вася был очень жизнерадостный и остроумный товарищ.

Очень часто, имея надобность в Васе, я мотался по району в его поисках и натывался на группу, где Вася, дирижируя пачкой газет, вместе со всеми весело напевал.

«Пусть красное знамя собой означает идею рабочего люда...»

Особенно он любил молодежь. В ее кругу он оживал. Вместе с ними он пел, острил, играл в рюхи, чехарду, попутно сообщая с завидной популярностью марксистские истины.

Когда нужно было во время демонстрации охранять большевистские знамена, за это дело брался он, группируя около себя молодежь, готовую по его жесту разнести Невский и Питер.

Несмотря на заикание, Вася был «большим» оратором. Районных «авторитетов» среди меньшевиков он забивал шутя и был опасным противником даже их «верхам», и рабочие его слушали очень охотно.

Возвращался домой он очень поздно в 12—2 часа и вновь принимался читать.

К общей печали неумолимая смерть выхватила его из наших рядов в самый разгар гражданской борьбы, проводником и участником коей он являлся.

А. Серафимович

Анатолий Попов

Пролетариат строит свою новую жизнь не только своими силами, он умеет всосать в себя и из других классов то, что внутренне крепко, чисто и честно. Мы знаем, сколько интеллигентных сил, вышедших из классов, с которыми пролетариат ведет борьбу, смертельно борется против этих классов, плечо в плечо вместе с пролетариатом.

Рабочая молодежь этот огромный кусок пролетариата, в своей организованной части, обладает особенно способностью этого всасывания и перерабатывания в своей среде молодых сил, выходцев из других слоев, из других классов.

Комсомолец, Попов Анатолий, представляет особенно яркий пример пролетарского поглощения. Он происходит из интеллигентной трудовой семьи.

С организацией Коммунистического Союза Молодежи он стал его членом, деятельным и преданным. Из душной обстановки буржуазной гимназии попал в обстановку и атмосферу трудовой и пролетарской молодежи и почувствовал себя, как рыба в воде. В гимназии жизнь молодежи, ее отношения с учителями, между собой определялись тугостью папашиной мощны; среди пролетарской молодежи эти отношения определялись только взаимными симпатиями, были просты, ясны, искренни. Союз, как громадная машина, зубьями стал обрабатывать нового члена.

Своей грубоватой прямоотой он обдирал с него интеллигентскую мягкотелость, условность, предрассудки, неизбежно прививаемые гимназией и пребыванием в буржуазной обстановке, и взамен выковывал способность к борьбе, настойчивость, пренебрежение к опасности—свойства, которые выковываются в пролетарском юношестве всей тяжелой обстановкой их жизни. Гимназия дала ему знание, Союз дал сердце пролетария и руку бойца.

Гимназия не могла этого простить, началась невероятная,

подлая травля как со стороны учеников, так и со стороны учителей. Он ушел оттуда.

Союз дал свои задания и в грянувшую пролетарскую революцию он их свято выполнял, как и все комсомольцы.

В Кремле, при занятии его в октябрьские дни юнкерами, он вместе с товарищем Дугачевым избег расстрела.

Когда буржуазия была сломлена, началась напряженная партийная и союзная работа.

А буржуазные враги не дремали: с севера, с юга, с запада, с востока напирала буржуазно-помещичья войска. Революционной армии до зареза были нужны пролетарские командиры. Анатолий, как и многие комсомольцы, откликнулся на призыв и пошел в артиллерийскую школу. Кончил, его отправили на северный фронт.

Тут наступали от Архангельска черносотенно-белые войска генерала Миллера, а по многоводной Северной Двине канонерки англичан. У нас не было боевых судов. Поставили орудие на самые обыкновенные рабочие буксиры и стали драться. Анатолий был назначен начальником артиллерии на один из таких пароходов. Трудно и тяжело было драться деревянным, совершенно неприспособленным на то буксиром, с закованными в броню английскими канонерками, из которых били тяжелые орудия.

Бывало, встретятся две эскадры—пролетарская ободранная и английская буржуазная, одетая по последней моде в сталь, начинается бой.

Англичане не торопятся подходить—их орудия хватают гораздо дальше, чем красные, и над буксирами рвется шрапнель, взрываются гранаты, выламываются борты, сносятся трубы, со стоном падают люди, но смерть пронесла свою холодную руку над головой Анатолия. Приходилось прибегать к хитрости: ночью на берегу замаскированно ставили батареи, и, когда зарвавшиеся англичане равнялись, били в них в упор, сносили трубы, и на бок канонерки уходили в Архангельск,—сбивали с них спесь.

С севера Анатолия перебросили на юг. Дрались с Деникиным. Анатолий был назначен комиссаром бригады. Но ему поручали боевые задания. Так, в Донбассе ему дали два бронепоезда, с заданием взять станцию.

Он повел. Огонь с батареи противника и с его бронепоезда был чудовищный. Петербургские рабочие, путилевцы, сами оборудовавшие поезд, хмурые, сосредоточенные, черные от копоти, масла и дыма, уже закаленные в боях, смотрели в глаза своему юному командиру,—им нужно было, чтоб кто-то спокойный, уверенный холодно отдавал приказанья. Огонь противника разросся невероятно. Обозначился обход в тыл, пришлось отступить. Бронепоезда, беспощадно обстреливаясь, медленно стали отходить. Молодые силы не выдержали напряжения, Анатолий поднялся на крышу бронепоезда, лег и лежал, как мертвый.

Кругом бешено рвались снаряды, превращая ночь в день, и бронепоезд дрожал от губительных залпов. Но смерть пронесла свою руку над головой юноши. Минуты две неподвижности, свежего ветерка, звездного неба воротили силы. Он спустился, велел быстро отойти. Забрали запас снарядов, осмотрели, оправили и снова пошли в ураган огня. Станция была взята.

На Дону стал разгораться пожар восстания. Анатолия перебросили на Дон и назначили комиссаром Особого Отряда по подавлению восстания. Положение было чрезвычайно трудное. Казаки, как тучи, поднимались со всех сторон, ворвались в Воронежскую губернию, взяли Калач. Надо было отбить, но он был сильно укреплен. Ночью пошла густая мятель, зги не видать. Анатолий убеждал командира ударить ночной атакой.

«Что вы, в эдакую-то темь да мятель. Да наши все перепутаются. В этой каше отряда-то не соберешь,—тогда голыми руками бери».

Но Анатолий на эту дьявольскую ночь, метавшуюся в бушующем снегу, и рассчитывал,—противник меньше всего ожидал, чтобы кому-нибудь пришлось в голову итти в атаку в эту ночь.

Ему дали охотников, и в кромешной тьме, бешено мятущейся снегом, они пошли, держась друг за друга, чтобы не разорваться и не рассеяться в степи.

Расчет оказался верен: казаки меньше всего ожидали нападения, в ужасе не успевали садиться на лошадей и кидались бежать раздетые, куда попало. Калач был взят.

Наконец, Анатолий попал в армию Буденного,—она была брошена на ликвидацию прорыва Мамонтова. Люди кругом валились от тифа. В избах валялись в бреду и мертвые; 17-го октября 1919 года свалился в жару и Анатолий; при страшно мучительной обстановке его дотащили в Козлов, а 30 октября сгорела юная жизнь.

Так жил и умер один из комсомольцев, положивших свои головы за счастье пролетариата.

Содержание

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I ПРЕДШЕСТВЕННИКИ	
Л. Балабанов—Очерки из истории детского и юношеского труда	9
И. Волошин—Первые волнения	20
Г. В. Плеханов—Рабочий подросток на заре революции	21
П. Мойсеев—Пролетарская разведка	25
В. Шелгунов—Воспоминания	27
И. Петухов—Путь рабочего	30
А. Шестаков—Незаконные «Комсомолы»	31
Н. Крупская—Как я стала марксисткой	35
С. Гурвич—Южно-русский союз молодежи	40
«Летучий Листок» № 4. 1903 г.	49
«Церковный совет просит»	53
В. И. Ленин—Письмо о задачах революционной молодежи (1905 г.)	55
«Искра» о южно-русском союзе молодежи	59
В. И. Ленин—Об отношении к учащейся молодежи	60
Аттестация шефа жандармов	64
В. Кузовенко—В первую революцию	65
А. Б.—Три дня	67
Д. М. Сверчков—Подростки на суде	69
М. Фрумкина—Дети-борцы	71
А. Аросев—Казань в глухие годы	75
П. Н.—«Будущность»	83
А. Рымкевич—Из минувших дней	92
Г. Дрязгов—В годы войны	97
Записки охранного отделения	104
Я. Менис—Забастовка мальчиков	105
М. Федоров—Забастовка мальчиков на «Старом Лесенере»	108
Я. Менис—Первый арест	112
Репорт	116
У ИСТОКОВ ДВИЖЕНИЯ	
Оск. Рывкин—Начало	119
Заводские мальчики	135
П. Бурмистров—«Труд и Свет»	136
Манифест пролетарской юношеской организации	146
Программа Социалистического Союза Рабочей Молодежи	151

	Стр.
И. Скоринко—Илья и «Труд и Свет»	152
Н. Крупская—Союз молодежи	154
Н. Крупская—Борьба за рабочую молодежь	156
Н. Крупская—Как организовать рабочей молодежи	158
Э. Л.—Как мы организовали союз социалистической рабочей молодежи	161
Н. Крупская—Письмо в Москву	165
2-я Ленинградская общегородская конференция партии (1917 г.)	169
И. Скоринко—В семнадцатом	172
Н. Скрыпник—6-й съезд большевиков и юношеское движение	181
Резолюция 6-го съезда РСДРП (большевики) о союзах молодежи	186
Л. Шацкий—От большевистского кружка к массовой организации	188
М. Дугачев—Красная Пресня	193
Я. Менис—Инициативная группа	197
Временное Правительство и молодые железнодорожники	201
А. Жеребцова—В волнах революции	203
Ф. Плясунов—Штрихи прошлого	206
В. Бабушкин—Гусевские ребята	214
А. Безыменский—«Мы жизнь куем»	218
М. Гринченко—Большевистский союз	221
Активистка—1-й Нижегородский губсъезд союзов молодежи	227
Союз мальчиков	230
Воззвание к союзам молодежи	232
Первый Всероссийский съезд	235
А. Безыменский—Первые шаги	238
» —У Ильича	244
Приветствия: германского юношества, первого съезда	246
Резолюция	247
В Социалистическом Союзе рабочей молодежи	250

III. МОЛОДЕЖЬ В ПЕРВЫХ БОЯХ ЗА ВЛАСТЬ

Г. Дрязгов—Февральские дни	257
Против Московского Совещания	259
Ася—Июльские дни	260
Натиск контр-революции	262
Напоминаем г. Керенскому	263
Требуем передачи власти	264
В. И. Ленин—Выделить молодежь	266
Ася—В Октябре	267
М. Д.—Рабочая молодежь Питера в Октябре 1917 г.	271
М. Д.—Горрайон в Октябре	276
М. Дугачев—На Пресне	280
Е. Герр—Дни гудков	282
О власти, мире и Учредительном собрании	285
В. Алексеев—Рабочая молодежь и Красная гвардия	287
И. Скоринко—В Красной гвардии	289
И. Кулик—Дневник красного партизана	296
Ф. Плясунов—Уральская сотня	305
Л. Б.—На фронте	309
Ярошевский (Ф. Мороз) и Б. Гарин—Одесская дружина	311
И. Скоринко—Вася Алексеев	315
А. Серафимович—Анатолий Попов	323

ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ

Г. В. Плеханов—23; П. Мойсеенко—25; Н. К. Крупская—33; письмо В. И. Ленина о задачах революционной молодежи—56; В. И. Ленин—61; демонстрация молодежи 1-го мая в Ленинграде—120; обложка журнала «Юный Пролетарий»—121; обложка журнала «III Интернационал»—123; приветствие питерцев—127; «Заводские мальчишки»—135; знамя лесенщевцев—137; знамя к 1 мая 1917 года—139; членский билет юношеского клуба—143; манифест юношеской пролетарской организации—147; снимок с резолюции—153; снимок с письма Н. К. Крупской—166—167; билет Союза Молодежи—189; Г. Белецкий—194; тов. Землячка—195; Воззвание к союзам молодежи—233; снимки с обложки журнала «Юный Коммунист»—237; Президиум I съезда РКСМ—239; Питерский красноармейский отряд—272; второй Петроградский комитет ССРМ—283; 1-ая сотня боевого отряда Урала—307; В. Алексеев—316.

